

ДЖЕННИФЕР
БРАУН

СПИСОК
НЕНАВИСТИ

18+

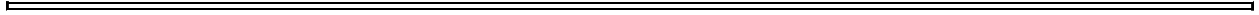
Annotation

Пять месяцев назад Ник, бойфренд Валери Лефтман, открыл стрельбу в школьной столовой, убив многих учеников и учителей и застрелив себя. Пытаясь его остановить, Валери получила ранение в ногу и случайно спасла жизнь своей одноклассницы. Однако ее обвинили в случившемся из-за списка, который она помогла составить, – Списка ненависти, включающего более сотни людей и явлений, которые ненавидели Валери и Ник.

Все лето девушка провела в больнице, где с ней обращались как с возможной подозреваемой. Оказавшись наконец дома, Вал готовится вернуться в школу и продолжить обучение в выпускном классе. Но как справиться с последствиями происшедшего и жить дальше?

- [Браун Дженнифер](#)
 -
 -
 - [Часть 1](#)
 - [Часть 2](#)
 - [Часть 3](#)
 - [Скажи что-нибудь](#)
 - [Благодарность](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)

Браун Дженнифер

Список ненависти

© 2009 by Jennifer Brown

© Н. Павлива, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Посвящается Скотту

*«Мы покажем всем, что они неправы,
И тогда они споют вместе с нами...»*

Nickelback [\[1\]](#)

Часть 1

1

«ГАРВИН-КАУНТИ САН-ТРИБЮН»

3 мая 2008 года репортер Анджела Дэш

«Зверский» – так описывают работающие на месте преступления следователи массовый расстрел, произошедший пятничным утром в кафетерии школы «Гарвин».

– Наши подразделения прорабатывают все детали, – рассказывает сержант полиции Пэм Мароне. – И у нас уже сложилось довольно четкое представление о том, что случилось вчера. Признаюсь, нам было нелегко. Даже самых бывалых офицеров пробирала дрожь, когда они заходили в столовую. Ужасная трагедия.

В результате стрельбы, открытой перед первым уроком, шесть учеников погибли и многие пострадали.

Последней жертвой стрелка – Ника Левила – стала шестнадцатилетняя Валери Лефтман. По имеющимся сведениям, он сначала выстрелил в нее, а потом застрелился сам.

Лефтман была ранена в бедро, и ей потребовалась срочная операция. В окружной больнице, куда была доставлена пострадавшая, ее состояние назвали критическим.

– Она потеряла много крови, – поделился с репортерами врач скорой помощи. – Вероятно, Левил попал ей прямо в бедренную артерию.

– Пациентке очень повезло, – добавила медсестра.

– У девушки хорошие шансы выжить, и мы прилагаем для этого все усилия. С ней многие хотят поговорить, но мы никого не пускаем.

Показания свидетелей разнятся. Одни считают Лефтман жертвой, другие – героиней. Однако большинство полагают, что она вместе с Левилом готовила план убийства ненавистных им школьников.

Свидетельнице преступления Джейн Келлер показалось, что Левил выстрелил в Лефтман случайно.

– Она как будто споткнулась и упала на него, но я в этом не уверена, – описывала Келлер случившееся. – После этого все быстро закончилось. А когда она упала на него, нескольким ученикам удалось сбежать.

Полицией пока точно не установлено, случайно Левил выстрелил в Лефтман или это была неудачная попытка двойного самоубийства.

Согласно более ранним свидетельствам, Левил с Лефтман в подробностях обсуждали возможный суицид. Источники, близкие к паре, сообщают, что они также поговаривали об убийстве. Это наводит полицейских на мысль, что за стрельбой в школе «Гарвин» скрывается нечто гораздо большее, чем кажется на первый взгляд.

– Они часто говорили о смерти, – рассказывает Мейсон Маркум, близкий друг Лефтман и Левила. – Особенно Ник. Мы думали, это своего рода игра, но похоже, они не шутили. Поверить не могу, что ребята замыслили такое. Да я всего три часа назад болтал с Ником, и он об этом ни слова не сказал!

Хотя полиции не известно, умышленно или случайно Левил выстрелил в Лефтман, не остается никаких сомнений в том, что после жестокой расправы над сверстниками он собирался застрелиться сам.

– По словам свидетелей, выстрелив в Лефтман, он направил пистолет на себя и спустил курок, – сообщает сержант Мароне.

Левил скончался на месте.

– Для нас это стало большим облегчением, – признается Келлер. – Кто-то даже захлопал в ладоши. Нехорошо, конечно, но их можно понять. Было очень страшно.

Сейчас полицейские расследуют причастность Лефтман к стрельбе. Поговорить с ее семьей пока не представляется возможным. В настоящий момент полиция проинформировала лишь о своей заинтересованности в том, чтобы пообщаться лично с Валери Лефтман.

* * *

Когда я проигнорировала третий сигнал будильника, мама принялась барабанить в дверь. Подобным образом она пыталась вытащить меня из постели каждое утро. Только сегодня не обычное утро – утро, когда я должна была наконец взять себя в руки и вернуться к привычной жизни. Но с мамами всегда так. Привычка – их вторая натура: если ребенок не встает по будильнику, в ход идут долбежка в дверь и крики, неважно, обычное это утро или нет.

Но мама не кричит, а тихо спрашивает из-за двери:

– Валери? – Ее голос испуган и слегка подрагивает, как часто бывает в последнее время. Она не уверена, то ли мне просто лень подниматься, то ли

ей уже бежать вызывать скорую. – Вставай же, Валери! – умоляет она. – Школьное руководство проявило понимание, позволив тебе продолжить учебу. Не испортить все в первый же учебный день!

Как будто я горю желанием возвращаться в эту школу. В коридоры, по которым наверняка бродят призраки. В столовую, где в прошлом мае рухнул мой привычный мир. Как будто мне мало постоянных кошмаров об этом месте. Я каждую ночь просыпаюсь в слезах и поту, испытывая огромное облегчение от того, что нахожусь в безопасности своей комнаты.

В школе так и не решили, героиня я или злодейка. Их трудно в этом винить. Мне самой не понять, кто я – преступница, воплотившая в жизнь план перебить половину школьников, или отчаянная девчонка, пожертвовавшая собой, чтобы остановить кровопролитие. Порой я чувствую себя и той, и другой. Порой – ни той, ни другой. Все непросто.

Совет школы хотел устроить в мою честь церемонию в начале лета. Совсем спятили. Мне было не до героизма. Я загородила собой Джессику, не думая ни о чем таком. И уж точно меня не озаряла мысль: «Вот он – шанс спасти ту, которая насмеялась надо мной и называла меня Сестрой смерти, схлопотав пулю вместо нее». В любом другом случае подобное сочли бы героизмом, но в моем... люди сомневаются.

Я отказалась идти на церемонию. Мол, у меня нога болит и мне нужен отдых. А маме сказала, что эта церемония – дурацкая затея. «Только в школе могли придумать подобную бредятину. Ни за какие коврижки туда не пойду».

Честно говоря, я боялась встречаться со всеми. Боялась, что люди поверили во все написанное обо мне в газетах и рассказанное обо мне по телевидению и считают меня убийцей. Я страшилась прочитать в их глазах: «Лучше бы ты застрелилась вместе с ним». Еще больше я боялась выглядеть в их глазах самоотверженной героиней. На душе и так было тошно, ведь это мой парень убил нескольких ребят, и похоже, я дала ему понять, что тоже желаю им смерти. Идиотка. Я даже не подозревала о том, что он собирается перестрелять кучу народу, хотя он говорил мне об этом прямым текстом каждый день. Но, вместо того чтобы честно признаться в своих страхах маме, я твердила: «Бредятина какая-то. Ни за какие коврижки туда не пойду». Вот уж точно – привычка вторая натура.

В итоге директор школы мистер Энгерсон сам пришел к нам вечером вместо церемонии. Он говорил с мамой на кухне о... не знаю о чем. О боге, судьбе, травме и тому подобном. Уверена, он ждал, что я выйду из своей комнаты, улыбнусь и скажу, как сильно горжусь своей школой и как счастлива была пожертвовать собой ради нашей «мисс Совершенство» –

Джессики Кэмпбелл. А может, он ждал от меня извинений. И я бы с удовольствием извинилась, если бы могла найти подходящие слова для чего-то настолько ужасного.

Пока мистер Энгерсон дожидался меня, я включила музыку и забралась под одеяло, решив – пусть сидит сколько влезет. Я не вышла из комнаты даже когда мама стала стучать в мою дверь, упрашивая вести себя прилично и спуститься вниз.

– Валери, ну пожалуйста! – шепотом взмолилась она, приоткрыв дверь и заглянув в мою комнату.

Я молча натянула на голову одеяло.

Я не выходила к мистеру Энгерсону не из упрямства, а потому, что не в силах была это сделать. Но мама не понимала меня. По ее мнению, чем больше людей «прощало» меня, тем меньшую вину я должна была ощущать. По мне же, все было как раз наоборот.

Вскоре в моих окнах отразился свет фар. Сидя на кровати, я видела, как мистер Энгерсон отъезжает от нашего дома. Пару минут спустя мама снова постучала ко мне.

– Да, – отозвалась я.

Она вошла в комнату с видом робкого олененка и с раскрасневшимся лицом, сжимая в руке дурацкую медаль и письмо с благодарностями от школьного совета.

– Они не винят тебя, – сказала она в нос осипшим от слез голосом. – Они хотят, чтобы ты это знала. И чтобы ты вернулась. Они очень благодарны тебе.

Мама сунула мне в руки медаль и письмо.

Я опустила взгляд. Письмо подписали только десять учителей. Мистер Клайн, конечно же, в их число не входил. Уже в тысячный раз после случившегося я почувствовала сильнейший укол вины. Мистер Клайн обязательно подписал бы это письмо, но не мог этого сделать, потому как был мертв.

Мы с мамой с минуту смотрели друг на друга. Она ждала от меня хотя бы проблеска благодарности. Раз учителя не заикливаются на произошедшем, то, может, и я смогу спокойно жить дальше? Может, мы все сможем?

– Эм... я поняла, мам, – ответила я, возвращая ей медаль и письмо. – Это... замечательно. – Выдавить ободряющую улыбку у меня не вышло.

А если я не готова пока спокойно жить дальше? Если медаль напоминает мне о том, что парень, которому я доверяла больше всех на свете, стрелял в людей, в меня, в себя? Мне больно принимать

благодарность от школы. Почему мама этого не понимает? Такое ощущение, будто я должна чувствовать одну только благодарность. За то, что выжила. За то, что прощена. За то, что люди осознают: я спасла жизнь другим ученикам.

Однако большую часть времени я не ощущаю никакой благодарности. Большую часть времени я даже не могу разобраться в собственных чувствах. Я чувствую то грусть, то облегчение, то растерянность, то недопонимание. А чаще всего – злость.

Но хуже всего то, что я не понимаю, на кого злюсь сильнее – на себя, Ника, родителей, школу, весь мир? И самое неприятное – я злюсь на погибших школьников.

– Вал, – с мольбой в глазах произнесла мама.

– Нет, правда. Это здорово. Я просто очень устала, мам. Нога болит.

Я снова забралась под одеяло и уткнулась лицом в подушку.

Мама кивнула и, сгорбившись, ушла. Я ничуть не сомневалась, что она попросит доктора Хилера обратить особое внимание на мою «реакцию». Так и виделось, как в следующее наше посещение он, сидя в кресле, протянет: «Итак, Вал, мне кажется, нам следует поговорить о медали».

Потом мама убрала медаль и письмо в ящик, где хранит детское барахло, собранное за эти годы. Детсадовские рисунки, табель успеваемости за седьмой класс, школьное письмо с благодарностью за остановку стрельбы. Маме почему-то такая подборка памятных вещей не кажется странной.

Наверное, таким образом она выражает надежду на то, что однажды я снова буду «в порядке». А помнит ли она, когда я в последний раз была «в порядке»? Я сама этого не помню. Это было до стрельбы? До того как в жизни Ника появился Джереми? До того как мама с папой возненавидели друг друга и я начала искать счастья в ком-то или чем-то другом? Наверное, это было давным-давно, когда я еще носила брекеты и кофточки нежных расцветок, слушала хит-парад «Топ 40» и жизнь мне казалась безоблачной.

Снова зазвонил будильник. Я стукнула по нему и уронила на пол.

– Валери, вставай! – закричала мама.

Мне представилось, как она стоит с беспроводным телефоном, занеся палец над первой цифрой номера «скорой».

– Через час начнутся занятия. Просыпайся!

Я обняла подушку и уставилась на изображенных на обоях лошадей. В детстве, влипая в неприятности, я смотрела на них, воображая, как вскакиваю на коня и уношусь вдаль. Как я скачу и скачу, не останавливаясь, а за спиной развеваются волосы и лошадь не знает ни голода, ни усталости.

Вокруг ни души, впереди – только вечность.

Лошади больше не кажутся мне живыми, теперь они выглядят как паршивенький рисунок на детских обоях. Они никуда меня не умчат, потому что не могут. Это понимание вызывает грусть. Такое ощущение, что вся моя жизнь была долгим несуразным сном.

Услышав звяканье замка, я мысленно застонала. Ну конечно же – ключ. Доктор Хилер, обычно выступающий за меня, почему-то разрешил маме запросто заходить в мою комнату. Вроде как «*на всякий случай*». Так сказать, «*в целях предосторожности*». Сами понимаете, «*в деле фигурировало самоубийство*». В общем, если я не отзываюсь, мама отпирает дверь и заходит с телефоном в руке – на случай если я лежу в луже крови со вскрытыми венами и горкой лезвий на коврике в цветочек.

Я проследила за тем, как повернулась дверная ручка, не отрывая головы от подушки. Все равно ничего не могу поделать.

Мама тихонько вошла. Бинго! В руке у нее телефон.

– Проснулась? Хорошо. – Улыбнувшись, она прошла к окну и подняла жалюзи.

Я зажмурилась от солнечного света.

– Ты надела костюм, – заметила я, закрывая глаза рукой.

Мама разгладила бежевую юбку на бедрах. Так смущенно и робко, будто впервые нарядилась. Она казалась такой же неуверенной, как и я. Мне стало ее жаль.

– Да. – Теперь мама пригладила волосы. – Я подумала: раз ты возвращаешься в школу, то почему бы мне не вернуться в офис на полную ставку?

Я села в постели. Голова от долгого лежания отяжелела, нога легонько подергивалась. Я рассеянно потерла под одеялом впадинку на бедре.

– В мой первый учебный день?

Мама приблизилась, перешагнув в бежевых туфлях-лодочках через валяющуюся на полу кучу грязной одежды.

– Ну... да. Прошло несколько месяцев. Доктор Хилер считает, что я уже могу вернуться к работе. А из школы я тебя заберу. – Она села на краешек моей постели и погладила меня по голове. – У тебя все будет хорошо.

– Ты в этом уверена? Почему ты думаешь, что у меня все будет хорошо? Ты можешь ошибаться. В прошлом мае ты тоже не предвидела ничего плохого.

Я поднялась. Грудь теснило, в любую секунду могли потечь слезы.

Мама сжала в руке телефон.

– Да, я уверена в этом, Валери. То, что произошло, никогда больше не повторится, милая. Ник... его больше нет. Постарайся сейчас не расстраиваться.

Поздно. Я уже расстроилась. Но чем дольше она сидела на моей постели, поглаживая меня по голове как маленькую, а я вдыхала аромат ее духов, которые про себя называла «рабочие», тем реальнее становилось мое возвращение в школу.

– Мы все пришли к мнению, что так будет лучше, Валери. Ты забыла? – спросила мама. – На сеансе у доктора Хилера мы решили, что убегать от проблем – не выход для нашей семьи. И ты с этим согласилась. Ты не хотела, чтобы из-за случившегося страдал Фрэнки. И фирма отца... закрывать ее и начинать все сначала будет слишком накладно. – Она пожала плечами и покачала головой.

– Мам, – жалобно протянула я, но не нашлась, что возразить.

Она права. Я сама сказала, что мой младший брат Фрэнки не должен переезжать в другой город, менять школу и расставаться с друзьями. А отец, зло играющий желваками при каждом упоминании о возможном переезде, не должен открывать новую юридическую фирму после того, как столько труда вложил в старую. Что я не должна забиваться как кролик в нору и учиться с домашними учителями или – хуже того – переходить в новую школу в выпускном классе. Черта с два я буду сбегать, как какой-то преступник, когда не сделала ничего плохого.

– Случившегося не утаить от мира, – призналась я доктору Хилеру, нервно проводя пальцами по подлокотнику кресла. – Наверное, не найдется школы, в которой бы не слышали обо мне. На новом месте я сразу стану изгоем. В «Гарвине» я хотя бы знаю, чего ожидать. К тому же если я сбегу, то все только уверятся в моей вине.

– Тебе будет нелегко, – предупредил доктор Хилер. – Ты столкнешься со множеством трудностей.

– Для меня это не впервой, – пожала я плечами. – Справлюсь.

– Уверена? – недоверчиво поинтересовался он, прищурившись.

Я кивнула.

– Почему я должна сбегать? Это несправедливо. Я справлюсь. А если будет совсем невыносимо, переведусь в другую школу в конце семестра. Но я выдержу. Я не боюсь.

Легко было так рассуждать, когда впереди ждало невероятно длинное лето. Тогда идея о «возвращении» была абстрактной, а не реальной. И как в идею я в это по-прежнему верила. Моя вина лишь в том, что я любила Ника и ненавидела наших учителей, и я не собиралась сбегать и прятаться от

людей, считающих меня виноватой в чем-то еще. Однако сейчас мне предстояло воплотить идею в жизнь и я не просто боялась – я была до смерти перепугана.

– У тебя было целое лето для раздумий, – заметила мама.

Сжав зубы, я повернулась к комоду и достала чистое белье. Затем порылась в куче на полу в поисках джинсов и какой-нибудь футболки.

– Ладно. Сейчас соберусь.

Я бы сказала, что мама улыбнулась, если бы ее улыбка не походила на болезненную гримасу.

Она сделала пару нерешительных шагов к двери, а потом быстро пересекла оставшееся пространство. Видимо, пока решила оставить меня в покое. Ее руки судорожно сжимали телефон. Мама так с ним сроднилась, что как бы не потащила с собой на работу.

– Хорошо. Подожду тебя внизу.

Я натянула мятые джинсы и первую попавшуюся под руку футболку, не заботясь о том, как в них выгляжу. Никакой наряд не уймёт моего страха, и я в любом случае буду привлекать внимание, как бы ни оделась. Я поплелась в ванную и прошлась расческой по грязным волосам. Заморачиваться с макияжем тоже не стала. Не помню, где лежит косметичка. Летом прихорашиваться не приходилось. Большую часть времени я даже ходить не могла.

Обувшись в балетки, подхватила новый рюкзак, купленный мамой несколько дней назад. Он так и валялся пустым, пока она сама не набила его тетрадками и письменными принадлежностями. Старый рюкзак – окровавленный... она, наверное, отправила на помойку вместе с футболкой Ника, найденной в моем шкафу, когда я лежала в больнице. Вернувшись домой и обнаружив пропажу футболки с эмблемой Flogging Molly^[2], я рыдала и обзывала маму стервозой.

Мама никак не хотела понять – эта футболка принадлежала не Нику-убийце, а Нику-моему-парню. Нику, который раздобыл билеты на выступление Flogging Molly и у которого я сидела на плечах, когда они пели песню «Factory Girls». Нику, которому пришла в голову мысль купить одну футболку на двоих и который, недолго ее поносив, отдал мне и больше никогда не просил назад.

Мама уверяла, будто выбросила футболку по совету доктора Хилера. Не верю. Порой мне кажется, что она все свои идеи выдает за его наставления, чтобы я не перечила ей. Доктор Хилер понял бы, что эта футболка не принадлежала Нику-убийце. Я даже не знаю, кто был Ником-убийцей. Доктор Хилер понимает и это.

Собравшись, я оцепенела, охваченная тревожным волнением. Коленки подгибались от страха, ноги отказывались повиноваться, шея покрылась испариной. Я не смогу пойти в школу. Не смогу ходить по ее коридорам и смотреть в лица одноклассникам. Мне не хватит на это духу.

Дрожащими руками я кое-как вытащила из кармана мобильный и набрала номер доктора Хилера. Он сразу ответил.

– Простите, что беспокою вас, – сказала я, опускаясь на постель.

– Не извиняйся, я сам просил тебя звонить. Забыла? Я ожидал твоего звонка.

– Кажется, я не смогу это сделать. Я не готова. И не знаю, буду ли когда-нибудь готова. Наверное, это была плохая идея...

– Перестань, Вал, – прервал меня он. – Ты справишься. Ты готова. Мы с тобой говорили об этом. Будет трудно, но ты выдержишь. За последние месяцы ты пережила вещи поужасней тех, которые тебе предстоят. Ты очень сильная.

На глазах выступили слезы, и я вытерла их пальцами.

– Сосредоточься на настоящем, – продолжил доктор Хилер. – Не ищи скрытого смысла в том, что будет происходить. Воспринимай действительность такой, какая она есть, безо всяких домыслов. Хорошо? Позвони мне, как вернешься домой. Если у меня будет пациент, с тобой поговорит Стефани. Договорились?

– Да.

– Если же тебе понадобится поговорить со мной во время школьных занятий...

– Знаю. Я могу позвонить.

– Помнишь наш разговор? Если ты продержишься хотя бы половину учебного дня, это уже будет победой.

– Мама возвращается на работу. На полную ставку.

– Потому что она верит в тебя. Но она придет домой, если будет тебе нужна. Однако я думаю, этого не случится. А ты знаешь, что я всегда прав. – В его голосе послышалась улыбка.

Я тихо засмеялась, шмыгнула носом и снова вытерла слезы.

– Ну да. Ладно. Мне пора.

– У тебя все получится.

– Надеюсь.

– Я в этом уверен. И помни: если не выдержишь, всегда можешь перевестись в другую школу в конце семестра. А значит, сколько надо потерпеть? Дней восемьдесят?

– Восемьдесят три дня.

– Видишь? Всего ничего! Ты справишься. Позвони мне потом.

– Обязательно.

Я нажала отбой и подхватила рюкзак. Уже выходя за дверь, остановилась. Чего-то не хватает. Я вернулась в комнату, выдвинула верхний ящик комода, пошарила за ним и нащупала то, что спрятала подальше от загребущих рук мамы. Вытащила снимок и взглянула на него в миллионный раз.

Это была наша с Ником фотография на Голубом озере, снятая в последний учебный день десятого класса. Он сидел с пивом в руке, а я безудержно хохотала. Мы устроились на большом валуне прямо у озера. По-моему, нас снимал Мейсон. Никак не могу вспомнить, что меня тогда рассмешило, хотя бессонными ночами не раз пыталась выудить из памяти то мгновение.

Мы выглядим такими счастливыми. И мы были счастливы. Какие бы выводы ни делали из нашей имейл переписки, обсуждения самоубийства и Списка ненависти.

Я коснулась пальцем смеющегося лица Ника. Я все еще отчетливо слышу его голос. Слышу, как он в своей типичной манере просит меня стать его девушкой – одновременно робкий и смелый, заносчивый и романтичный.

– Вал, – сказал Ник, соскочил с валуна и нагнулся за бутылкой пива. Свободной рукой он подхватил с земли плоский камешек и, пройдя несколько шагов вперед, запустил его в озеро. Тот подпрыгнул три раза по водной поверхности и ушел под воду. В лесу поблизости засмеялась Стейси, а за ней следом – Дьюс. Близился вечер, и где-то слева раздалось кваканье лягушек. – Ты когда-нибудь думала о том, чтобы оставить все это позади?

Я подтянула на валун ноги и обхватила колени руками. Мне вспомнилась вчерашняя ссора родителей. Из гостиной доносился голос мамы – слов я не разобрала, но тон был злой. Ночью папа ушел, тихо прикрыв за собой дверь.

– Ты о том, чтобы сбежать? Конечно.

Ник долгое время молчал. Подобрал еще один камешек и снова кинул в озеро. Тот дважды отрикошетил от воды и потонул.

– Вроде того, – проговорил Ник. – Или о том, чтобы без оглядки рвануть на машине со скалы.

Я задумчиво уставилась на заходящее солнце.

– Да. Такая мысль, наверное, многим приходила в голову. Как в «Тельме и Луизе»^[3].

Ник хмыкнул, повернувшись ко мне, допил пиво и бросил бутылку на землю.

– Не видел этого фильма. А помнишь, мы читали «Ромео и Джульетту» в прошлом году?

– Ага.

Он наклонился ко мне.

– Как думаешь, мы похожи на них?

– Не знаю, – сморщила я нос. – Наверное, да.

Ник снова отвернулся и устремил взгляд на озеро.

– Похожи. Правда похожи. У нас с ними сходятся мысли.

Я поднялась и отряхнула попу, на ощупь бугристую после долгого сидения на неровном камне.

– Ты просишь меня стать твоей девушкой?

Он резко повернулся, обхватил меня за талию руками и поднял. Мои ноги заболтались в воздухе, и я взвизгнула, а потом захихикала. Ник накрыл мои губы своими, и все тело будто прошило током. Казалось, я вечность ждала, когда он меня поцелует.

– Если бы попросил, ты бы ответила отказом? – спросил он.

– Да ни за что, Ромео! – воскликнула я и поцеловала его сама.

– Тогда я прошу тебя об этом, Джульетта.

Касаясь лица Ника на фотографии, я слышу вновь его голос и эти слова. Чувствую его рядом с собой. В прошлом мае он для всего мира превратился в чудовище, но в моих глазах остался тем самым парнем, который поднял меня над землей, целовал и называл Джульеттой.

Я засунула снимок в задний карман.

– Восемьдесят три дня. Время пошло, – произнесла я вслух, сделала глубокий вдох и вышла из комнаты.

* * *

2 мая 2008

6:32

«Увидимся в столовой?»

* * *

Чирикнул мобильный, и я поспешно схватила его, чтобы не услышали

мама, брат или, не дай бог, папа. Было еще рано и сумеречно. Таким утром тяжело просыпаться.

До летних каникул, суливших три месяца отсыпания и передышки от школы, осталось всего ничего. Нет, я не ненавидела школу, просто Кристи Брутер постоянно доставала меня в школьном автобусе, я забыла подготовиться к тесту по естествознанию и получила двойку и в конце года предстояли экзамены.

Ник в последнее время затаился. Пару дней он вообще не появлялся в школе, а мне строчил эсэмэски, спрашивая про «говнюков с биологии», «жирных с физ-ры» и «придурка Макнила».

Он весь месяц провел со своим новым дружкой Джереми и, казалось, с каждым днем все больше и больше от меня отдалялся. Я боялась, что он бросит меня, поэтому не показывала, как сильно расстраиваюсь из-за того, что мы редко видимся. Мне не хотелось давить на него. Он легко раздражался, а я не хотела с ним ссориться. Я не спрашивала, чем он все эти дни занимался, вместо этого отвечая на его сообщения «с удовольствием бы окунула говнюков с биологии в раствор формальдегида», «ненавижу этих жирных» и «Макнилу повезло, что у меня нет ствола». Последнее сообщение потом аукнулось мне. Да и не только оно. Но последнее... при мысли о нем меня еще долго мутило. Из-за него детектив Панзелла провел со мной трехчасовую беседу, а папа стал смотреть так, будто видел спрятавшегося внутри меня монстра.

Джереми, с которым сдружился Ник, было за двадцать. Он закончил школу несколько лет назад, но в университет не поступил. Не учился и не работал. По-моему, он занимался только тем, что избивал свою подружку, курил дурь и круглыми сутками смотрел мультфильмы. Пока не встретил Ника. Тогда он бросил смотреть мультфильмы, начал курить дурь с Ником и избивать подружку только по ночам. Днем он забывал о ее существовании, так как торчал в гараже Ника, играя на барабанах и укуриваясь в хлам. Когда я изредка заглядывала в гараж и натыкалась на Джереми, Ник был сам не свой. Я едва узнавала его.

Долгое время я думала: может быть, я никогда толком и не знала Ника? Может быть, смотря с ним телевизор или плескаясь в бассейне, я не видела его – настоящего? И этот настоящий Ник – с тяжелым взглядом, эгоистичный – показывался только в присутствии Джереми?

Есть женщины, которые не обращают внимания на тревожные знаки, явственно говорящие – их мужчина либо извращенец, либо чудовище. Но я не такая и в обратном вы меня не убедите. Когда Джереми рядом не было... когда мы с Ником оставались наедине и я смотрела ему в глаза... я видела в

них только хорошее. Он был хорошим. Иногда он по-дурацки шутил, но мы все грешим этим. Поэтому порой мне казалась разумной мысль, что это Джереми надоумил Ника устроить в школе расстрел. Не я. А Джереми. Он плохой парень. Он – преступник.

Я юркнула с мобильным под одеяло, из-под которого не спешила выбираться. Предстояло пережить очередной школьный день.

– Да?

– Детка, – хрипловато приветствовал меня Ник.

Я подумала, что он еще не до конца проснулся, так как уже отвык вставать рано.

– Привет, – прошептала я. – Решил ради разнообразия сходить в школу?

Он тихо засмеялся. У него было хорошее настроение.

– Ага. Меня Джереми подбросит.

– Здорово. – Я села в постели. – Вчера о тебе спрашивала Стейси. Она видела, как вы с Джереми ехали в сторону Голубого озера. – В воздухе повис не заданный вслух вопрос.

– Ага. – Послышались щелчок зажигалки и шуршание сигаретного фильтра. Ник вздохнул. – Нужно было кое-что сделать.

– Что?

Он не ответил. До меня доносились лишь равномерные выдохи Ника и треск тлеющей сигареты.

Я почувствовала сильное разочарование. Ник не собирался мне ничего рассказывать, и это бесило. У него никогда не было от меня секретов. Мы говорили с ним на любые темы, даже самые неприятные: об отношениях между родителями, о наших школьных прозвищах, о том, как порой мы ощущаем себя пустым местом, если не чем похуже.

Мне захотелось вытянуть из него ответ на свой вопрос, сказать, что я заслуживаю знать правду, но вместо этого я сменила тему – если я наконец-то увижусь с ним, то нет смысла терять время на ненужные ссоры.

– Кстати, я бы пополнила кое-кем наш Список.

– Кем?

Я потерла пальцами уголки глаз.

– Теми, кто говорит «прости», сделав гадость. Рекламщиками фастфуда. И Джессикой Кэмпбелл.

А еще Джереми, – хотелось добавить мне, но я промолчала.

– Тощей блондинкой, которая встречается с Джейком Дилом?

– У-ху, только Джейка не пиши. Он немного грубоват, но не достает меня, как она. Я вчера на уроке о чем-то задумалась, глядя в ее сторону, так

она мне такая: «Что уставилась, Сестра смерти?». Скорчила рожу, закатила глаза и велела не пялиться на нее. Естественно, я ответила, что плевать на нее хотела. Тогда она съязвила: «Ты на похороны не опоздаешь?». И ее тупые подружки заржали, словно она у нас сраный комик. Сучка.

– Ты права. – Ник закашлялся. Раздался шорох переворачиваемых страниц, и воображение нарисовало, как он, не вылезая из постели, делает записи в красном блокноте. – Все эти белобрысые курицы должны сгинуть.

Я тогда засмеялась. Смешно же. В тот момент я действительно была с ним согласна. И, смеясь, не чувствовала себя ужасным человеком, потому что считала ужасными *их*. Они заслуживали этого.

– Чтоб их родители переехали на собственных тачках! – в сердцах добавила я.

– Шел я тоже в Список добавил.

– Правильно. Она без конца трещит о том, как попасть в спортивную команду. Заколебала уже.

– Точно.

Мы с минуту помолчали. Не знаю, о чем думал Ник. Тогда я приняла его молчание за безмолвное согласие со мной, словно мы с ним настроены на одну волну и слова не нужны. Но теперь я знаю – это были всего лишь «домыслы», о которых любит рассуждать доктор Хилер. Люди часто предполагают, будто «знают», что творится в чужой голове. Но знать это невозможно и убеждение в обратном – ошибка. Большая ошибка, способная сломать вам всю жизнь, если вы еще и беспечны.

На заднем фоне слышались невнятные звуки.

– Мне пора, – сказал Ник. – Нужно сначала отвезти ребенка Джереми в детский сад. Его подружка все мозги нам этим проела. Увидимся в столовой?

– Ладно. Стейси займет нам столик.

– Клево.

– Люблю тебя.

– И я тебя, детка.

Разговор я закончила с улыбкой и мыслью, что, может, Ник разобрался с беспокоящей его проблемой. Может, он по горло сыт Джереми, а вместе с ним и его ребенком, мультяшками и травкой? Может, я уговорю его вместо обеда в столовой сбегать со мной через дорогу в закусочную? Вдвоем. Как в старые добрые времена. Мы устроимся на бетонном разделительном барьере, задевая друг друга плечами и болтая ногами, будем говорить о музыке и есть сэндвичи, выковыривая из них лук.

Я прыгнула под душ, даже не позаботившись включить свет.

Окутанная паром, в темноте улыбалась своей надежде получить от Ника какой-нибудь подарочек. Он часто радовал меня ими – то появлялся в школе с раздобытой на заправке розой, то тайком на перемене подкидывал в мой школьный шкафчик шоколадку, то незаметно засовывал в тетрадь записку. При желании Ник мог быть невероятно романтичным.

Я вышла из душа и вытерлась. Тщательно причесалась, подвела глаза и надела черную джинсовую мини-юбку со своими любимыми леггинсами – в черно-белую полоску, с дырой на колене. Натянула носки, сунула ноги в балетки и подхватила рюкзак.

Мой младший брат Фрэнки завтракал на кухне хлопьями. Он уложил волосы «ежилом» и походил на мальчишек из рекламы «Поп-тартс» – эдаких идеально зачесанных скейтеров. В свои четырнадцать Фрэнки много о себе воображает. Считает себя знатоком моды и одевается так стильно, будто только что сошел со страниц глянцевого журнала.

Мы с ним близки, несмотря на то что у нас совершенно разный круг общения и совершенно разное понимание того, что считать классным. Бывает, он раздражает меня, но большую часть времени мы с ним ладим. Он прикольный младший братишка.

На столе перед ним лежал открытый учебник истории, и Фрэнки лихорадочно строчил что-то на листе бумаги, прерываясь только на то, чтобы засунуть в рот ложку хлопьев.

– Готовишься к съемке рекламного ролика геля для волос? – спросила я, проходя мимо и задев его стул бедром.

– Что? – Фрэнки провел ладонью по ежику волос. – Дамочкам нравится такая прическа.

– О да, – я с улыбкой закатила глаза. – Папа уже ушел?

Фрэнки сунул в рот хлопья и вернулся к своей писанине.

– Только что, – ответил он с набитым ртом.

Я достала из морозилки вафли и сунула одну в тостер.

– Вчера так занят был своими дамочками, что не сделал домашку? – поддразнила я брата и наклонилась вперед, чтобы заглянуть в его записи. – Интересно, а что думали женщины во время Гражданской войны о... нагеленных волосах?

– Ой, отстань, – пихнул меня Фрэнки локтем. – Я до двенадцати болтал с Тиной. Мне нельзя идти неподготовленным. Если получу еще одну тройку, мама психанет и опять отберет мой мобильный.

– Ладно, ладно. Не буду к тебе приставать. Еще не хватало помешать вашему с Тиной захватывающему телефонному роману.

Из тостера выпрыгнула вафля. Я взяла ее и откусила, ничем не

намазав.

– Кстати, тебя мама в школу везет?

Брат кивнул. Мама каждый день подвозила Фрэнки в школу по дороге на работу. Из-за этого у него перед занятиями всегда было свободное время. Мне бы оно тоже не помешало, только не хотелось каждое утро выслушивать мамины замечания о моей «жуткой прическе» и «чересчур короткой юбке» и вопросы вроде: «Зачем такой красивой девушке, как ты, портить свою внешность подобным макияжем и перекрашенными волосами?». Я предпочитала дожидаться на улице автобуса, забитого качками, чем сидеть рядом с ней в машине. И это о многом говорит.

Я глянула на часы, встроенные в плиту, закинула рюкзак на плечи и откусила еще один кусочек от вафли. Автобус мог прийти в любую минуту.

– Я пошла, – направилась я к двери. – Удачи с домашкой.

– Пока, – крикнул Фрэнки мне вслед, когда я уже вышла на крыльцо и закрывала за собой дверь.

Воздух был какой-то промозглый, словно близилась зима, а не лето. Похоже, теплее, чем сейчас, этот день уже не станет.

2

«ГАРВИН-КАУНТИ САН-ТРИБЮН»

3 мая 2008 года репортер Анджела Дэш

Шестнадцатилетняя Кристи Брутер, капитан школьной команды по софтболу, была первой и, похоже, запланированной жертвой.

– По словам одноклассниц, он толкнул Кристи в плечо, – рассказывает мать девушки, Эми Брутер. – И когда она обернулась, бросил: «Ты давно уже числишься в нашем списке». «В каком списке?» – спросила она, и он выстрелил.

Брутер была ранена в живот, и по словам докторов, «ей чертовски повезло, что она выжила». В ходе расследования подтвердилось, что имя Брутер действительно было первым среди сотен других в печально известном «Списке ненависти» – красном блокноте, конфискованном у родителей Ника Левила спустя несколько часов после массового расстрела.

– Нервничаешь?

Я пожала плечами и подцепила пальцем кусочек резины, отходившей от подошвы балеток. Меня обуревало столько эмоций, что хотелось выскочить из машины и пронестись по улице с диким криком. Хватило же меня только на то, чтобы пожать плечами. И это хорошо. Мама с меня глаз не спускала. Любой неверный шаг с моей стороны, и она помчится к доктору Хилеру, наговорит ему всякого, раздув из мухи слона, и тогда меня опять ждет *серьезный разговор*.

Мы с доктором Хилером ведем *серьезный разговор* минимум раз в неделю. Проходит он примерно так.

Доктор Хилер спрашивает:

– Тебе ничего не угрожает?

– Я не собираюсь покончить жизнь самоубийством, если вы об этом, – отвечаю я.

– Да, об этом.

– Не буду я ничего с собой делать. Это мама паникует на пустом месте.

– Она просто волнуется за тебя.

Потом мы обычно переходим к другим темам, но по возвращении домой я забираюсь в постель и начинаю думать об этом. О самоубийстве. Мне ничего не грозит? Может, у меня проявляются суицидальные наклонности, но я их не замечаю? А потом в сгущающихся сумерках я извожу себя вопросом: что же, блин, со мной приключилось такого, что я сама не знаю кто я? Ведь это же самый легкий вопрос на свете. Только я уже долгое время не могу на него ответить. А может, и никогда не могла.

Порой в моем мире – где родители ненавидят друг друга, а школа смахивает на поле битвы – отвратно быть мною. Ник был моей отдушиной. Единственным человеком, который меня понимал. Мы словно были половинками одного целого – с одинаковыми мыслями, чувствами, бедами. И теперь, лишившись своей половинки, я лежу в темной комнате, страдая от того, что не знаю, как опять стать самой собой. Поворачиваюсь на бок, смотрю на нарисованных лошадей и, как в детстве, мечтаю о том, чтобы они ожили, унесли меня прочь и я бы больше не изводилась подобными мыслями. Я не знаю кто я, и от этого очень больно. Зато я знаю наверняка, что устала от боли.

Мама протянула руку и ободряюще похлопала меня по колену.

– Если выдержишь половину дня и я тебе понадобится, позвони. Хорошо?

Я не ответила. В горле встал ком. Казалось нереальным, что я буду ходить по школьным коридорам и встречаться с хорошо знакомыми мне

ребятами, вдруг ставшими незнакомцами. Такими как Аллен Мун – он заявил прямо в камеру: «Надеюсь, они упекут Валери за решетку. Пожизненно». Или как Кармен Чиарро – ее процитировали в газете: «Не понимаю, откуда в этом Списке взялось мое имя. До того дня я вообще знать не знала Ника и Валери».

Ника она, может, и не знала. Он перешел в нашу школу в девятом классе и был тихим худеньким пареньком, плохо одетым и грязноволосым. Но мы с Кармен вместе ходили в начальную школу. Она соврала, сказав, что не знает меня. И поскольку она дружила с нашим «мистером Квотербеком» – Крисом Саммерсом, который ненавидел Ника и при каждом удобном случае издевался над ним на потеху своим друзьям, подозреваю, что и Ника она тоже знала. Я встречусь сегодня с Алленом и Кармен? Они будут меня искать или будут надеяться на то, что я не появлюсь?

– И у тебя есть номер доктора Хилера, – снова похлопала меня по колену мама.

– Знаю, – кивнула я.

Мы повернули на Оук-стрит. Я бы могла проделать этот путь за рулем с закрытыми глазами. Поворот направо, на Оук-стрит. Затем налево на Фаундлин-авеню. Снова налево, на Старлинг-стрит. И наконец направо – на парковку. Прямо впереди школа «Гарвин». Не пропустишь.

Этим утром я смотрю на нее другими глазами. Никогда больше вид этой школы не вызовет во мне того волнения, которое я испытывала в девятом классе. Никогда больше не будет ассоциироваться с умопомрачительным романом, радостью, смехом и гордостью за хорошо выполненную работу – всем тем, о чем думают люди, вспоминая свои школьные дни. Ник и это отнял у меня, у нас всех в тот день. Он лишил нас не только наивности и ощущения благополучия. Он обокрал нас, забрав и наши воспоминания.

– У тебя все будет хорошо, – повторила мама.

Я отвернулась и уставилась в окно.

Через футбольное поле под ручку с Сэмом Холлом шла Делани Петерс. Не знала, что они встречаются. Мне вдруг почудилось, будто не лето прошло, а целая жизнь. Не случилось то что случилось, я бы все лето провела на озере, в боулинг-клубе, у заправки и в забегаловках, слушая сплетни о жизни знакомых и их новых романах. Вместо этого я заперлась ото всех в своей комнате. Меня мутило даже от мысли о том, чтобы пойти с мамой в магазин.

– Доктор Хилер твердо убежден, что ты справишься сегодня на ура.

– Знаю.

Я наклонилась вперед, и у меня засосало под ложечкой. На трибунах как ни в чем не бывало сидели Стейси, Дьюс, Мейсон, Дэвид, Лиз и Ребекка. Будь все как всегда, я сидела бы вместе с ними. И с Ником. Мы бы сравнивали учебное расписание, ворчали по поводу того, с кем придется сталкиваться на уроках, болтали о совместных вечеринках. У меня начали потеть ладони. Стейси засмеялась над чем-то сказанным Дьюсом, и я почувствовала себя изгоем острее, чем когда-либо.

Мы въехали на подъездную дорожку, и в глаза тут же бросились две припаркованные у школы патрульные машины. Наверное, я пораженно ахнула или лицом выдала свое удивление, потому что мама объяснила:

– Теперь это обычное дело. Обеспечение безопасности. Сама понимаешь, из-за чего. Полиция боится появления подражателей. Тебе здесь ничего не угрожает, Валери.

Мама остановилась, убрала руки с руля и посмотрела на меня. Уголки ее губ подрагивали, и она рассеянно подцепляла заусенец на пальце. Я сделала вид, что не замечаю этого, и вымученно улыбнулась.

– Я заеду за тобой ровно в 14:50. Буду ждать тебя здесь.

– Я справлюсь, – тихо ответила я и потянула дверную ручку. Ослабевшие руки с трудом справились с ней, но в конце концов дверца открылась. А значит, мне придется выходить.

– Может быть, завтра слегка подкрасишь губы? – спросила мама, когда я вылезла из машины.

О чем она думает? Я промолчала, машинально поджав губы, чтобы, как обычно, подправить помаду. Закрыла дверцу и махнула маме рукой. Она помахала в ответ и провожала меня взглядом, пока ей не посигналила стоявшая позади машина.

С минуту я стояла столбом, не зная, хватит ли мне духу зайти в здание. Ныло бедро, кружилась голова. Однако никто не обращал на меня внимания. Мимо прошли две десятиклассницы, взволнованно обсуждавшие предстоящие танцы. Незнакомая девчонка захихикала, когда ее ткнул пальцем в бок бойфренд. Учителя загоняли учеников в школу. Все так же, как в начале прошлого года. Странно.

Я шагнула вперед, но как вкопанная застыла, услышав за спиной голос:

– Не может быть!

У меня возникло ощущение, что кто-то вырубил вокруг звук, нажав кнопку на пульте управления миром. Я обернулась. Позади меня, держась за руки, стояли Стейси и Дьюс. Стейси пораженно открыла рот, Дьюс,

наоборот, поджал губы.

– Вал? – ахнула Стейси.

Она не верила своим глазам – но не тому, что это я, а тому, что я здесь.

– Привет, – сказала я.

Дэвид обогнул Стейси и обнял меня. Обнял скованно и сразу же отпустил, отошел к остальным и уставился в землю.

– Я не знала, что ты сегодня возвращаешься в школу, – заговорила Стейси.

Она бросила быстрый взгляд на Дьюса, оценивая его реакцию на сказанное. Уже вовсю пытается походить на него. Неприятно и непривычно видеть на ее лице улыбку с намеком на превосходство.

Я передернула плечами.

Мы со Стейси дружим, кажется, целую вечность. Любим одни и те же фильмы, носим один размер одежды, одинаково одеваемся и одинаково лжем. И летние каникулы раньше проводили вместе. Но между нами есть одна большая разница. У Стейси нет врагов. Вероятно, потому что она постоянно пытается всем угодить. Из нее можно слепить все что угодно: скажешь ей, какой она должна быть, и она тут же такой становится. Стейси далеко до популярной девчонки, но она и не лузер, как я. Она держится нейтрально, избегая и гонений, и излишнего обожания.

После «инцидента», как папа называет случившееся, Стейси дважды заходила меня проведать. Один раз в больнице, когда я еще ни с кем не разговаривала, и второй раз дома, после выписки – я тогда попросила брата сказать ей, что сплю. Больше ни она не пыталась пообщаться со мной, ни я – с ней. Возможно, в глубине души я считала, что не заслуживаю иметь друзей. Что Стейси заслуживает подружку получше меня.

Мне даже жалко ее немного. По ее лицу читалось: она бы с радостью вернулась к нашим дружеским отношениям и чувствует себя виноватой за то, что держит меня на расстоянии вытянутой руки. Но она прекрасно осознает, как теперь будут воспринимать ее дружбу со мной остальные. Если я виню себя за любовь к Нику, то винит ли она себя за любовь ко мне? Быть моей подругой рискованно. В нашей школе это будет означать конец репутации. Социальное самоубийство. И Стейси не хватит смелости, чтобы пойти на этот риск.

– Нога болит? – спросила она.

– Иногда, – глянула я на свое бедро. – Одна радость – на физкультуру ходить не придется. Но я, наверное, вечно буду опаздывать на уроки.

– Была на могиле у Ника? – влез Дьюс.

Я вскинула на него взгляд. Он смотрел на меня с отчетливой

неприятно.

– Была хоть у кого-нибудь на могиле?

– Оставь ее, – пихнула его плечом Стейси и неуверенно добавила: – Она только что вернулась в школу.

– Да, не лезь к ней, – промямлил Дэвид. – Рад, что ты в порядке, Вал. Кто у тебя будет вести математику?

– Вы чего? – взвился Дьюс. – Она может ходить. Так почему не была ни у кого на могиле? Если бы я записывал имена тех, кому желаю смерти, то хотя бы почтил их память.

– Я не желала им смерти, – еле слышно произнесла я. – Он, знаешь ли, был и твоим лучшим другом.

Дьюс приподнял бровь.

Повисло молчание, и я заметила, что на нас бросают любопытные взгляды. Окружающих заинтересовала не стычка, а я, словно до них вдруг дошло, кто я такая. Все медленно обходили нас, перешептываясь и таращась. Стейси тоже это подметила, слегка напряглась и устремила взгляд в сторону.

– Мне пора в класс, – сказала она. – Рада, что ты вернулась, Вал.

И, не дожидаясь ответа, направилась в школу. За ней следом потянулись Дэвид, Мейсон и остальные.

Дьюс шел последним.

– Да уж, мы рады этому до опупения, – проворчал он, толкнув меня плечом.

Я стояла на тротуаре, ощущая себя брошенной на необитаемом острове, вокруг которого колыхалось людское море – оно толкало меня то вперед, то назад, но с собой не уносило. Может, мне простоять на этом самом месте до возвращения мамы, которая приедет в 14:50?

На мое плечо опустилась чья-то ладонь.

– Пойдем со мной?

Я обернулась и обнаружила миссис Тейт, нашего школьного психолога. Она обняла меня за плечи и повлекла вперед. Вдвоем мы смело рассекали волны людского потока, слыша за спиной перешептывание.

– Приятно видеть тебя, – произнесла миссис Тейт. – Тебе, наверное, страшно?

– Да, – ограничилась я коротким ответом.

Она так быстро шла, что я еле поспевала за ней. Я даже не успела запаниковать, как мы уже оказались в вестибюле школы. Как же так? Я почувствовала себя обманутой, словно имела полное право на панику, а у меня его отобрали.

Внутри царила суэта. Офицер полиции у дверей проверял металлодетектором одежду и рюкзаки учеников. Миссис Тейт махнула ему рукой и прошла мимо, утянув меня за собой – без досмотра.

В коридорах было немногочленно, как будто многие ребята не пришли, но в остальном, похоже, ничего не изменилось. Стоял гомон голосов, ботинки шаркали по блестящей плитке пола, хлопали дверцы школьных шкафчиков и хлопки эхом отскакивали от стен.

Мы повернули в коридор к столовой. От мгновенно охватившей меня паники сжалось горло. Должно быть, миссис Тейт почувствовала мой страх, потому что сжала мои плечи и еще больше ускорила шаг.

Столовая – место, где раньше по утрам яблоку негде было упасть, – была пуста. Все столики и стулья стояли незанятыми. В дальнем конце – там, где лежала Кристи Брутер, – установили пробковую доску. В самом ее верху выделялась надпись цветными буквами «МЫ БУДЕМ ПОМНИТЬ», а сама доска была завешана записками, открытками, лентами, фотографиями, баннерами и цветами. Две девушки – издалека я не видела, кто именно, – прикрепляли к ней еще одну записку и снимок.

– Мы бы запретили ученикам собираться по утрам в столовой. Из соображений безопасности, – пояснила миссис Тейт, словно прочитав мои мысли. – Но, как видишь, они сами этого не хотят. Теперь здесь только обедают.

Мы пошли через столовую. Мне чудилось, что я сейчас поскользнусь на полу, покрытом липкой кровью. Я старалась не обращать внимания на разыгравшееся воображение и сосредоточиться на цоканье каблучков миссис Тейт. Пыталась вспомнить, как правильно дышать и концентрироваться, чему меня учил доктор Хилер, но все его уроки вылетели из головы.

Мы вышли из столовой в коридор, где располагались кабинеты администрации. Технически мы находились в передней части здания. Тут тоже полицейские проверяли одежду и рюкзаки школьников металлодетекторами.

– Боюсь, со всеми этими мерами предосторожности с утра нам труднее будет включиться в учебный процесс, – вздохнула миссис Тейт. – Но, конечно же, так мы будем чувствовать себя в безопасности.

Она провела меня мимо офицеров в административную часть здания. Секретари посмотрели на нас с вежливыми улыбками, но ничего не сказали. Опустив голову, я последовала за миссис Тейт в ее кабинет. Надеюсь, она позволит мне подольше у нее посидеть.

Кабинеты миссис Тейт и доктора Хилера разнились как небо и земля.

В кабинете доктора Хилера было чисто и аккуратно, по стенам тянулись ряды полок со справочной литературой. У миссис Тейт все было завалено грудami исписанной бумаги и учебными материалами, словно ее кабинет служил одновременно и комнатой психолога, и подсобкой. Буквально каждый дюйм плоской поверхности покрывали стопки книг и фотографии детей и собак миссис Тейт.

Большинство школьников, сидя в кабинете миссис Тейт, либо жалуются на учителей, либо листают каталог с перечнем университетов. Если она пошла учиться на психолога в надежде работать с проблемными подростками, то, наверное, очень разочарована. Если, конечно, можно быть разочарованным тем, что в твоей жизни не хватает проблемных людей.

Миссис Тейт указала мне на кресло с потрепанной обивкой из искусственной кожи, обошла шкафчик для хранения документов и села за свой стол, заваленный кипами бумаг и стикерами. Наклонилась вперед и сложила руки прямо поверх оставшейся от одного из обедов обертки от фастфуда.

– Я ждала тебя сегодня, – сказала она. – Рада, что ты вернулась в школу. Это требует большого мужества.

– Я решила попробовать, – пробормотала я, рассеянно потирая бедро. – Не обещаю, что останусь. – *«Восемьдесят три дня. Время пошло»*, – повторила я про себя.

– Надеюсь, останешься. Ты хорошая ученица. А! – воскликнула миссис Тейт, подняв палец.

Она потянулась в сторону и дернула на себя ящик шкафа для бумаг. Стоящая на нем фотография черно-белого кота покачнулась, и я представила, как миссис Тейт раз десять в день поднимает упавшую рамку. Она достала коричневую папку и раскрыла ее перед собой на столе. Ящик остался открытым.

– Кстати, об учебе. Ты, кажется, подумывала о поступлении в... – миссис Тейт перелистнула несколько страниц, – в университет штата Канзас. Я ничего не спутала? – Перевернув еще пару страниц, она заскользила пальцем вниз по листу. – Точно. Университет штата Канзас и Северо-Западный университет штата Миссури. – Миссис Тейт захлопнула папку и улыбнулась. – На прошлой неделе я получила из этих университетов требования. Мы немного запаздываем с подготовкой документов, но это не страшно. Тебе, скорее всего, придется письменно объясниться по некоторым пунктам в твоём личном деле, но это тоже не страшно, так как тебе не было предъявлено обвинение в... сама знаешь в чем.

Я кивнула, понимая, о чем она говорит. Только этому обвинению не обязательно значиться в моем личном деле – наверное, не найдется ни одного человека в стране, который бы обо мне не слышал. Я прямо как лучшая подружка всего мира. А может, худший его враг.

– Я передумала.

– Выбрала другой университет? Это не должно быть проблемой. С твоими оценками...

– Нет, я решила вообще никуда не поступать.

Миссис Тейт наклонилась вперед, снова положив руки поверх обертки от фастфуда.

– Совсем никуда? – нахмурилась она.

– Да. Не хочу.

– Послушай, Валери, – мягко заговорила она. – Я знаю, ты винишь себя в случившемся. Думаешь, что ты – такая же как он. Но это не так.

Я выпрямилась и постаралась выжать из себя уверенную улыбку. Сегодня мне меньше всего хотелось поднимать и обсуждать эту тему.

– Миссис Тейт, вот правда, не нужно. – Чтобы успокоиться, я коснулась заднего кармана юбки, в котором лежала наша с Ником фотография. – Я в порядке.

Она подняла руку и посмотрела мне прямо в глаза.

– Я провела с Ником больше времени, чем со своими сыновьями. Он был чересчур дотошным. И всегда злился. Он был из тех ребят, которые видят мир в черном цвете. Его обурежала ненависть. Точнее, она двигала им.

Нет! – хотелось закричать мне. – Неправда! Ник был хорошим. Я это видела.

Мне вспомнилось неожиданное появление Ника однажды вечером, когда у родителей, как всегда после ужина, назревал скандал. Я чувствовала приближение бури: мама что-то ворчала себе под нос, бросая тарелки в посудомойку, а папа мерил шагами коридор между гостиной и кухней, поглядывая на маму и качая головой. Тучи сгущались, и на меня далеко не впервые навалилось ощущение усталости. Хотелось лечь спать и проснуться утром в другом доме и в другой жизни. Фрэнки уже слинял в свою комнату. Видно, он тоже от всего этого устал.

Я поднималась по лестнице наверх, когда раздался звонок в дверь. В соседнее с дверью окно я увидела переминающегося с ноги на ногу Ника.

– Открою! – крикнула я родителям, сбегая вниз, но они уже начали скандалить и не услышали меня. – Привет, – вышла я на крыльцо. – Что случилось?

– Привет. – Ник протянул мне компакт-диск. – Вот, принес тебе. Записал сегодня днем. Под эти песни я думаю о тебе.

– Спасибо. – Я пробежалась взглядом по листочку на обороте коробки, на котором Ник напечатал названия песен и имена исполнителей. – Мне очень приятно.

По ту сторону двери послышался голос папы. Он практически рычал:

– Знаешь, может, я так и сделаю! Может, больше не вернусь домой, Дженни! Отличная идея!

Ник посмотрел на дверь. На его лице отразилось смущение и что-то еще. Жалость? Страх? Может, та же усталость, какую ощущала я?

– Хочешь уйти? – спросил он, сунув руки в карманы. – Несладко тут у вас. Можем немного с тобой побродить.

Я кивнула, приоткрыла дверь и положила диск на столик в коридоре. Ник взял меня за руку и увел на поле за моим домом. Устроившись в траве, мы смотрели на звезды и говорили о... обо всем и ни о чем.

– Знаешь, почему мы так с тобой ладим, Вал? – спустя какое-то время спросил Ник. – Потому что мы одинаково мыслим. Словно у нас с тобой один мозг на двоих. Это классно.

Растянувшись на земле, я закинула на его ногу свою.

– Обалденно, – согласилась я. – Пофиг на родителей. Пофиг на их идиотские ссоры. Пофиг на всех. Кому есть до них дело?

– Уж точно не мне. – Ник почесал плечо. – Я долго считал, что меня никто не поймет. Но ты меня понимаешь.

– Конечно. – Я повернула голову и чмокнула его в плечо. – А ты понимаешь меня. Даже как-то страшновато от того, насколько мы схожи.

– Но это же хорошо?

– Это очень хорошо.

Ник повернулся ко мне и оперся на локоть.

– Здорово, что мы есть друг у друга, – сказал он. – Даже если весь мир нас возненавидит, нам будет на кого опереться. Двое против целого мира. Только мы с тобой.

В тот момент мои мысли были заняты мамой и папой с их вечными ссорами, поэтому я решила, что мы говорим о них. Ник прекрасно знал, как тяжело мне приходится. Своего отчима Чарльза он называл «отчим дня» и все время высмеивал непостоянство матери, меняющей мужчин как перчатки. Я и подумать не могла, что он говорил о нас против... всех.

– Да. Только мы с тобой, – эхом повторила я. – Только мы.

Я уставилась на ковер в кабинете миссис Тейт, оглушенная мыслью: я совершенно не знала Ника. Все наши разговоры о родственных душах

были чушью. По части понимания людей я круглая двоечница.

В горле встал ком. Школьная отщепенка оплакивает память своего парня-убийцы. Как это будет выглядеть со стороны? Я и то бы возненавидела себя. Я с трудом сглотнула.

Миссис Тейт откинулась на спинку кресла. Заканчивать разговор она не собиралась.

– Валери, ты строила свое будущее. Выбирала университет. Хорошо училась. Ник не заботился о своем будущем. В будущем его ждало только... это.

С ресниц соскользнула слеза. Я пыталась протолкнуть глоток воздуха в горле – не получалось.

Откуда ей знать, что ждало Ника в будущем? Будущее нельзя предсказать. Боже, если бы я могла предсказать случившееся, я бы его предотвратила. Но я не сделала этого. Не смогла. А должна была бы. Вот что меня терзает. Я должна была его предотвратить. И теперь в моем будущем нет университета. Мое будущее в том, что всему миру я известна как «Девушка, которая всех ненавидит». Так меня прозвали в газетах.

Я бы объяснила это миссис Тейт, но все так запутано. При мыслях об этом начинает ныть нога и болеть душа. Я встала и, пожав плечами, натянула на них рюкзак. Вытерла ладонями слезы.

– Мне пора на урок. Не хочу опоздать в первый же учебный день. Я подумаю. Ну, о поступлении в университет. Но давать обещаний не буду, ладно?

Миссис Тейт вздохнула и поднялась. Захлопнула ящик, но не стала обходить шкафчик.

– Валери, – произнесла она и замолчала, видимо, передумав давить на меня. – Желаю тебе хорошего дня. Я рада твоему возвращению. И я попридержу для тебя эти университетские каталоги.

Я направилась к выходу, но у самой двери задержалась.

– Миссис Тейт, тут сильно все изменилось? – спросила я. – Ребята изменились? – Не знаю, на какой ответ я надеялась. «Да, они выучили свой урок и теперь мы будем одной большой и счастливой семьей, как о нас пишут в газетах». Или: «В смысле изменились? Не было никаких издевательств, ты их выдумала. Ник был психом, а ты поверила ему. Вот и все. Ты злилась без повода. Очень злилась. Однако издеательства были лишь игрой твоего воображения».

Миссис Тейт пожевала губу, всерьез задумавшись над вопросом.

– Ребята как ребята, – наконец сказала она, беспомощно и грустно пожав плечами.

Наверное, этот ответ мне меньше всего хотелось услышать.

* * *

2 мая 2008

7:10

«Она может проклясть тебя, Кристи...»

* * *

Обычно я находила иронию в том, что мама возила Фрэнки в школу на машине, потому как он ненавидел ездить на автобусе, в то время как я ездила на автобусе, потому что ненавидела мучительные поездки с мамой. Но иногда я жалела о том, что не нахожу в себе сил терпеть критику мамы. Поездки в школьном автобусе отвратительны.

Обычно я забивалась в середину автобуса, сворачивалась эмбрионом, подтянув колени и уперев их в сидение перед собой, и слушала плеер, от всего отрешаясь. Но в последнее время меня стала доставать Кристи Брутер. Ничего нового, конечно. Я ее всегда терпеть не могла.

Кристи из тех девчонок, с кем чревато *не* дружить. На этом и основана ее популярность. Здоровая, с выпирающим пузом и слоновьими ляжками. Весьма странная комплекция для капитана школьной команды по софтболу. Как она им стала – для меня загадка. Не представляю, чтобы Кристи Брутер могла кого-то обогнать в игре. Но, видать, у нее это пару раз вышло. А может, тренер побоялся ей отказать. Кто знает.

Мы с детского сада друг друга терпеть не можем. Каждый год на родительском собрании мама отводила учителя в сторонку и советовала ни в коем случае не сажать меня и Кристи за одну парту.

– У каждого из нас есть тот самый человек... – с извиняющей улыбкой говорила она учителю.

Кристи Брутер была для меня «тем самым человеком».

В начальной школе она обзывала меня «крысенышем». В шестом классе пустила слухов, что я ношу стринги, и это привлекло ко мне массу ненужного внимания. В старшей школе она придралась к моей одежде и макияжу и придумала мне новое прозвище – Сестра смерти. Все пришли от него в восторг.

Кристи садилась в автобус через остановку после меня, и за это время

я обычно успевала прикинуться ветошью и не отвешивать. Я не боялась ее, просто была по горло сыта издевками.

Я плюхнулась на сиденье и съехала спиной вниз, чтобы моя голова не выглядывала из-за спинки. Заткнула уши наушниками и увеличила громкость на плеере. Глядя в окно, я думала о том, как здорово будет держать сегодня Ника за руку. Мне не терпелось увидеться с ним. Хотелось ощутить в его дыхании аромат коричной жвачки и на обеде прижаться к нему, спрятавшись за ним от всего мира. От Кристи Брутер. От Джереми. От мамы с отцом и их «разговоров», которые всегда, всегда оборачивались скандалами и заканчивались тем, что отец выскальзывал из дома во тьму, а мама жалобно всхлипывала в своей комнате.

Автобус сделал первую остановку, потом вторую. Я не отрывала взгляда от окна, наблюдая за терьером, обнюхивавшим мусорный мешок. Пес уже полностью засунул в него морду, возбужденно повиливая хвостом. Как он не задыхался в мешке? И что там такого замечательного обнаружил?

Автобус тронулся в путь, и я снова увеличила громкость плеера – чем больше ребят входило в салон, тем шумней становилось вокруг. Я откинула голову на спинку сиденья и закрыла глаза.

Удар в руку я проигнорировала, решив, что кто-то задел меня, проходя мимо. За первым ударом последовал второй – посильнее, из уха выдернули наушник. Он повис на проводе, тихонько играя.

– Какого черта?! – Я вынула второй наушник и обмотала провод вокруг плеера. Посмотрев направо, увидела скалящуюся на меня из прохода Кристи Брутер. – Отвали, Кристи.

Ее уродливая подружка Эллен (рыжая мордоворотка, кетчер школьной команды по софтбоулу) засмеялась, а она сама с наигранно невинным видом хлопала глазками.

– Не понимаю, о чем ты, Сестра смерти. Может, у тебя глюки? С головой непорядок? Или, может, это проделки дьявола?

Я закатила глаза, заткнула уши наушниками, приняла свою излюбленную позу и прикрыла веки. Она ждет, что я буду огрызаться. Обойдется.

Стоило автобусу повернуть к школе, как я почувствовала очередной тычок в плечо. Одновременно с этим кто-то сильно дернул за провод моих наушников. Плеер вылетел у меня из рук и упал под впередистоящее кресло. Я его подняла. Зеленый огонек не горел, дисплей погас. Я выключила плеер и снова включила. Ничего. Он сломался.

– Господи, да что с тобой не так?! – закричала я, не выдержав.

Захихикала Эллен, а вместе с ней и парочка сидящих позади нее

подружек. Кристи опять невинно захлопала глазками.

Открылись двери автобуса, и мы все поднялись. Это что-то вроде инстинкта. Открываются двери автобуса – и ты встаешь, чем бы до этого ни занимался. Неизбежная составляющая жизни. Ты рождаешься, умираешь, встаешь, когда открываются двери автобуса.

Мы с Кристи оказались практически нос к носу. От нее пахло кленовым сиропом. Она с ухмылкой окинула меня взглядом с ног до головы.

– Спешишь на похороны? Может, бросишь Ника ради славненького холодненького мертвяка? Ой, погоди-ка. Ник и есть мертвяк.

Я не сводила взгляда с Кристи, не желая отступать. Ей за столько лет не надоели одни и те же дебильные шутки? Еще не переросла их? Мама однажды сказала, что если я буду игнорировать Кристи, то она от меня отстанет. Но в такие дни игнорировать ее было трудно. Я давно уже перестала огрызаться, но она сломала мою вещь и я не собиралась молчать. Оттолкнув ее, я вышла в проход.

– Не знаю, что у *тебя* с головой, но ты заплатишь за это, – сказала я, помахав перед ней плеером.

– Уууу, так страшно, что аж поджилки трясутся, – отозвалась она.

– Она может проклясть тебя, Кристи, – обронил кто-то, и все заржали.

Я вышла из автобуса и побежала к трибунам, где, как обычно, зависали Стейси, Дьюс и Дэвид. Поднялась я к ним разъяренная и запыхавшаяся.

– Привет, – встретила меня Стейси. – Что случилось? Выглядишь разъяренной.

– Так и есть! Смотрите, что эта сучка Брутер сделала с моим плеером.

– Ох ты ж, – взял его из моих рук Дэвид. Нажал на пару кнопок, попробовал несколько раз выключить и включить. – Его можно починить.

– Не хочу я его чинить! Я хочу убить ее. Оторвать ей тупую башку. Она еще пожалеет об этом. Я заставлю ее за это заплатить.

– Пошли эту корову куда подальше, – посоветовала Стейси. – Ее никто не любит.

Черный «камаро» въехал на парковку и подкатил к футбольному полю. Машина Джереми. У меня участился пульс. На миг я позабыла о своем сломанном плеере.

Открылась пассажирская дверца, и из машины вылез Ник. На нем была черная куртка, в которой он ходил последнее время, застегнутая на холодном ветру до самого подбородка.

Я стремглав поднялась на верх трибун и закричала ему, махая рукой:

– Ник!

Уловив краем глаза движение, Ник поднял голову и свернул в мою сторону. Он шел ровным неспешным шагом, я сбежала вниз и бросилась к нему через лужайку.

– Привет! – обняла я его.

Он высвободился из моих объятий, но наклонился и поцеловал меня. Затем развернул и, как обычно, закинул руку на мои плечи. Как же приятно было вновь ощущать его рядом.

– Привет, – ответил Ник. – Чем заняты, лузеры? – Он свободной рукой пожал ладонь Дьюса и по-дружески хлопнул Дэвида по плечу.

– Ты где пропадал? – спросил Дэвид.

Ник усмехнулся. Его глаза лихорадочно блестели, будто он под кайфом.

– Был занят, – коротко отозвался Ник и уставился на здание школы. – Был занят, – повторил он, но так тихо, что едва ли его слышал кто-то кроме меня. Такое ощущение, словно он вообще говорил не с нами, а с самой школой. Со зданием и мышью в нем.

К нам подошел мистер Энгерсон и заговорил своим «директорским» тоном, который мы так любили передразнивать на вечеринках: *«Пиво вредно для вашего растущего организма, ученики! Вы должны есть на завтрак полезную пищу, ученики! И не забывайте лозунг: «Скажи “НЕТ” наркотикам!»*.

– Ученики, – начал он, и мы со Стейси прыснули, пихнув друг друга локтями. – Давайте не будем опаздывать на уроки.

Дьюс отсалютовал директору и направился к школе. Стейси с Дэвидом, смеясь, последовали за ним. Я тоже сделала шаг, но Ник не пустил меня, держа за плечи рукой. Я удивленно обернулась. Он все еще смотрел на школу, и на его губах играла усмешка.

– Идем, пока Энгерсон не разозлился, – потянула я Ника за руку. – Слушай, я вот о чем подумала. Давай вместо обеда в столовой смотаемся в закусочную?

Ник не ответил, продолжая молча глядеть на школу.

– Ник? Нам лучше поспешить. – Ноль внимания. Я толкнула его бедром. – Ник?

Он, моргнув, перевел взгляд на меня. Усмешка не сошла с его губ, лихорадочный блеск в глазах не погас, а кажется, лишь разгорелся сильнее. Да что они с Джереми приняли утром? Ник вел себя очень странно.

– Да. Лучше поспешить. Мне нужно многое успеть.

Мы пошли к школе, задевая друг друга бедрами.

– Я бы дала тебе плеер на первый урок, но Брутер сломала его в

автобусе. – Я показала ему плеер.

Ник на секунду взглянул на него, и ухмылка на его губах стала шире. Прижав меня к себе, он ускорил шаг.

– Я давно мечтаю с ней разобраться, – сказал он.

– Знаю. Сама ненавижу ее, – жалобно ответила я, довольная, что привлекла внимание Ника. – Не знаю, чего она ко мне прицепилась.

– Я займусь этим.

Я обрадованно улыбнулась. Рукав куртки Ника терся о кожу на моей шее. Это было приятно. И так естественно. Казалось, пока я ощущаю кожей его рукав, все будет хорошо, даже если Ник и под кайфом. Сейчас Ник был здесь, со мной. Обнимал меня и собирался меня защищать. Меня, а не Джереми.

Мы дошли до дверей, и Ник убрал руку с моих плеч. Я вздрогнула, почувствовав спиной холод. Порыв ветра поднял мой воротник.

Ник открыл дверь и пропустил меня вперед.

– Давай, наконец, с этим покончим, – произнес он.

Я кивнула и направилась к столовой, выискивая взглядом Кристи и выбивая зубами дробь.

«ГАРВИН-КАУНТИ САН-ТРИБЮН»

3 мая 2008 года репортер Анджела Дэш

По словам школьников, пятнадцатилетний Джефф Хикс, учившийся в девятом классе, обычно через столовую не ходил.

– Мы стараемся заходить туда как можно реже, – рассказала репортерам девятиклассница Марси Стиндлер. – Старшеклассники цепляются к нам, если мы идем через столовую. Неписаное правило девятиклассников: держаться от столовой подальше, исключение – время обеда. Это знают даже новички.

Но Хикс утром второго мая опаздывал на урок, поэтому срезал путь и пошел через столовую. Как говорится, оказался не в том месте и не в то время. Он получил пулю в затылок и скончался на месте. В его честь в государственном банке Гарвина установлен памятник.

Полиция пока не выяснила, знал ли Левил Хикса или Хикс стал случайной жертвой, нарвавшись на пулю, предназначенную кому-то другому.

Из-за того что миссис Тейт задержала меня, я вошла в класс уже после звонка, прямо посреди приветственной речи миссис Теннайл. Миссис Тейт нарочно позвала меня к себе в кабинет, чтобы я не бродила в страхе по коридорам перед первым уроком. Но, войдя в класс, я пожалела об этом. В коридорах я хотя бы могла оставаться в тени, а тут в меня сразу впились десятки пар глаз.

Клянусь, все ученики побросали свои занятия и уставились на меня. Билли Дженкинс уронил карандаш, и тот скатился со стола. У Мэнди Хорн чуть не с треском отпала челюсть. Даже миссис Теннайл на пару секунд застыла, умолкнув.

Стоя на пороге, я раздумывала: может, развернуться и уйти? Из этого класса. Из этой школы. Домой. В свою постель. Сказать маме и доктору Хилеру, что я ошибалась и хочу закончить школу с домашним учителем, что я считала себя сильной, а оказалась слабой.

Миссис Теннайл прочистила горло и опустила маркер, которым писала на белой доске.

Я глубоко вздохнула и поплелась к ее столу, протягивая пропуск, данный мне помощницей миссис Тейт.

– Мы говорили о программе на этот год, – с каменным лицом пояснила мне миссис Теннайл, забирая пропуск. – Садись. Если у тебя появятся вопросы, можешь задать мне их после урока.

Я на секунду задержала на ней взгляд. Миссис Теннайл с самого начала меня невзлюбила. Она никак не могла примириться с тем, что я не делаю лабораторных, и никак не могла забыть того, что Ник однажды «случайно» устроил на лабораторке пожар. Не пересчитать, сколько раз она оставляла Ника после уроков, а меня сверлила взглядом, когда я околачивалась возле школы, дожидаясь его.

Не представляю, что она сейчас чувствует ко мне. Может быть, жалость. Ведь я не видела в Нике того, что видела в нем она. Возможно, ей хочется схватить меня и потрясти, крича: «Я предупреждала тебя, глупая девчонка!». Или она презирует меня за случившееся с мистером Клайном.

Может, она, подобно мне, снова и снова, по сотне раз за день вспоминает, как учитель химии мистер Клайн загораживал собой учеников. Его всего трясло, он плакал и у него текло из носа. Раскинув руки в стороны, напуганный и отважный, он качал головой, будто говоря Нику: «Нет». Мне нравился Клайн. Он всем нравился. Клайн был из тех, кто

пришел бы на вашу вечеринку в честь окончания школы. Из тех, кто остановится поболтать с вами в торговом центре и поприветствует вас не словами вроде «добрый день, молодые люди» или «директорской» чушью мистера Энгерсона, а скажет: «Привет, как дела? Не бедокурите?». Клайн бы сделал вид, что не видит, как вы тайком проносите свою выпивку в ресторан. Клайн бы отдал за вас жизнь. Мы все это знали. И теперь об этом узнал весь мир.

Благодаря впечатляющим телерепортажам и статьям Анджели Дэш, пишущей для «Сан-Трибюн», на земле, наверное, не найдется человека, который бы не знал: мистер Клайн умер, потому что не сказал Нику, где спряталась миссис Теннайл. Для миссис Теннайл это тоже не было тайной. Полагаю, именно поэтому она глядит на меня так, будто я – обрушившаяся на ее класс чума.

Я повернулась и поплелась к свободной парте. Старалась смотреть только на стул, но у меня не получалось. Я тяжело сглотнула. Горло перехватило. Из вспотевших ладоней выскальзывала тетрадь. Нога ныла, и я чертыхнулась про себя, заметив, что прихрамываю.

Скрючившись за партой, я подняла взгляд на миссис Теннайл. Она подождала, пока я усядусь, после чего повернулась к маркерной доске, снова прочистила горло и дописала свой имейл адрес.

Одноклассники один за другим переключились с меня на доску, и я смогла, наконец, вздохнуть. «Восемьдесят три дня, – повторила я про себя. – Восемьдесят два, если не считать сегодняшнего».

Пока Теннайл объясняла, как с ней можно связаться, я сосредоточенно рассматривала свои руки и пыталась дышать так, как учил меня доктор Хилер. Я со стыдом уставилась на свои некрасивые обломанные ногти, которые даже не подпилила. Все остальные девчонки подготовились к первому учебному дню: сделали маникюр, надели лучшие наряды. Меня хватило только на душ. Я теперь еще и этим отличалась от них и, как это ни забавно, даже от прежней себя.

Не желая, чтобы кто-то увидел, какие у меня страшные ногти, я сжала кулаки. Края ногтей впились в ладони, и я почувствовала странное спокойствие. Опустив руки на колени, я сжимала кулаки до тех пор, пока меня не перестало мутить и я не смогла вдохнуть полной грудью.

– С любым вопросом смело пишите мне на почту, – сказала миссис Теннайл, указывая на записи на доске, и вдруг замолчала.

Слева от меня что-то происходило. Какая-то девушка в окружении подруг поспешно убирала в рюкзак учебники и тетради. По ее щекам текли слезы, и она икала, пытаясь сдержать рыдания. Подруги утешали ее и

поглаживали по спине.

– Что там у вас? – спросила миссис Теннайл. – Келси? Меган? Почему вы не на своих местах?

– Джинни, – показала Меган на плачущую девушку, в которой я с трудом узнала Джинни Бейкер.

Я слышала в новостях, что ей пришлось сделать несколько пластических операций, но только сейчас увидела, как сильно изменилось ее лицо.

Миссис Теннайл опустила маркер на подставку внизу доски и медленно сложила руки на груди.

– Джинни? – спросила она на удивление мягким голосом. Никогда не слышала у нее такого. – Я могу тебе чем-нибудь помочь? Тебе нужно выйти попить?

Джинни застегнула рюкзак и поднялась. Ее всю трясло.

– Это она, – не двигаясь, произнесла Джинни.

Все знали, о ком она говорит, но все равно повернулись посмотреть на меня. Даже Теннайл бросила на меня взгляд.

Опустив голову, я до боли кусала губы и крепко сжимала кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

– Я не могу сидеть здесь с ней и не думать о... о... – Джинни судорожно вздохнула и с таким надрывом выдохнула, что у меня встали дыбом волоски на затылке. – Почему они позволили ей вернуться?

Она схватила рюкзак, прижала его к животу и ринулась к двери, оттолкнув Меган и Келси.

Миссис Теннайл шагнула в ее сторону, остановилась и коротко кивнула. Джинни выскочила из класса со страдальчески перекошенным лицом.

С минуту в классе стояла тишина. Зажмурившись, я начала про себя считать от пятидесяти до единицы – еще один метод, помогающий успокоиться. Не помню, от доктора Хилера я узнала о нем или от мамы. В ушах стоял звон, я нервно ерзала. Мне тоже уйти? Пойти за Джинни и извиниться? Пойти домой и больше никогда не возвращаться? Нужно сказать что-то классу? Что мне делать?

Миссис Теннайл в очередной раз прочистила горло, повернулась к доске и взяла маркер. На ее лице застыло нерешительное выражение, но вела она себя бесстрастно. Наша старая добрая невозмутимая Теннайл. Ее невозможно ни очаровать, ни обескуражить.

– Как я уже говорила... – вернулась она к уроку.

Я сморгнула пляшущие перед глазами белые точки и попыталась

сосредоточиться на ее словах. Сделать это было невероятно сложно, так как весь класс продолжал пялиться на меня.

– В следующем разделе учебника...

Услышав за спиной шум, Теннайл опять замолчала и повернулась к нам.

Глянув влево, я увидела двух жарко обсуждающих что-то ребят.

– Класс, – произнесла миссис Теннайл строгим голосом, в котором, правда, проскользнули нотки смятения. – Я прошу вашего внимания.

Ребята перестали болтать, но не успокоились.

– Мне бы хотелось продолжить урок, иначе мы будем отставать, еще даже не приступив к программе.

Шон Макданнон поднял руку.

– Да, Шон? – в голосе миссис Теннайл послышалось раздражение.

Шон покашлял в кулак – так делают некоторые парни, чтобы их обычный голос звучал мощно и мужественно. Он посмотрел на меня и тут же отвел взгляд, не заметив моей вымученной улыбки.

Шон нормальный парень. У него никогда ни с кем не было проблем. Его не любят, но и не ненавидят. Большую часть времени его не замечают. В школе можно со всеми ладить, а можно быть тем, к кому просто никто не цепляется. Насколько я знаю, его никогда не доставали. Шон хорошо учится, ходит в кружки и секции, ничем дурным не занимается и встречается с невзрачной девчонкой. Он живет всего в нескольких домах от меня, поэтому детьми мы вместе играли во дворе. Класса с пятого мы практически не общаемся, но и не враждуем. Приветствуем друг друга, сталкиваясь в коридорах или на автобусной обстановке. Ничего особенного.

– Эм... миссис Теннайл, миссис Тейт сказала, что мы должны говорить о... эм... об этом и...

– Несправедливо, что ушла Джинни, а не кое-кто другой, – заявила Меган.

В то время как Шон намеренно не смотрел на меня, бросив единственный взгляд, Меган чуть шею не свернула, чтобы одарить меня испепеляющим взглядом.

– Джинни ничего плохого не делала.

Миссис Теннайл зажала маркер между ладонями.

– Никто не просил Джинни уходить, Меган. И я уверена, миссис Тейт имела в виду, что вы можете прийти к ней в кабинет и поговорить о...

– Нет, – прервал ее голос за моей спиной.

Кажется, это был голос Алекса Голда, но оглянуться и посмотреть я не

могла – тело словно оцепенело. Я еще сильнее впиалась ногтями в ладони, оставляя на них багровые полумесяцы.

– Нет, пришедший в школу специалист по психологическим травмам сказал, что мы вольны обсуждать произошедшее где и когда угодно, если чувствуем в этом необходимость. Это я так, к слову. Мне подобные обсуждения не нужны. Сколько можно это перетирать?

Меган закатила глаза и перевела убийственный взгляд с меня на парня за моей спиной.

– Рада за тебя. Но это не твое лицо перекраивали.

– Может, это потому, что не я травил Ника Левила?

– Довольно! – вмешалась миссис Теннайл, но класс уже вышел из-под ее контроля. – Может быть, вернемся к обсуждению программы...

– И твое лицо не перекраивали, Меган, – заметила сидящая справа от нее Сьюзен Грейсон. – Вы с Джинни даже не были подругами до расстрела. Ты просто жить не можешь без драмы.

И пошло-поехало. Все как с цепи сорвались. Заголосили наперебой – не понять, кто что говорит.

– ... какая-то драма? Моя подруга погибла...

– ... это же не Валери стреляла. За нее это сделал Ник. А Ник мертв, так какая разница?

– ... миссис Тейт сказала, споры не помогут решить...

– ... мне и так каждую ночь снятся кошмары, а тут она запросто является в класс...

– ... по-твоему, я рада, что Джинни ранили, так как жить не могу без драмы? Ты это серьезно?..

– ... не цеплялись бы к Нику, может, этого и не случилось бы. Разве не в этом суть?..

– ... как по мне, так он заслуживал смерти. Я рада, что его больше нет...

– ... да что ты знаешь о друзьях, лузер?..

Чудно, но все так вспыхнуло ненавистью друг к другу, что позабыли о ненависти ко мне. Никто не глядел на меня. Миссис Теннайл села за свой стол и молча смотрела в окно, теребя воротник блузки. У нее подрагивал подбородок.

Послушать телевизионные репортажи, так окружающие меня ребятки каждый день сидят в кафетерии и, взявшись за руки, поют «Give Peace a Chance»^[4]. В реальности все иначе. В реальности они готовы глотки друг другу перегрызть. Вокруг меня гнойником, назревшим под участливыми кивками и скомканными салфетками, прорвались застарелое

соперничество, застарелые шуточки и застарелая неприязнь.

Оцепенение прошло, и я смогла наконец оглядеться и посмотреть на орущих и бурно жестикулирующих ребят. Пара человек плакали. Кто-то смеялся.

Мне нужно было что-нибудь сказать, но что? Напоминание о том, что не я стреляла, прозвучало бы так, будто я защищаюсь. Мои утешения показались бы более чем странными. Любое мое действие приняли бы в штыки. Я не была готова ко всему этому. С чего я взяла, что готова? У меня не было ответа на свои собственные вопросы. Как мне отвечать на их?

Рука сама собой потянулась к мобильному в кармане. Может, позвонить маме? Попросить ее меня забрать? Умолять ее позволить мне никогда больше сюда не возвращаться? Или позвонить доктору Хилеру? Сказать ему, что он впервые ошибся. Я и восьмидесяти трех минут не выдержу, не говоря уж о восьмидесяти трех днях.

Спустя какое-то время миссис Теннайл смогла всех приструнить. И пока она рассказывала нам об учебном плане, над нами подобно грозовой туче висело напряжение.

Ребята постепенно начали забывать о моем присутствии. Может, не так уж и невозможно сидеть здесь, за этой партой, в этом классе. В этой школе.

«Ты должна научиться видеть то, что есть на самом деле, Валери, – сказал мне как-то доктор Хилер. – Должна верить тому, что видимое тобой и есть действительность».

Я открыла тетрадь и взяла карандаш. Но не стала записывать за миссис Теннайл, а начала делать наброски увиденного. Я рисовала подростков в их подростковых телах, подростковой одежде и подростковой обуви, с развязанными шнурками и драными джинсами. Только если обычно я видела злые лица, оскал или ухмылки, то теперь я видела растерянность и смятение.

Они все растеряны не меньше меня.

Я рисовала их лица в виде больших вопросительных знаков, выраставших из кофт и футболок. У этих вопросов были разинутые в крике рты. Одни плакали, другие сворачивались кольцами, словно змеи.

Не знаю, об этом ли говорил доктор Хилер, советуя мне начать видеть то, что есть на самом деле. Но знаю, что эти вопросы-наброски помогли мне успокоиться гораздо лучше, чем обратный счет от пятидесяти.

2 мая 2008

7:37

«Господи! Кто-нибудь! Помогите!»

* * *

Мы с Ником вошли в школу, и ветер яростно захлопнул за мной входную дверь. Коридоры, как всегда, были забиты учениками, толпящимися у своих шкафчиков и жалующимися на своих родителей, одноклассников и друг на друга. Повсюду слышались смех, саркастическое фырканье, звуки захлопывающихся шкафчиков – своеобразный саундтрек к школьной жизни.

Мы повернули к столовой. Если в коридорах бесконечной рекой текли стройные ряды учеников, то в столовой, словно в заводи, старшеклассники зависали перед первым уроком. Одни покупали пончики, другие – кто поесть уже раздобыл – сидели прямо на полу, подпирая спинами стены. Чирлидерши балансировали на стульях, развешивая плакаты. Чуть подальше целовались влюбленные парочки. Школьные лузеры – наши друзья – ждали нас за круглым столиком у закрытой кухонной двери, развернув стулья и усевшись на них задом наперед. Несколько учителей-смельчаков, таких как мистер Клайн и учительница рисования миссис Флорес, сновали по помещению, пытаясь навести хоть какую-то видимость порядка. Однако все знали – эта битва ими давно проиграна. Порядок и столовая – вещи несовместимые.

Мы с Ником остановились сразу как вошли. Я поднялась на цыпочки и завертела головой по сторонам. Ник оглядел помещение с ледяной улыбкой на лице.

– Вон она! – указала я.

Ник глянул в ту сторону и заметил ее.

– Я из нее выбью новый плеер, – сказала я.

Ник медленно расстегнул куртку, но не снял.

– Давай покончим с этим, – ответил он.

Я радостно улыбнулась: Ник вступится за меня и Кристи Брутер наконец получит по заслугам! Передо мной был тот самый Ник, в которого я когда-то влюбилась. Ник, который не давал меня в обиду тем, кто портил мне жизнь, и не отступал даже когда ему угрожали здоровяки-футболисты. Который понимал, каково мне приходится – в моей паршивой семье и паршивой школе, где всякие Кристи постоянно гнобили меня за то, что я не

такая, как они, типа я почему-то хуже их.

В его глазах появилась странная отрешенность, и он быстрым шагом устремился сквозь толпу, опережая меня. Ник шел напрямик, не обращая ни на кого внимания и расталкивая всех плечами. Он оставлял за собой волну злых лиц и возмущенных криков, но я игнорировала их, следуя за Ником и стараясь не отставать.

Он опередил меня на несколько шагов, когда достиг Кристи. Мне пришлось вытянуть шею, чтобы увидеть ее за его плечом. Но я слышала Ника и напрягла слух, не желая ни слова пропустить. Поэтому я точно знаю, что он сказал. Его слова до сих пор звучат у меня в ушах.

Должно быть, Ник ударил Кристи в плечо. Он стоял спиной ко мне, и я плохо видела происходящее, но заметила, как он дернулся вперед, чуть не сбив с ног подружку Кристи Уиллу.

– Чего тебе? – удивленно обернулась Кристи.

К этому моменту я уже подошла к Нику и встала за его спиной. На записи с видеокамеры все выглядит так, будто мы стоим рядом, но я находилась за ним и смотрела на Кристи через его плечо.

– Ты давно уже числишься в нашем Списке, – произнес Ник.

На секунду я заledenела. Как он мог сказать ей о нашем списке? А потом разозлилась. Этот список был нашим секретом. Моим и его. А он его только что выдал. И зная Кристи, легко догадаться, что мы об этом сильно пожалеем. Она наверняка растрезвонит о списке друзьям, и они начнут нас изводить еще и этим. Может, она настучит о нем предкам, тогда моих родителей вызовут в школу, а меня потом из дома не выпустят. Может, даже нас временно отстранят от занятий и тогда я провалюсь на экзаменах.

– В каком списке? – не поняла Кристи, опустила взгляд и ее глаза расширились.

Они с Уиллой засмеялись, и я снова поднялась на цыпочки посмотреть, над чем они заливаются.

Потом раздался выстрел.

Он, скорее, прозвучал не в ушах, а в мозгу. Казалось, на меня рухнул мир. Я закричала. Знаю, что закричала – мой рот распахнулся и голосовые связки вибрировали, – но я ничего не услышала. Я зажмурилась, завопила громче и машинально вскинула руки к голове. В сознании билась одна-единственная мысль: *случилось что-то плохое, что-то плохое, что-то плохое*. Наверное, поэтому тело двигалось на автопилоте. Включился инстинкт самосохранения. Мозг словно передал телу сигнал: «Опасность!

Беги!».

Я открыла глаза и потянулась к Нику, но он уже отодвинулся и я

оказалась прямо напротив Кристи. Она стояла с разинутым от потрясения ртом, прижимая руки к животу. Ее ладони заливала кровь.

Кристи покачнулась и начала заваливаться вперед. Я отскочила в сторону, и она упала на пол между мной и Ником. Казалось, все происходит в замедленной съемке. Блузка на спине Кристи тоже пропиталась кровью, и посреди багряного пятна виднелась дырка на ткани.

– Готова, – сказал Ник, глядя на нее. Он держал пистолет, и его рука дрожала. – Готова, – повторил он и визгливо засмеялся.

Я все еще считаю, что его смех был вызван удивлением. Мне необходимо верить в то, что он сам удивился содеянному. Что где-то за наркотой и одержимостью Джереми скрывался Ник, который, как и я, всего лишь дурачился, записывая имена в Список ненависти, всего лишь задавался вопросом: «А что, если бы...».

Затем я вышла из ступора. Ребята вокруг кричали и бегали, толпой пытались протиснуться через двери, спотыкались друг о друга и падали. Некоторые застыли на месте с такими лицами, словно кто-то разыграл классную шутку и им жаль, что они пропустили ее. Мистер Клайн тормозил их, а миссис Флорес раздавала команды.

Ник начал проталкиваться сквозь толпу, оставив меня с залитой кровью Кристи. Я повернула голову и встретила взглядом с Уиллой.

– Господи! – раздался крик. – Кто-нибудь! Помогите!

Мне кажется, что кричала я, но я в этом до сих пор не уверена.

«ГАРВИН-КАУНТИ САН-ТРЕБИЮН»

3 мая 2008 года репортер Анджела Дэш

Круглая отличница, шестнадцатилетняя Джинни Бейкер прощалась перед первым уроком с подругами, когда прозвучал первый выстрел.

По словам свидетелей, Бейкер была целью Ника Левила. Она спряталась от него под столом, и он специально наклонился, чтобы ее застрелить.

– Она кричала: «Помоги мне, Мег!», когда он наклонился и направил на нее пистолет, – рассказала одиннадцатиклассница Меган Норрис. – Но я совсем не знала, что делать. Я не понимала, что происходит. Я даже не слышала первого выстрела. Все случилось так быстро. Я только слышала, как миссис Флорес кричала нам, чтобы мы забрались под столы и закрыли

головы. Так вышло, что я оказалась под одним столом с Джинни. И он в нее выстрелил. Он ни слова ей не сказал. Просто наклонился, направил пистолет ей в лицо, выстрелил и ушел. После выстрела Джинни притихла. Она не просила о помощи, и я подумала, что она умерла. Она выглядела мертвой.

С матерью Джинни Бейкер пока не удастся связаться. Живущий во Флориде отец девушки назвал произошедшее «самой ужасной трагедией, какую только может вообразить себе родитель». Он добавил, что вернется на Средний Запад, чтобы поддержать дочь в период серьезных пластических операций, необходимых для восстановления ее лица.

* * *

– Так значит твоя мама вернулась сегодня на работу? – спросила Стейси.

Мы наполняли подносы едой, стоя в очереди на обеде после совместного урока. На английском чувствовалось напряжение, но в принципе было терпимо. Две девчонки постоянно обменивались записками, парта Джинни пустовала, вот, в общем-то, и все. Миссис Лонг, моя учительница английского, была из тех педагогов, которые подписали благодарственное письмо. Ее глаза подозрительно заблестели, когда я вошла в класс, но она ничего не сказала. Лишь улыбнулась и кивнула мне. Подождала, пока я сяду, и начала урок. Слава богу.

– Да.

– Моя мама сказала, что твоя на днях звонила ей, чтобы поговорить.

Я замерла с кулинарными щипцами, наполненными салатом.

– Правда? И как прошел разговор?

Стейси продолжала двигаться вперед, уставившись на свой поднос. Со стороны, должно быть, непонятно, вместе мы или ей просто не повезло оказаться в очереди рядом со мной. Наверное, она этого и добивалась. Ей лучше, чтобы предполагали последнее.

Она поставила на свой поднос радужное желе. Я взяла себе такое же.

– Ты же знаешь мою маму, – ответила Стейси. – Она не желает иметь ничего общего с вашей семьей, так и сказала твоей маме. И еще назвала ее плохой матерью.

– Ничего себе. – Меня охватило странное ощущение. Похоже, я сочувствовала маме, а такое случалось редко. Во мне всколыхнулось чувство вины. Мне было легче думать, что мама считает меня худшей

дочерью в мире, разрушившей ее жизнь. – Ох...

Стейси пожала плечами.

– Твоя мама послала мою в задницу.

Очень на нее похоже. И все же я уверена, что после этого она закрылась в своей комнате поплакать. Они с миссис Бринкс лет пятнадцать дружили.

Мы замолчали. Не знаю, почему умолкла Стейси, мне же мешал говорить застрявший в горле ком.

Заплатив за еду, мы взяли подносы и пошли искать свободные места. Раньше мы со Стейси, не задумываясь, направились бы в дальний конец столовой и заняли третий столик от стены. Поцеловав Ника, я бы села между ним и Мейсоном и мы пообедали все вместе, смеясь, жалуясь на жизнь и дурачась.

Идущая впереди меня Стейси остановилась у стойки с приправами, чтобы взять кетчуп. Я тоже налила себе немного соуса, хотя мне не с чем было его есть. Ненужными действиями я просто занимала себя, не желая видеть, сколько народу таращится на меня. Вряд ли это пара-тройка человек. Стейси снова подхватила поднос, словно знать не знала, что я стою за ее спиной. Я последовала за ней. Может, по привычке, но скорее потому, что не знала, что делать.

Само собой, за крайним левым столиком в конце зала собралась вся наша компания. Дэвид. Мейсон. Дьюс. Бриджет. Сводный брат Бриджет, Джоуи.

Заметив нас, Дэвид помахал Стейси. Переведя взгляд на меня, он как-то поник и вяло махнул рукой и мне. Он явно чувствовал себя неловко.

Стейси поставила поднос на единственное свободное место на столе – между Дьюсом и Дэвидом. Дьюс тут же принялся болтать с ней о каком-то видео на Ютубе.

– Да-да! Я видела это! – смеялась она.

Я стояла в нескольких шагах от стола с подносом в руках, не зная, как быть.

– Оу, – взглянула на меня Стейси с таким удивлением, будто не осознавала, что я за ней шла. Будто мы не стояли вместе в очереди за обедом. Будто не она со мной только что разговаривала. Она покосилась на Дьюса. – Эм... – Поджала губы. – Вал, у нас тут... все места заняты.

Дьюс обнял ее, и на губах Стейси снова появилась неприятная улыбочка с намеком на превосходство.

Дэвид начал подниматься, собираясь то ли принести мне стул, то ли освободить для меня свой. Он не ел. Он почти никогда не обедал.

Дьюс пнул его стул ногой. Он не смотрел при этом на Дэвида, но Дэвид на мгновение замер, а потом опустился на место. Он робко пожал плечами и уставился в стол, избегая моего взгляда. Дьюс снова заговорил со Стейси, шепча ей что-то на ухо. Она захихикала. Даже Дэвид отвлекся на разговор с Бриджет. С уходом Ника меня выкинули из «семьи». Или я сама себя выкинула. Не знаю.

– Ничего страшного, – сказала я, хотя никто меня не слушал. – Я могу сесть в другом месте. Делов-то.

Исчезну с их глаз и устроюсь там, где никто не будет мешать мне и где я никому не помешаю. Это к лучшему, правда. О чем бы я с ними говорила? Они все лето продолжали жить прежней жизнью, а я все лето отчаянно пыталась начать жить заново.

Я отвернулась и оглядела кафетерий. Как странно – все совсем как прежде. Те же компании ребят. Те же худышки, клюющие свои диетические салаты. Те же качки, загружающиеся протеинами. Те же ботаники, незаметные в своем углу.

Стоял оглушающий шум. Мистер Кэвитт прохаживался между столами, рывкая:

– Не прятать руки под стол! Руки держать над столами!

Изменилась только я сама.

Я глубоко вздохнула и пошла вперед, стараясь не обращать внимания на смех Стейси за спиной. «Ты ведь этого и хотела, – говорила я себе. – Оттолкнуть Стейси. Вернуться в школу. Доказать, что не должна прятаться. Ты получила то, что хотела. Это всего лишь обед. Возьми себя в руки и терпи».

Я не поднимала взгляда от подноса и пола. Выйдя в коридор, прижалась спиной к стене, откинула голову и закрыла глаза. Сделала глубокий вдох. Меня бросило в пот, державшие поднос руки были холодными. Есть совсем не хотелось. Поскорее бы прошел этот день! Я медленно скользнула по стене вниз и поставила поднос на пол перед собой. Уперла локти в колени и опустила в ладони голову.

Мысленно я вернулась в единственное безопасное для себя место – к Нику. Вспомнилось, как я сидела на полу его спальни с джойстиком от плейстейшена в руке и кричала:

– Только попробуй мне поддаться! Блин, Ник, ты поддаешься! Прекращай!

А он улыбался, приоткрыв рот и высунув кончик языка, и каждые несколько секунд тихо посмеивался. Обычное его поведение, когда он не слушался меня.

– Прекращай давай, Ник. Я не шучу. Не поддавайся. Ненавижу, когда ты так делаешь. Это оскорбительно.

В ответ лишь более громкий смешок, а следом – его целенаправленный проигрыш в игре.

– Блин, Ник! – долбанула я его джойстиком по руке, когда фигурка моего игрока появилась на экране телевизора в победной позе. – Сказала же тебе не поддаваться! Боже! – Я скрестила руки на груди и отвернулась от него.

Ник хохотал, задевая меня своим плечом.

– Что? Ты выиграла честно и справедливо. И потом, ты же девушка. Тебе нужна помощь.

– Грр, лучше бы ты этого не говорил. Я тебе сейчас так помогу! – зарычала я, отбросила джойстик и кинулась на него с кулаками, вызвав у него новый взрыв смеха.

Я шутиливо колотила его по плечам и груди, но губы тоже расплывались в улыбке. Дуться на проказливого Ника я не могла. Он редко дурачился, но его веселое настроение было чертовски заразительно.

– О нет! Не бей меня, силачка, – умолял он тоненьким голоском, прикалываясь надо мной и хохоча. – Ай, мне же больно, не надо!

Я замолотила кулаками сильнее, кряхтя от натуги. Ник опрокинулся, мы покатались и я внезапно оказалась под ним. Он прижал мои запястья к полу. Мы оба тяжело дышали. Ник наклонился, приблизив свое лицо к моему.

– Знаешь, нет ничего плохого в том, чтобы кто-то иногда позволял тебе выиграть, – сказал он, вдруг посерьезнев. – Нам необязательно всегда и во всем быть лузерами, Валери. Они хотят, чтобы так было. Но иногда мы тоже должны выигрывать.

– Знаю, – ответила я.

Осознавал ли Ник, что я чувствовала себя победительницей, просто находясь в его объятиях?

– Ты можешь сесть со мной, – чей-то голос вырвал меня из приятных воспоминаний. Я открыла глаза, внутренне готовясь выслушать конец «шутки». *«Ты можешь сесть со мной... когда ад замерзнет»*. Или: *«Ты можешь сесть со мной... в своих мечтах»*. От увиденного у меня перехватило дыхание.

Надо мной стояла Джессика Кэмпбелл с совершенно непроницаемым лицом. Одета в волейбольную форму, со стянутыми в хвост волосами.

Джессика практически правила в нашей школе. Самая популярная девочка, она была и самой жестокой, потому что все мечтали быть ею и из

кожи вон лезли, чтобы ей угодить. Кристи Брутер придумала мне прозвище Сестра смерти, но именно Джессика произносила его таким ледяным и презрительным тоном, что я чувствовала себя полным ничтожеством. Это она подбивала Джейкоба Кинни подлавливать Ника в коридорах, и это она сказала мистеру Энгерсону, что мы по утрам курим дурь на стоянке в моей машине – ложь, из-за которой нас отстранили от занятий. Джессика не снисходила до того, чтобы высмеивать нас за нашими спинами. Она делала это прямо в лицо. Она не раз оказывалась в Списке ненависти. Мы даже подчеркивали ее имя. И выделяли восклицательными знаками.

Это она должна была заполучить шрам от пули на бедре. А скорее всего, должна была умереть. Это ее я спасла. До мая я ненавидела Джессику. Теперь же понятия не имею, что должна чувствовать к ней.

В последнюю нашу встречу Джессика Кэмпбелл дрожала перед Ником, закрывая лицо руками. Она кричала. Душераздирающе кричала. Она потеряла голову от страха, как и все остальные, находившиеся в это время в столовой. Помню кровавую полосу на ее джинсах и ошметки еды в волосах. Была своеобразная ирония в том, что она оказалась самым униженным человеком, которого я когда-либо видела, но из-за творившегося вокруг я не могла упиваться этим. Произошедшее слишком ужасало, чтобы я могла наслаждаться чужим унижением.

– Что? – просипела я.

Джессика указала на столовую.

– Ты можешь пообедать за моим столом, если хочешь.

И опять ни улыбки, ни хмурого взгляда, ни единой эмоции на лице. Ловушка? Не может же Джессика Кэмпбелл на полном серьезе приглашать меня за свой стол? Она точно готовит какую-то подлянку.

Я медленно покачала головой.

– Нет, спасибо. Все нормально.

Она пару минут смотрела на меня, слегка наклонив голову набок и покусывая изнутри щеку.

Очень странно. Не помню, чтобы Джессика раньше так прикусывала щеку. Она почему-то выглядит... уязвимой. Искренней. Может, даже немного напуганной. Мне непривычно видеть ее такой.

– Ты уверена? Нас за столом только двое – Сара и я. И Сара работает над каким-то проектом по психологии. Она тебя даже не заметит.

Я посмотрела за спину Джессики на стол, за которым она обычно сидит.

За ним действительно, склонившись над тетрадкой, сидела Сара. Но рядом торчало еще с десятков ребят. И все из компании Джессики.

Сомневаюсь, что они меня не заметят. Не такая я дура, да и не настолько отчаялась.

– Нет, правда. Спасибо за предложение, но нет.

– Ну, смотри сама, – передернула плечами Джессика. – Но приходи, если передумаешь. В любое время.

– Буду иметь в виду, – кивнула я.

Уже отойдя, Джессика остановилась.

– Можно задать тебе вопрос? – спросила она.

– Попробуй.

– Тут многим интересно, почему ты вернулась в «Гарвин».

А, вот оно! Сейчас на меня посыплются обзывательства и насмешки и Джессика скажет, что мне здесь не место. В душе начала расти привычная стена.

– Потому что это моя школа, – ответила я немного враждебно. – Я имею право учиться здесь так же, как и вы. С чего я должна уходить? Администрация разрешила мне вернуться.

Джессика снова пожевала изнутри щеку.

– Ты права, – сказала она. – Ты ни в кого не стреляла.

Она ушла в столовую, а я осталась сидеть, до глубины души потрясенная мыслью, что Джессика не насмеялась надо мной. Она не издевалась, приглашая меня за свой стол. И мне не привиделось – Джессика Кэмпбелл сама на себя не походила. Она изменилась.

Я подняла свой поднос и выкинула еду в урну. Есть совершенно не хотелось. Потом села на пол так, чтобы видеть столовую. «*Разгляди то, что есть на самом деле, Валери*», – прозвучал в голове голос доктора Хилера. Я полезла в рюкзак и вытащила тетрадь и карандаш. Посмотрела на ребят в кафетерии. Они занимались тем же чем и обычно, и я так их и зарисовала – стаю волков, склонившихся над подносами, с оскалом и усмешками на вытянутых мордах. Только Джессика отличалась от них. Ее изящная волчья мордочка была повернута ко мне. Она смотрела прямо на меня. И, опустив взгляд на рисунок, я с удивлением обнаружила, что ее волчья мордочка сильно напоминает щенячью.

* * *

2 мая 2008

7:41

«Ты забыла наш план?»

Когда Кристи Брутер упала передо мной на пол и пространство вокруг наполнилось воплями, хаотичным движением, происходящее на секунду показалось мне сном. Почудилось, что я все еще дома, сплю в своей постели, что в любую минуту зазвонит мобильный и Ник скажет, что они с Джереми едут сегодня к Голубому озеру и в школу он не придет.

Но потом Ник пошел к выходу из столовой, а Уилла встала на колени перед Кристи, перевернула ее и... было столько крови! И Кристи, и пол под ней заливала кровь. Кристи еще дышала, но так судорожно и хрипло, будто пыталась протолкнуть воздух сквозь забитое чем-то горло. Зажимая рану Кристи руками, Уилла твердила ей, что все будет хорошо.

Я опустилась на колени помочь ей.

– У тебя есть мобильный? – закричала я Уилле.

Она отрицательно мотнула головой. Мой телефон лежал в рюкзаке, который в возникшем хаосе куда-то запропастился. Много позже я на записи с камер увидела, что он лежал рядом со мной, пропитанный кровью. Я тогда еще подумала: как странно – я смотрела прямо на него, но в страхе и смятении не узнавала. Слово «кровь» и «рюкзак» в моем сознании никоим образом не сочетались.

– У меня есть мобильный, – сказала Рэйчел Тарвин.

Она стояла за спиной Уиллы невероятно спокойная, будто сталкивалась со стрельбой каждый день. Рэйчел вытащила телефон из кармана джинсов и начала набирать номер.

Раздался еще один громкий выстрел, вызвавший новую волну криков. Затем еще два выстрела. И еще три. Толпа школьников понеслась в нашу сторону, и я вскочила, боясь быть растоптанной.

– Не оставляй нас, – взмолилась Уилла. – Она умрет. Ты не можешь уйти. Мне нужна помощь. Помоги!

Но толпа уносила меня за собой и, поскользнувшись на луже крови, я влетела в кучу ребят, в панике стремившихся выбраться из столовой. Мне заехали локтем по губе, рассадив ее до крови, и больно наступили на ногу. Я отмечала это лишь краем сознания, сворачивая шею к Кристи и Уилле. Казалось, они уже недостижимы для меня. Но теперь я видела кое-что похуже.

Пол у стола с пончиками тоже был залит кровью, а под столом неподвижно лежали два тела.

Ник шел по столовой, переворачивая столы и стулья. Время от

времени он садился на корточки и заглядывал под какой-нибудь стол. Затем вытаскивал кого-нибудь наружу и что-то говорил, размахивая пистолетом перед лицом несчастного. За этим следовали очередной выстрел и крики.

В голове начала складываться картинка. Ник. Пистолет. Выстрелы. Крики. Я все еще плохо соображала, но мозг уже переставал тормозить. Я не видела в происходящем смысла. А потом нашла. Мы с Ником в некотором роде говорили об этом.

– Ты слышала о стрельбе в школе в Вайоминге? – однажды вечером спросил у меня по телефону Ник. Как раз за несколько недель до случившегося.

Я делала педикюр, сидя в постели, и разговаривала с Ником по громкой связи. Мобильный лежал на тумбочке рядом с кроватью. Мы подобное обсуждали не раз, поэтому я не удивилась вопросу.

– Слышала. – Я стерла с пальца попавший на кожу лак для ногтей. – Жуткий случай.

– А ты видела, какую хрень несут репортеры о парнях, которые ее устроили? Они гонят, что не было никаких тревожных знаков.

– Угу. Но я почти ничего не смотрела про это.

– Они твердят, что парни были очень популярны, что все их любили и что они не были одиночками и изгоями. Брехня.

Мы ненадолго замолчали, и я подключила свой плеер к компу.

– Ну, ты же знаешь эти СМИ.

– Да уж.

Мы опять замолчали. Я начала листать журнал.

– Так что ты думаешь? Ты смогла бы это сделать?

– Сделать что?

– Перестрелять их всех. Таких людей, как Кристи, Джессика, Теннайл.

Закусив палец, я прочитала в журнале заголовок под фотографией Кэмерон Диаз – что-то о том, как контролировать расходы.

– Наверное, – тихо ответила я, листая страницы. – Только я ведь не популярна, в отличие от тех парней. Ситуации разные.

Ник вздохнул. Его вздох прозвучал в трубке громкоподобно.

– Да. Ты права. А я бы смог. Я бы смог всех их пришить. И никто бы этому не удивился.

Мы засмеялись.

Он ошибался. Все еще как удивились. Особенно я. Так удивилась, что приняла происходящее за ошибку. Ошибку, которую я должна исправить.

Я прошла мимо парочки вцепившихся друг в дружку девчонок. Протолкалась сквозь толпу ребят у двери, шагая в направлении,

противоположном тому, куда мне хотелось бежать и куда все ломились. С каждым шагом я набиралась сил и решимости, отпихивая всех со своего пути, расталкивая их так, что некоторые, поскользнувшись на крови, шумно грохались на плиточный пол. Я рывками пробивалась вперед, сшибая всех и почти переходя на бег. Из горла вырывался хрип.

– Нет, – говорила я, расталкивая ребят, – нет, подожди...

Наконец я увидела пустой пяточок и ринулась к нему. Какой-то парень в двух шагах от меня лежал лицом вниз с окровавленным затылком.

Прозвучавшие три или четыре выстрела отвлекли мое внимание от мертвого тела.

– Ник! – закричала я.

Теперь, оказавшись в середине столовой, я больше не видела его. Слишком много народу двигалось сразу во всех направлениях. Я остановилась и лихорадочно замотала головой по сторонам, оглядывая зал. Краем глаза уловила знакомую фигуру.

Ник шел к мистеру Клайну, нашему учителю химии. Тот стоял, расставив ноги и раскинув руки, перед небольшой группкой ребят. Его покрасневшее лицо блестело то ли от пота, то ли от слез.

Я рванула к ним.

– Где она? – закричал Ник.

Прячущиеся за мистером Клайном ученики испуганно взвизгнули и вжались друг в дружку.

– Опустит пистолет, приятель, – ответил мистер Клайн. Его голос дрожал, хотя видно было, что он всеми силами пытается с ним совладать. – Опустит его, и мы поговорим.

Чертыхнувшись, Ник саданул ногой по стулу. Тот отлетел, ударив мистера Клайна по ноге, но учитель не шелохнулся. Он даже не вздрогнул.

– Где она?

Мистер Клайн медленно покачал головой.

– Я не знаю, о ком ты говоришь. Просто опусти пистолет, и мы обсудим...

– Заткнись! Закрой свой гребаный рот! Скажи мне, мать твою, где эта стерва Теннайл, или я отстрелю тебе нахрен башку!

Я пыталась добраться до них побыстрее, но ноги стали ватными.

– Я не знаю, где она, приятель. Слышишь сирены? Полиция будет здесь с минуты на минуту. Все кончено. Опустит оружие и избавь себя от...

Воздух разорвал новый выстрел. Я инстинктивно зажмурилась, а открыв глаза, увидела, как мистер Клайн клонится вперед со все еще раскинутыми в стороны руками. Упав, он завалился на бок. Я не знала, куда

попала пуля, но выражение глаз учителя было отрешенным, словно он устался в пустоту.

Я стояла, оцепенев. Уши заложило, глаза жгло, в горле першило. Я ничего не сказала. Ничего не сделала. Я просто стояла и смотрела на подергивающегося на полу мистера Клайна.

Школьники, прятавшиеся за учителем, оказались в ловушке между стеной и Ником. Их было шестеро или семеро, они по-прежнему жались друг к другу и по-щенячьи поскуливали. Позади всех стояла Джессика Кэмпбелл – согнувшись, прижавшись задом к стене. Ее стянутые в хвост волосы выбились из-под резинки и падали на лицо. Трясло ее с такой силой, что клацали зубы.

Из-за заложенности в ушах я толком не слышала слов Ника, хотя находилась рядом. Я только уловила что-то вроде «убирайтесь», подкрепленное взмахами пистолета. Перепуганные ребята медлили, и тогда он выстрелил, задев руку Лин Йонг. Все тут же бросились врассыпную, утащив с собой Лин. Лишь Джессика так и осталась стоять скрючившись у стены.

И я поняла. Я сразу поняла, что Ник сделает дальше.

Слух еще не вернулся полностью, но я слышала, как Ник орал на нее и как она кричала и плакала, открыв рот и зажмурив глаза.

– О боже, – подумала я. – Список. Ник выбирает людей из нашего Списка ненависти.

Я пошла к ним, с трудом передвигая ослабевшие ноги. Казалось, я иду по вязкому песку. Грудь сдавило, будто ее охватили путы, не дававшие сделать вдох и утягивавшие меня назад.

Ник снова поднял пистолет. Джессика закрыла лицо руками и еще больше сжалась.

Я бы не успела к ним вовремя.

– Ник! – закричала я.

Он повернулся ко мне, не опуская оружия. С улыбкой на губах. Из всех воспоминаний о Нике Левиле воспоминание об этой его улыбке ярче всего. Она была какой-то бесчеловечной. Но клянусь, в глубине его глаз я видела настоящую любовь. Словно привычный мне Ник был внутри этого, чуждого мне, и умолял меня выпустить его.

– Не надо! – закричала я, приближаясь. – Перестань! Остановись!

На его лице появилось удивленное выражение. Улыбка не сошла с его губ, но он словно не понимал, что со мной. Словно это я делала что-то не так, а не он. Удивленно взглянув на меня, он спросил:

– Ты забыла наш план?

Я плохо слышала его, но уверена, он сказал именно это. Я даже сбилась с шага. Какой план? Я ни о каком плане не помнила. Взгляд Ника после этих слов стал жутковато отсутствующим, будто мысленно он перенесся в совершенно другое место.

Ник покачал головой в ответ на мою забывчивость, и его улыбка стала шире. Он повернулся к Джессике, одновременно подняв пистолет. Я бросилась к нему с единственной мыслью: «Не могу допустить, чтобы Джессика Кэмпбелл умерла у меня на глазах».

Наверное, я споткнулась о мистера Клайна. Вернее, я точно споткнулась о него – это зафиксировала видеокамера. А споткнувшись, врезалась в Ника. Раздался очередной выстрел, и я почувствовала, как у меня из-под ног уходит пол.

Спустя мгновение я лежала под столом почти рядом с мистером Клайном, а Ник с невероятным удивлением разглядывал свой пистолет. Он был так далеко от меня. Как я могла за секунду оказаться настолько далеко от него? Джессика Кэмпбелл уже не стояла у стены. Я заметила ее спину, когда она бегом врезалась в столпившихся у дверей столовой школьников.

А потом я, наверное, больше почувствовала, чем увидела, хотя, конечно же, и увидела тоже, бьющую из моего бедра струю крови – густую и красную. Я пыталась сказать что-то Нику – не помню, что именно – и, кажется, подняла голову, собираясь встать.

Ник перевел взгляд с пистолета на меня. Его глаза остекленели.

Мои глаза застилала серая пелена. Тело становилось все легче и легче, а может быть, наоборот тяжелее, и мгновением позже я погрузилась во тьму.

«ГАРВИН-КАУНТИ САН-ТРИБЮН»

3 мая 2008 года репортер Анджела Дэш

Моррис Клайн, сорокасемилетний учитель химии и тренер по бегу, дважды был признан в школе «Гарвин» учителем года, в 2004 и 2005 годах.

– Мистер Клайн сделал бы для вас все что угодно, – сказала репортерам девятиклассница Дакота Эллис. – У нас с мамой как-то на шоссе спустило колесо, и увидев это, мистер Клайн остановился помочь. Не знаю, куда он ехал, но явно в какое-то приличное место. Он был нарядно одет и при этом не побоялся испачкаться, меняя нам шину. Таким

он был человеком.

Школьники расстроены смертью Клайна, а некоторые потрясены его геройским поступком. Он был застрелен в грудь, защищая нескольких учеников и пытаясь уговорить Левила опустить пистолет. По словам медиков, эвакуировавших учителя, он «едва держался». Клайн скончался в окружной больнице. По-видимому, он не являлся целью Ника Левила, а был застрелен им сгоряча. У него остались жена Рене и трое детей.

– Ник Левил лишил моих детей отца, и я рада, что он застрелился, – сказала миссис Клайн. – Он не заслуживал иметь будущее после того, какое горе принес нашим семьям.

* * *

Мамина машина стояла первой в очереди из встречающих, и я была рада как никогда увидеть ее бежевый «бьюик». Я чуть ли не бегом понеслась к ней после звонка, забыв взять в шкафчике тетради для домашней работы.

Скользнув в машину, я первый раз за день вздохнула полной грудью.

Мама озабоченно посмотрела на меня. На ее лбу прорезались морщины – довольно глубокие, как будто она долгое время хмурилась.

– Как прошел день? – спросила она чересчур радостным голосом, в котором все равно проскользнула обеспокоенная нотка. Видимо, беспокоилась она тоже уже долгое время.

– Сносно, – ответила я. – Ужасно. Но сносно.

Мама завела мотор и выехала со стоянки.

– Стейси видела?

– Да.

– Хорошо. Наверное, приятно увидеть давнюю подругу.

– Мам, давай не будем об этом, – попросила я.

Она оторвала взгляд от дороги, чтобы посмотреть на меня. Морщинки на ее лбу стали еще глубже, губы сжались в тонкую линию. Лучше бы я ей соврала. Я же знаю, как сильно ей хотелось услышать, что мои друзья приняли меня, что я завела новых приятелей, что все прекрасно понимают – я не причастна к стрельбе и что я стала частью большой и счастливой школьной семьи, о которой говорят в новостях. Однако мама взглянула на меня лишь на секунду и снова уставилась на дорогу.

– Ну правда, мам, все нормально.

– Я сказала ее матери. Сказала: ты ни при чем. Думала, она послушает

меня. Господи, она ведь в вашем отряде брауни-скаутов^[5] была командиром!

– Да ладно, мам. Помнишь, что сказал доктор Хилер? Как все будут на меня реагировать?

– Помню, но Бринксы – не все. Они знают тебя. Вы со Стейси выросли вместе. Мы вас вырастили вместе. Мы не должны бы их ни в чем убеждать.

Весь оставшийся путь мы молчали. Мама заехала в гараж и выключила двигатель. Уперлась лбом в руль и закрыла глаза.

Я не знала, что делать. Мне казалось неправильным просто выйти из машины, бросив в ней маму. В то же время мне казалось, что маме сейчас не до разговоров. Судя по ее виду, день ей дался тяжело.

В конце концов я нарушила молчание:

– Стейси сказала, что ты говорила с ее мамой.

Мама не ответила.

– Она сказала, ты послала ее маму в задницу.

Мама тихо засмеялась.

– Ты же знаешь Лоррейн. Она такой сноб. Я давно уже хотела послать ее в задницу. – Она фыркнула и снова рассмеялась, но не открыла глаз и не подняла головы от руля. – Просто впервые представилась такая возможность. Было приятно.

Мама глянула на меня искоса одним глазом и захохотала. Я не смогла сдержать смеха и вскоре тоже уже вовсю заливалась. Мы с ней гоготали как сумасшедшие, сидя в машине в закрытом гараже.

– Я ей сказала: «Иди ты в свою жирную снобскую задницу, Лоррейн».

И мы с мамой по новой зашлись хохотом. Смеясь, она продолжала:

– И что в прошлом году Говард приставал ко мне на вечеринке у бассейна...

– Да ладно! – ахнула я. – Отец Стейси приставал к тебе? Фу! Он такой волосатый, противный и старый.

Мама покачала головой.

– Я это... выдумала... Боже... хотелось бы мне... видеть... как она его... в этом обвиняет... – еле дыша от смеха выдавила она.

Мы откинулись на спинки сидений и, наверное, вечность хохотали. Не помню, когда я в последний раз улыбалась, а тут смеялась до слез. Это было так непривычно. Я ощущала смех на языке, как будто он имел вкус.

– Ты жестока, – проговорила я, наконец отдышавшись. – Классный ход, но жестокий.

Снова покачав головой, мама вытерла уголки глаз мизинцами.

– Нет. Жестоки те, кто не дает тебе еще одного шанса.

Я опустила взгляд на рюкзак и пожала плечами.

– Не могу их в этом винить. Все выглядело так, будто я виновата. Не заступайся за меня. У меня все будет хорошо.

Мама уже вытирала глаза манжетами.

– Милая, они должны понять, что виновник произошедшего – Ник. Он плохой. Я говорила тебе это все эти годы. Ты такая красавица у меня. Ты заслуживаешь хорошего мальчика. Ник тебе никогда не подходил.

Я закатила глаза. Ну вот, снова-здорово. Ник не подходит мне. Он плохой. Я не должна встречаться с такими парнями, как он. С ним что-то не так. Она видит это в его глазах. Мама постоянно мне это твердила. Но, похоже, она забыла, что Ник мертв и мне больше не нужно читать нотации по поводу того, какой он ужасный.

– Только не это, мам, – потянувшись к дверной ручке. – Ник мертв. Мы можем закрыть эту тему?

Я открыла дверцу и вылезла, подхватив рюкзак. Поморщилась, наступив на раненную ногу.

Повозившись с ремнем, мама вышла из машины с другой стороны.

– Я не хочу с тобой ссориться, Валери, – сказала она. – Я просто хочу видеть тебя счастливой. Ты всегда грустишь или чем-то недовольна. Доктор Хилер посоветовал...

Мне хотелось разозлиться на нее. Сказать, что счастье неечно и в любую минуту может обернуться трагедией. Что до появления Ника в моей жизни я долгое время была несчастна и родителям прекрасно известно, почему. Что, если уж на то пошло, она сама давным-давно несчастна.

Но мама стояла по ту сторону машины в мятом костюме, раскрасневшаяся от смеха, и глядела на меня блестящими от слез глазами. Было бы ужасно бросить ей в лицо такие слова, пусть это и правда.

– Мам, я в порядке. Не волнуйся. Я даже не вспоминаю о Нике.

Я отвернулась и пошла в дом.

Фрэнки ел сэндвич у кухонной стойки. Слегка растрепанный, с мобильником в руке, он набирал кому-то сообщение.

– Что стряслось? – встретил он меня вопросом.

– Мама стряслась, – ответила я. – Не спрашивай.

Я достала из холодильника кока-колу, прислонилась к стойке рядом с ним и открыла бутылку.

– Почему до нее никак не дойдет, что Ник умер и пора уже перестать мне капать на мозги? Сколько можно долбить меня этим?

Фрэнки развернулся на стуле и посмотрел на меня, жуя сэндвич.

– Наверное, она боится, что ты пойдешь по ее стопам и выйдешь

замуж за человека, которого на дух не выносишь.

Я не успела ответить. Задребезжала гаражная дверь, а значит, сейчас придет мама. Я скользнула по лестнице наверх, в свою комнату.

Возможно, Фрэнки прав. Мама с отцом были несчастливы. До мая они только и говорили о разводе, которого мы с Фрэнки ждали как манны небесной, ведь тогда бы закончились, наконец, беспрестанные ссоры родителей. Однако расстрел в школе, наверняка разрушивший множество семей, мою наоборот сплотил. Какая ирония, правда? Родители заявили, что «боятся расколоть семью, когда она переживает столь сильный стресс», но я знала правду.

1) Папа довольно успешный адвокат, и последнее, что ему сейчас нужно, – статьи в газетах, возвещающие миру о том, что первопричиной массового убийства в школе «Гарвин» послужили проблемы в его семье.

2) Мама работала, но ее работу нельзя сравнить с папиной. Она зарабатывала, но не много. А мы все знали, в какую кругленькую сумму нам обойдутся счета за психиатра.

Мы с Фрэнки безучастно наблюдали за отношениями родителей. Обычно у них все шло тихо и незаметно, но порой вспыхивала такая враждебность, что мы с братом с удовольствием побросали бы шмотки предков в мусорные мешки, купили маме и папе билеты на самолет и отправили куда угодно, лишь бы подальше от дома.

Я вошла в свою комнату и, остановившись у двери, удивленно огляделась. Утром она не казалась мне настолько захлавленной и грязной. Я практически не вылезала отсюда с прошлого мая, но не замечала, как тут отвратно. И тоскливо.

Не то чтобы до этого я была фанаткой уборки. Просто если не считать уборки во имя Великого Освобождения от Ника, проведенной мамой после стрельбы, тут месяцами никто не убирал.

Я взяла стакан, стоявший на моей тумбочке черт знает сколько времени, и поставила его на тарелку. Смяла валявшийся рядом кусок бумажного полотенца и засунула в стакан.

На мгновение у меня руки зачесались прибраться. Начать все с чистого листа. Устроить уборку во имя своего собственного Великого Освобождения. Но я оценила груды сваленной на полу одежды, кучу разбросанных у кровати книг, запятнанный и пыльный экран телевизора и передумала. Вычищать последствия моего многомесячного горевания будет слишком тяжело.

С кухни доносились голоса мамы и Фрэнки. Мама говорила с раздражением, как обычно бывало, когда они надолго оставались там одни

с папой. Меня кольнуло чувство вины. Маму расстроила я, а выдерживать ее эмоциональный натиск приходится Фрэнки. Правда, брату и так доставалось меньше меня. На самом деле, со дня стрельбы Фрэнки для родителей превратился чуть ли не в невидимку. Ни запретов, ни домашних дел, ни ограничений. Извечные ссоры и беспокойство обо мне настолько выматывали маму с папой, что сил на волнение еще об одном ребенке у них не оставалось. Я даже не знала, завидовать брату или жалеть его. Наверное, стоило и позавидовать, и пожалеть.

На меня опять навалилась усталость. Я кинула стакан с тарелкой в мусорную корзину и плюхнулась на постель. Порывшись в рюкзаке, вытащила и открыла тетрадь. Покусывая губу, уставилась на сделанные за день наброски.

Я перевернулась и врубила магнитофон. Через пару минут прибежит мама и будет кричать из-за двери, чтобы я сбавила громкость. Но она уже и так забрала все мои «настораживающие» записи – ту музыку, которая, по мнению моих родителей и, наверное, доктора Хилера, а также всех старперов мира, может побудить меня перерезать себе вены в ванне. Меня это, кстати, возмущает, ведь большую часть музыкальных дисков я купила на свои деньги. Я усилила громкость, чтобы не слышать маминых криков. Она устанет долбить в дверь раньше, чем я устану от ее долбежки. Пусть стучит.

Я снова полезла в рюкзак и достала карандаш. С минуту, покусывая резинку на его кончике, разглядывала портрет миссис Теннайл. Она вышла такой печальной. Не так давно я ненавидела ее и желала видеть несчастной. Но сегодня, увидев ее печальной, почувствовала себя ужасно. Почувствовала себя ответственной за ее печаль. Я хотела, чтобы она улыбнулась. Интересно, улыбается ли она, возвращаясь домой и обнимая своих детей, или, сидя в кресле, хлещет водку, чтобы забыться и не слышать больше пистолетных выстрелов?

Наклонив голову, я начала рисовать – рисовать и то и другое одновременно: миссис Теннайл, обнимающую малыша, точно скорлупа – орех, и ее руку, цепляющуюся за бутылку водки, точно орех за ветвь, на которой он растет.

Часть 2

6

2 мая 2008

18:36

«Что ты наделала?»

* * *

Открыв глаза, я с удивлением обнаружила, что проснулась не в своей постели и не в преддверии нового учебного дня. Как же так? Меня должен был разбудить звонком Ник, и я должна была отправиться в ненавистную школу, переживая из-за Кристи Брутер, которая, конечно же, прицепится ко мне в автобусе, и изводя себя мыслями о том, что Ник, занимающийся бог знает чем на озере с Джереми, собирается меня бросить. Я должна была проснуться, и стрельба, устроенная Ником в столовой, должна была оказаться сном, обрывки которого ускользнули бы из сознания до моего полного пробуждения.

Я же проснулась в больнице. В палате с полицейскими и телевизором, транслирующим передачу с места происшествия. Полицейские стояли спиной ко мне, задрав головы к экрану телевизора. На экране мелькали смутно знакомые кадры: парковка, кирпичное здание, футбольное поле. Почувствовав слабость, я прикрыла веки. Глаза были сухими, в бедре пульсировало. Я не помнила точно, что случилось, но помнила, что случилось что-то плохое.

– Она просыпается, – услышала я голос Фрэнки.

Я не видела его, когда открывала глаза, и мне легче было представить его стоящим у моей постели, нежели действительно видеть его. Поэтому я позволила себе уплыть в воображаемый мир, где Фрэнки стоял поблизости и говорил: «Она просыпается», но я при этом не находилась в больнице и у меня не болела нога.

– Схожу за медсестрой, – ответил ему другой голос. Папин. Сдержанный и напряженный. Как всегда.

Папа тотчас появился в моем воображаемом мире. Он печатал что-то

на своем компьютере, зажав мобильный между ухом и плечом. Он показался лишь на секунду, после чего его снова сменил Фрэнки.

– Вал, – позвал брат. – Проснулась, сестренка?

Воображение нарисовало мою спальню. Фрэнки пытался пробудиться меня для какой-то забавы, как в старые добрые времена, когда мы были детьми и родители еще ладили между собой. Может, он звал меня посмотреть наши пасхальные корзины или рождественские подарки, а может – лопать оладьи. Мне нравилось это вымышленное место. Очень нравилось. Поэтому не понимаю, зачем я снова открыла глаза. Это получилось само собой.

Фрэнки стоял у изножья моей кровати. Только эта кровать была не моей домашней, а какой-то странной, с белыми накрахмаленными простынями и покрывалом, расцветкой похожим на овсянку. Брат не зачесал и не уложил волосы гелем, и я с минуту пыталась это осмыслить, так как не помнила, когда в последний раз видела его с такой прической. Наверное, пару-тройку лет назад. И лицо четырнадцатилетнего Фрэнки никак не вязалось у меня с прической одиннадцатилетнего Фрэнки. Мне пришлось несколько раз моргнуть, чтобы привыкнуть к его виду.

– Фрэнки.

Больше я не успела ничего сказать – чей-то всхлип отвлек меня. Я медленно повернула голову вправо. Там на розовом мягком стуле сидела мама. Скрестив ноги и уперев локти в колени, она промокала нос зажатой в ладонях салфеткой.

Я скосила на нее глаза. Меня не удивили ее слезы, потому как я чувствовала: случилось что-то плохое и я с этим связана. Но я все равно никак не могла понять, почему проснулась в больничной палате, а не в своей постели в ожидании звонка Ника.

Я протянула руку и положила ладонь на мамино запястье (той руки, в которой она держала скомканную салфетку).

– Мам, – просипела я. Горло саднило. – Мам...

Она отстранилась от меня. Не дернулась, но отодвинулась, избегая моего прикосновения. Словно пыталась физически отдалиться. Не боясь меня, а не желая иметь со мной ничего общего.

– Ты проснулась, – произнесла она. – Как себя чувствуешь?

Я оглядела себя, удивляясь вопросу. Вроде все мое тело при мне, к нему даже добавилось несколько проводов. Я не знала, почему нахожусь в больнице, но понимала, что не просто так. Судя по пульсации в бедре, я поранила ногу. Но нога на месте, а значит, беспокоиться не о чем.

– Мам, – снова позвала я, не придумав ничего умнее.

Горло болело и першило. Я попыталась прочистить его, но вместо покашливания вышел тихий скрипучий звук. Глотка пересохла.

– Что случилось?

Маячащая за спиной мамы медсестра в розовой униформе подошла к маленькому столику, взяла пластиковый стаканчик с соломинкой и протянула его маме.

Мама взяла его с таким видом, будто никогда в жизни не видела столь хитроумного приспособления, и обернулась к одному из полицейских. Тот отвлекся от телевизора и уставился на меня, просунув пальцы под ремень.

– Ты ранена, – сказал офицер, и смотрящая на него мама поморщилась. – В тебя выстрелил Ник Левил.

В меня выстрелил Ник Левил? Я нахмурилась.

– Так зовут моего парня, – ответила я.

Позже я осознаю, как глупо прозвучал мой ответ, и мне будет стыдно. Но тогда слова полицейского показались мне полной бессмыслицей. Я едва отошла от анестезии и ничего толком не помнила. А может, мой мозг отказывался сразу напоминать о случившемся. Однажды я видела передачу о защитных реакциях мозга. В одном случае, например, у пережившего насилие ребенка произошло раздвоение личности. Наверное, у меня было что-то вроде этого. Мозг защищал меня. Правда, не слишком долго. Недостаточно долго, по крайней мере.

Полицейский кивнул, словно уже знал о нас с Ником и эта информация для него не нова. Мама повернулась ко мне и уставилась на покрывало.

Я внимательно осмотрела их лица – мамино, полицейских, медсестры, Фрэнки, даже папино (он стоял у окна, скрестив руки на груди), – но они все отводили взгляд. Плохой знак.

– Что происходит? – спросила я. – Фрэнки?

Брат молчал. Раздосадованно сцепил зубы и качнул головой. Его лицо покраснело.

– Валери, ты помнишь, что произошло сегодня в школе? – тихо спросила мама. Не по-матерински нежно и мягко, а бесцветно и тихо, каким-то незнакомым мне голосом.

– В школе?

И тогда воспоминания нахлынули на меня. Забавно, но проснувшись и приняв произошедшее за дурной сон, я подумала: «Они же не об этом говорят? Мне ведь просто приснился кошмар». Осознание, что это был не сон, накрыло меня, чуть ли не физически раздавив своей тяжестью.

– Валери, сегодня в школе произошло кое-что ужасное. Ты это

помнишь? – спросила мама.

Я не могла ответить ни ей, ни кому-либо другому. Не могла выдавить ни слова. Я могла лишь смотреть на экран телевизора, на свою школу и окружающие ее «скорые» и полицейские машины. Смотреть так пристально, что, клянусь, начала различать на экране каждый крохотный цветной пиксель. Словно издалека доносился голос мамы. Я слышала его, но казалось, она говорит не со мной. Ее не было в моем мире, где на меня лавиной обрушился ужас. В этом мире я была одна.

– Валери, я с тобой говорю. Что с ней, медсестра? Валери? Ты меня слышишь? Боже, Тед, сделай что-нибудь!

– Что ты хочешь чтобы я сделал, Дженни? – раздался голос папы. – Что мне сделать?

– Хоть что-нибудь! Не стой истуканом! Это же твоя семья, Тед. Твоя дочь. Валери, ответь мне! Вал!

Но я не могла оторвать взгляда от экрана телевизора, который и видела, и не видела одновременно.

Ник. Он стрелял в людей. Стрелял в Кристи. В мистера Клайна. О боже! Он застрелил их. Ник на самом деле их застрелил. Я видела это. Он убил...

Я пощупала ногу и почувствовала бинты. И тогда у меня полились слезы. Я не зарыдала в голос и не завывала белугой, а беззвучно заплакала, кривя губы и вздрагивая плечами – такой плач Опра^[6] назвала уродливым.

Мама вскочила со стула, наклонилась ко мне и заговорила, но не со мной.

– Ей больно, медсестра. Сделайте что-нибудь, чтобы ей не было больно. Тед, пусть они облегчат ей боль.

Она тоже плакала. Я отметила это краем сознания, как в тумане. Она плакала и с лихорадочным отчаянием в голосе требовала мне помочь.

Папа подошел к ней, обхватил за плечи и потянул от кровати. Мама неохотно уступила ему, повернулась, уткнулась лицом ему в грудь, и они оба вышли из палаты. Из коридора донесся ее резкий, полный недовольства голос.

Медсестра нажала на кнопки расположенного позади меня монитора. Полицейский отвернулся к телевизору. Фрэнки неподвижно стоял у моей кровати, уставившись на покрывало.

Я плакала, пока не заболел живот. Меня тошнило. В глаза будто насыпали песка, нос забился, однако слезы литься не перестали. Не помню, что в те минуты творилось в моей голове, но меня точно мучили мрачные и неприятные мысли. Я хотела видеть Ника и в то же время не желала его

больше видеть. Я хотела видеть маму и в то же время не желала ее больше видеть. В глубине души я чувствовала вину за случившееся. Пусть и неумышленно, но я тоже участвовала во всем этом. И если бы все повторилось, то кто знает, стала бы я вновь невольной участницей произошедшего или нет.

Постепенно рыдания стихли и я смогла нормально дышать.

– Меня сейчас вырвет, – просипела я.

Медсестра тут же сунула мне под подбородок судно. Меня стошнило.

– Не могли бы вы ненадолго оставить нас? – попросила она полицейских.

Кивнув, они молча вышли в коридор. Когда дверь открылась, я услышала приглушенные голоса родителей. Фрэнки остался в палате.

Меня снова вырвало. Так сильно, что потекло из носа.

Я перевела дыхание, и медсестра вытерла мне лицо влажной тканью. Прохладной и успокаивающей. Было приятно. Я закрыла глаза и опустила голову на подушку.

– После анестезии часто тошнит, – объяснила мне медсестра нравоучительным тоном. – Скоро это пройдет. А пока держи его рядом с собой.

Она подала мне чистое судно, положила сложенную влажную ткань мне на лоб и беззвучно удалилась.

Я попыталась отрешиться от всего. Попыталась убрать всплывающие в голове образы в дальний угол сознания. Не получилось. Они выскакивали снова и снова, и каждый последующий ужаснее предыдущего.

– Он в тюрьме? – спросила я Фрэнки. Дурацкий вопрос. Где же быть Нику после такого?

Брат вскинул на меня испуганный взгляд, словно забыл о том, что я нахожусь рядом с ним.

– Валери... – хрипло начал он. Моргнул, покачал головой. – Что... что ты наделала?

– Ник в тюрьме? – повторила я вопрос.

Фрэнки мотнул головой: «Нет».

– Он сбежал?

Брат снова мотнул головой.

Остался только один вариант.

– Они его застрелили, – сказала я больше утвердительно, чем вопросительно и удивилась, когда брат опять мотнул головой.

– Ник сам застрелился. Он мертв.

2 мая 2008
«Я этого не делала»

* * *

Забавно, что имя, которое станет самым известным в моем классе – Ник Левил, – было именем парня, о котором до девятого класса никто не слышал.

Ник в том году был в нашей школе новичком и в ряды ребят не вписался. Гарвин – один из мелких пригородов с кучей больших домов и богатых деток. Ник жил на одной из улочек, где обитали малоимущие семьи. Они располагались за чертой города и служили его границами. Ник носил потрепанную, вышедшую из моды одежду с чужого плеча. Был худым, мрачноватым и неприступным. Его окружала обманчивая аура «плевать я на все хотел», создающая у людей ощущение, что это «на все начхать» относится персонально к ним.

Меня сразу к нему потянуло. К его искрящимся темным глазам и очаровательной улыбке – будто бы извиняющейся, кривоватой и никогда не обнажающей зубы. Ник, как и я, не был частью общей тусовки и, как и я, не хотел ею быть.

Я не всегда была изгоем. В начальной школе почти каждый – часть толпы, и я, конечно же, не была исключением. Любила все популярное – одежду, игрушки, мальчишек, песни, под которые все отрывались на школьных вечеринках.

Но где-то классе в шестом это изменилось. Я начала оглядываться по сторонам и заметила, что между мной и другими девочками мало общего. Их семьи не были несчастливы. Они не леденели внутренне, возвращаясь домой, ведь их ждало тепло родных, а не стылый холод. На школьных праздниках отцы звали дочек лапочками и милашками, в то время как мой папа в школе даже не появлялся. И пока я мучилась вопросом, есть ли мне место в этой толпе, Кристи Брутер, мой «тот самый человек», вдруг обрела популярность. Тогда сомнений не осталось: я не одна из них.

Поэтому мне понравилось поведение Ника. Я стала ходить с таким же наплевательским видом, как он, дырявить и трепать свои «красивенькие» шмотки и скинула с себя облик безупречной невинности, который родители

придавали мне раньше и всеми силами будут пытаться придать мне позже. Душу грело еще и то, что родители схлопотали бы по инфаркту, узнай они о моих отношениях с Ником. Им почему-то втемяшилось в голову, что я в школе «мисс Популярность». Шестой класс давно остался в прошлом, а им это словно и невдомек.

У нас с Ником был совместный урок алгебры. Так мы и встретились. Он одобрил мои кеды, обмотанные спереди клейкой лентой. Они не разваливались, нет, просто мне так нравилось.

– Классные кеды, – похвалил Ник.

– Спасибо. Ненавижу алгебру, – ответила я.

– Я тоже, – согласился он.

Позже, когда миссис Парр раздавала распечатки, он прошептал:

– Эй, ты ведь дружишь со Стейси?

Я кивнула и передала стопку листов ботанику позади себя.

– Ты ее знаешь?

– Мы ездим на одном автобусе, – ответил он. – Она вроде прикольная.

– Ага. Мы с ней с садика дружим.

– Клево.

Миссис Парр велела нам заткнуться.

Мы с Ником стали общаться каждый день, до урока и после. Потом я познакомила его со Стейси, Дьюсом и нашей компанией. Ник сразу же вписался в нее. Особенно он сошелся с Дьюсом. Однако лучше всего нам было вдвоем.

Вскоре мы начали встречаться у его шкафчика и приходить и уходить с алгебры вместе. Также иногда сидели по утрам на трибунах со Стейси, Дьюсом и Мейсоном.

Однажды у меня выдался особенно дерьмовый день, вызвавший дикое желание отомстить всем, кто его испортил. Мне пришло в голову записать имена этих людей в блокнот, сделав его своего рода бумажной куклой вуду, составить письменное доказательство того, что мои обидчики козлы, а я – их жертва.

Поэтому я открыла свой верный красный блокнот, пронумеровала каждую строчку на странице и начала перечислять все самое ненавистное: имена знакомых мне людей, знаменитостей, концепции, понятия и многое другое.

К концу третьего урока я заполнила полстраницы чем-то вроде «Кристи Брутер», «Алгебра: как можно сочетать буквы и цифры?!» и «Лак для волос». На этом я еще не остыла, поэтому притащила блокнот на алгебру и усердно корпела над ним на перемене, когда в класс зашел Ник.

– Привет, – сказал он, плюхнувшись на стул. – Не видел тебя у шкафчиков.

– Меня там не было, – ответила я, не поднимая глаз и записывая в блокнот: *«Дурацкие проблемы родителей»*. Этот пункт был крайне важным. Я записала его четырежды.

– Ясно. – С минуту он молчал, но я чувствовала, что он заглядывает мне через плечо. – Что это? – спросил он наконец со смехом в голосе.

– Мой Список ненависти, – ответила я, не задумываясь.

После урока, когда мы вышли из класса, Ник небрежно бросил:

– Мне кажется, тебе стоит добавить к Списку сегодняшнюю домашку. Задали хрень.

Я оглянулась на него. Он улыбался.

На душе сразу похорошело. Ник понял меня. Я не одна.

– Ты прав, – улыбнулась я. – На следующей перемене добавлю.

Так мы и начали вести наш печально известный Список ненависти. В шутку. Чтобы излить на бумаге злость, негодование и расстройство. Но это привело к тому, что мне и в страшном сне не могло присниться.

Каждый день мы вытаскивали на алгебре наш блокнот и записывали в него имена всех ненавистных нам старшеклассников и учителей. Сидя рядышком на задней парте, мы перемывали косточки Кристи Брутер и миссис Харфельц. Всем тем, кто раздражал нас и действовал нам на нервы, кто издевался над нами и другими ребятами.

Какое-то время мы тешили себя мыслью, что потом опубликуем этот Список, чтобы мир увидел, какими ужасными могут быть люди. Чтобы последнее слово осталось за нами, а не за чирлидершами, зовущими меня Сестрой смерти, и не за качками, раздающими Нику тумаки в коридорах, когда никто этого не видит, – не за «идеальными детишками», которые ничем не лучше «хулиганов». Мы говорили с Ником о том, насколько бы мир был лучше, если бы велись подобные списки и люди отвечали за свои поступки.

Список был моей идеей. Моим детищем. Я начала его и я его продолжала. С него завязалась наша дружба, он и скрепил ее. Он скрашивал наше одиночество.

Влюбилась я в Ника, впервые побывав у него дома.

Кухня, в которую мы зашли, была запущенной и грязной. В отдалении слышался звук работающего телевизора и временами перекрывающий его кашель курильщика. Ник открыл дверь рядом с кухней и жестом показал следовать за ним. Мы спустились по деревянным ступеням в подвал. Там прямо на цементном полу лежал не заправленный матрас, а рядом с ним –

маленький рыжий коврик. Ник сбросил рюкзак на матрас и плюхнулся на него сам.

– Долгий день, – тяжело вздохнул он, потирая глаза. – Когда уж наконец лето наступит.

Я медленно крутанулась на месте, осматриваясь. В одном углу стояли стиральная машина и сушилка с наброшенными поверх рубашками. В другом – мышеловка. У стены одна поверх другой были сложены коробки для переезда. К ним приткнулся невысокий комод с торчавшей из приоткрытых ящиков одеждой, заваленный разным барахлом.

– Это твоя комната? – поразила я.

– Ага. Хочешь телек посмотреть или сыграть в плеистейшен?

Ник перевернулся на живот и включил маленький телевизор, стоявший на коробке рядом с кроватью.

– Давай сыграем.

Я села на матрас рядом с ним и заметила между кроватью и стеной переполненную книгами пластиковую корзину. Подползла к ней на коленях и взяла одну книгу.

– «Отелло», – прочитала я название. – Шекспир?

Ник настороженно взглянул на меня, но ничего не сказал.

Я взяла другой том.

– «Макбет». – Потом еще два. – «Сонеты Шекспира». «В поисках Шекспира». Что это?

– Ничего. Держи. – Ник бросил мне джойстик.

Я проигнорировала его, продолжая копаться в корзине. «Сон в летнюю ночь». «Ромео и Джульетта». «Гамлет, принц датский». Тут был один Шекспир.

– Моя любимая, – тихо признался Ник, показав рукой на «Гамлета».

Я рассмотрела обложку, потом открыла книгу наугад и вслух зачитала:

«О, злое дело!

Так было бы и с нами, будь мы там;

Его свобода пагубна для всех,

Для вас самих, для нас и для любого»^[7].

– «Кто будет отвечать за грех кровавый?» – процитировал Ник прежде, чем я успела прочитать следующую строку.

Я прислонилась спиной к стене и посмотрела на него поверх книги.

– Ты читаешь такое?

– Ну да. В этом нет ничего особенного, – пожал он плечами.

– Шутишь? Это же здорово! Ты помнишь ее наизусть, а я даже не поняла, о чем речь.

– Чтобы понять, о чем речь, нужно знать, что там происходит.

– Так Расскажи мне, – попросила я.

Ник неуверенно взглянул на меня, глубоко вздохнул и несмело начал говорить. Однако чем дольше он рассказывал мне о Гамлете, Клавдии, Офелии, убийстве и предательстве, тем оживленнее и воодушевленнее становился. Он поведал мне о пагубной нерешительности Гамлета. О том, как Гамлет жестоко предал любимую. И пока он рассказывал мне историю, цитируя отрывки религиозных рассуждений Гамлета так, словно сам писал эту книгу, я поняла, что влюбляюсь в него. Влюбляюсь в парня с наплевательским отношением ко всем, робко улыбающегося, плохо одетого и цитирующего Шекспира.

– Как ты увлекся Шекспиром? – спросила я. – У тебя тут полно его книг.

Ник опустил голову. Он рассказал мне о том, как открыл для себя мир книг, когда его мама разводилась с отцом номер два. Как он долгими ночами сидел дома один и ему нечем было заняться, кроме как читать, потому что мама ходила по барам в поисках очередного мужика, не заботясь об оплате счетов за электричество. Как бабушка приносила ему книги и он за день проглатывал их. Чего он только не читал: «Звездные войны», «Властелина колец», «Артемиса Фаула», «Игру Эндера».

– И вот однажды Луис – мой папаша номер три – нашел эту книгу на гаражной распродаже и принес мне. – Ник взял у меня из рук «Гамлета» и потряс им в воздухе. – «Посмотрим, как ты ее осилишь, умник», – передразнил он отчима скрипучим голосом. – Типа пошутил. И сам же заржал. Он считал себя отменным шутником. Мама тоже так считала.

– И ты начал читать книгу назло ему, – сказала я, листая страницы «Отелло».

– Поначалу да. Но потом...

Ник устроился рядом, привалившись спиной к стене, и смотрел на переворачиваемые мной страницы. Приятно было ощущать тепло его плеча.

– Я увлекся. Чтение «Гамлета» чем-то напоминало складывание пазлов. Еще забавляло то, что тупоголовый Луис дал книгу, в которой отчим – злодей. – Он покачал головой. – Ублюдок.

– Так тебе бабушка купила все эти книги?

– Некоторые, – пожал Ник плечами. – Часть я приобрел сам. Но большинство подарила библиотекарь, которая меня в то время поддерживала. Она знала, что мне нравится Шекспир. Наверное, жалела меня.

Я уронила «Отелло» в корзину, снова порылась в ней и вытащила «Макбета».

– Расскажи теперь об этой книге, – попросила я.

И он рассказывал, а я слушала его, позабыв о валяющемся на полу рядом с кроватью джойстике от приставки.

Первые дни в больнице я думала об этом вечере. Напрягала мозг, пытаюсь вспомнить мельчайшие детали. Постель Ника была застелена красным бельем. Подушка без наволочки. На краю комода стояла рамка с фотографией светловолосой женщины – его мамы. Когда мы говорили о «Короле Лире», сверху послышался звук смываемой в туалете воды. Над головой периодически скрипел паркет – мама Ника ходила из спальни в туалет, из туалета в кухню. Я вспоминала каждую деталь. И чем больше я вспоминала, тем сильнее поражалась тому, что передают о Нике в новостях. Я включила телевизор тайком, чуть ли не виновато, после того как все ушли домой на ночь.

В перерывах между воспоминаниями об этом вечере я по кусочкам восстанавливала в памяти случившееся в столовой. Сделать это было нелегко по множеству причин.

Первые два дня я провела в каком-то медикаментозном коматозе. Забавно, но кажется, что большее всего должно быть сразу, как только вас подстрелили. Это не так. На самом деле я, по-моему, вообще ничего не почувствовала в тот момент. Разве только страх. Этакое странное тягостное ощущение. Но не боль. Настоящую боль я ощутила только на следующий день после операции – тогда кожа, нервы и мышцы начали гореть огнем, как будто, наконец, осознав: кое-что необратимо изменилось.

Я много плакала те два дня. По большей части от боли. Мне хотелось, чтобы она ушла. Это вам не укус пчелы. Болело просто адово.

Время от времени ко мне заходила медсестра – я видела, что не нравлюсь ей – и делала мне укол или скармливала таблетки, от которых менялось мое восприятие, искажались голоса и все вокруг. Не знаю, сколько я тогда спала, но знаю, что на третий день, когда мой мозг перестал получать галлюциногенное обезболивающее и мне начали давать обычные таблетки, я бы многое отдала за сон.

Однако не только поэтому мне никак не удавалось восстановить полную картину произошедшего. Дело в том, что ее кусочки никак не желали складываться в единое целое и я не видела смысла в случившемся, сколько бы ни ломала голову. Я даже спросила медсестру, не стряслось ли у меня чего с мозгом. Все-таки я после выстрела на некоторое время оглохла и теперь не могла ясно мыслить. Да и вообще, хотелось только одного –

уснуть и не испытывать боли. Или еще лучше – оказаться совершенно в другом мире.

– Это у тебя сработали защитные механизмы. Их в теле достаточно много, – ответила она.

Лучше бы в моем их было больше обычного.

Каждый вечер, включая висящий на противоположной стене телевизор, я видела свою школу – снятую с высоты птичьего полета и потому казавшуюся невероятно далекой. Я и ощущала ее таковой – чужой и зловещей, будто не в ней я последние три года училась. У меня даже возникало странное ощущение, что я смотрю не документальную съемку, а фильм. Однако поднимавшая внутри тошнота напоминала: это не вымышленный сюжет, это реальность и я нахожусь в самом ее эпицентре.

Мама просидела у моей постели все эти дни, обрушивая на меня противоречащие друг другу эмоции. Только что она тихо плакала в скомканную салфетку, печально качая головой и называя меня своей «девочкой», а через минуту со злым лицом и поджатыми губами говорила: «Поверить не могу, что родила такое чудовище».

Мне нечего было ответить на это. Ни ей, ни кому-либо другому.

Узнав от Фрэнки, что Ник мертв, что он застрелился, я свернулась в постели, точно улитка в раковине. Закуталась в одеяло, легла на бок и подтянула колени к груди – насколько позволяли перевязанное и ноющее бедро и сковывающая меня сеть медицинских трубок и проводов. А после того как свернулось калачиком тело, съезживаться продолжала душа. Она все скрючивалась и скрючивалась, превращаясь в измученный тугой комок.

Мое молчание не было умышленным. Я просто не знала, что сказать. И боялась, что если открою рот, то закричу от ужаса. Перед глазами стояла картина – Ник, лежащий где-то мертвым. Я хотела присутствовать на его похоронах. Или хотя бы навестить его могилу. Но больше всего я хотела его поцеловать и сказать, что прощаю его за свою рану.

Еще я боялась закричать от ужаса за мистера Клайна, Эбби Демпси и остальных, кто был ранен или убит. Даже за Кристи Брутер. Маму. Фрэнки. И да, за себя. Но обуревавшие меня чувства и мысли почему-то не сочетались друг с другом. Так при сложении пазла порой два кусочка вроде подходят, а вроде и нет. И это сводит с ума. Их можно состыковать, но они не сочетаются идеально и картинка выглядит странно. То же самое происходило у меня в голове. Я будто соединяла друг с другом неподходящие кусочки пазла.

На третий день я лежала, уставившись в потолок и вспоминая, как мы с Ником играли в лазертаг. Я тогда выиграла, и поначалу Ник напрягся, но

потом на вечеринке у Мейсона сам всем рассказал, какой я отличный стрелок. Он по-настоящему гордился мной, и мне это было приятно. Остаток вечера мы не разнимали рук и не могли друг на друга насмотреться. Это был лучший вечер в моей жизни.

Воспоминания прервал звук открывшейся двери. Я поспешно закрыла глаза, притворившись спящей. Мне хотелось, чтобы вошедший побыстрее ушел и я продолжила думать о том вечере. Казалось, Ник рядом и я ощущаю тепло его руки в своей ладони.

Вошедший, шаркая, приблизился к кровати и остановился. Капельницу не тронул. Ящики и шкафчики открывать не стал. Значит, не медсестра. Маминого характерного сопения из-за заложенного носа я тоже не слышала. И не чувствовала запаха одеколона Фрэнки. Я просто ощущала рядом чье-то присутствие.

Я приоткрыла глаз.

Возле кровати стоял мужчина в коричневом костюме. Лет сорока, совершенно лысый. Не полностью облысевший, а облысевший настолько, чтобы сбрить оставшиеся волосы. Он жевал жвачку. Мне не улыбнулся.

Я открыла оба глаза, но не села. И ничего не сказала. Просто смотрела на него с гулко бьющимся в груди сердцем.

– Как твоя нога, Валери? – спросил он. – Я могу звать тебя Валери?

Я молчала, сузив глаза. Ладонь сама собой скользнула к перебинтованной ноге. Мне готовиться кричать? Этот мужик, как в ужастиках, изнасиловал и прикончит меня прямо в больничной койке? Может, я этого и заслуживаю. Куча народу возрадуется, если со мной случится что-то жуткое. Эта мысль не успела завладеть мной, так как мужчина сдвинулся с места и снова заговорил.

– Надеюсь, что лучше. – Он отступил, подвинув к кровати стул, уселся на него. – Ты молода. В таком возрасте все быстро заживает. Мне вот в реабилитационном центре два года назад прострелил ногу наркоман, так рана вечность заживала. Что говорить, я уже старикан. – Он засмеялся над своей шуткой.

Я моргнула. Все еще не двигаясь и не убирая ладони с бедра.

Отсмеявшись, мужчина уставился на меня, склонив голову набок и продолжая медленно жевать жвачку. Он пялился на меня так долго, что я в конце концов не выдержала.

– Скоро вернется мама.

Не знаю, зачем я солгала. Я понятия не имела, когда она вернется. Однако мне показалось правильным сказать этому мужику, что скоро придет взрослый. Пусть не строит извращенных планов насчет меня.

– Она в приемной. Я уже с ней поговорил, – ответил он. – Твоя мама подойдет позже. Скорее всего, после обеда. Сейчас она общается с моим коллегой. Разговор может быть долгим. Отца твоего я тоже видел. Похоже, он сейчас не слишком доволен тобой.

– Увы, – отозвалась я, выразив междометием все свои мысли по этому поводу. *«А когда, интересно, он был мной доволен? И кому есть до этого дело? Уж точно не мне. Увы».*

– Я детектив Панзелла, – представился мужчина.

– Понятно.

– Показать значок?

Я покачала головой: «Нет». Никак не могла взять в толк, зачем он пришел.

Он наклонился вперед, приблизив свое лицо к моему.

– Нам нужно поговорить, Валери.

Наверное, мне следовало этого ожидать. Его приход был логичен. Только мне в тот момент ничто не казалось логичным. Я не видела смысла в стрельбе в школе, что уж говорить о сидящем у моей постели детективе?

Я перепугалась до смерти. Нет, даже сильнее. Я заледенела от страха и не знала, смогу ли выдать из себя хоть слово.

– Ты помнишь, что случилось в школе? – спросил Панзелла.

– Не очень хорошо, – мотнула я головой.

– Погибло много людей, Валери. Их убил твой парень, Ник. Ты знаешь, почему?

Я задумалась. Складывая в голове картину произошедшего в школе, я ни разу не задалась вопросом, почему. Ответ ведь был очевиден. Ник ненавидел их всех. И они ненавидели его. Вот почему.

Ненависть. Тумаки. Обзывание. Высмеивание. Издевки. Тычки проходящих мимо злобных идиотов. Ребята ненавидели Ника, а он ненавидел их. И закончилось это тем, что всех не стало.

Мне вспомнился канун Рождества. Мама Ника дала ему свою машину, чтобы он свозил меня на свидание. Нам редко обламывалась такая возможность, поэтому мы оба предвкушали поездку в такое место, куда пешком трудно добраться. Мы решили пойти в кино.

Ник подъехал ко мне на ржавой развалюхе. По ее коврикам перекачивались кофейные стаканчики с отпечатками губной помады, а между сиденьями торчали пустые сигаретные пачки. Нам было плевать. Мы были так счастливы выбраться куда-нибудь. Я придвинулась поближе к Нику. Он вел машину нерешительно, словно в первый раз сидел за рулем.

– Ну как? Прикольно или страшновато? – спросил он меня.

Я обдумала его вопрос и с лукавой улыбкой ответила:

– Романтично.

– Шутишь? – скривился Ник, бросив на меня взгляд. – Ну нет! На мелодраму ни за что не пойду.

– Пойдешь, если я попрошу, – поддразнила я его.

– Пойду, – кивнул он, широко улыбаясь.

– Но я не попрошу. Забавно. У меня сегодня смешливое настроение.

– У меня тоже.

Ник переместил ладонь с руля на мое колено. Мягко сжал его и руку не убрал.

Я прижалась к нему, закрыла глаза и глубоко вздохнула.

– Весь день ждала этой поездки. Родители вчера вечером совсем достали своими разборками. Думала, спячу от них.

– Да, так здорово, что мы выбрались, – ответил Ник, еще раз успокаивающе сжав мое колено.

Мы въехали на стоянку возле кинотеатра. Там была тьма народу. Тротуар и газон перед зданием заполнили подростки – большей частью ученики нашей школы. Ник убрал руку с моего колена, вернув ее на руль, и медленно ехал, выискивая свободное место.

Мимо проходил Крис Саммерс, держа в руке огромный бумажный стакан с газировкой. Он, как всегда, слонялся без дела со своими друзьями. Их компашка пересекала стоянку прямо перед нами, и Нику пришлось резко дать по тормозам.

Крис уставился в лобовое стекло и, разглядев нас за ним, заржал.

– Шикарная у тебя тачка, чмо! – глумливо крикнул он и запустил газировкой в лобовое стекло. От стаканчика отскочила крышка. По стеклу на капот стекла пенистая жидкость с кусочками льда.

Я вздрогнула, вскрикнув от неожиданности, и заорала:

– Козел!

Крис с друзьями уже отошел и открывал двери в кинотеатр. Несколько ребят на газоне оглянулись и засмеялись.

– Говнюк! – не унималась я. – Возомнил себя крутым, тупой засранец?! – Я продолжала сыпать ругательствами, бросая взгляды на хохочущих парней и девчонок. Джессика Кэмпбелл и ее подружки тоже смеялись над нами, прикрывая ладонями открытые рты. – Боже, – вздохнула я, откинувшись на спинку сидения. – Ну и кретин. Может, он мозг свой где посеял, а?

Ник не ответил мне. Он застыл, вцепившись в руль и уставившись на потеки на лобовом стекле. Я наклонилась к нему. Всего пару минут назад

он улыбался, теперь же на нем лица не было. Щеки пошли багровыми пятнами, подбородок подрагивал. Я почти физически ощущала исходящие от него волны разочарования и стыда. Он был раздавлен произошедшим, и меня это напугало. Обычно Ника подобное бесило и он огрызался в ответ. Но в этот раз он, кажется, готов был расплакаться.

– Эй, – я мягко тронула его за локоть. – Забудь об этом. Саммерс просто ублюдок.

Ник молчал и не пошевелился даже когда начали гудеть стоявшие позади машины.

Я с минуту наблюдала за ним, слыша в голове его голос. «Иногда мы тоже должны выигрывать», – сказал он. «Но не сегодня, – подумала я. – Сегодня мы все еще лузеры».

– Знаешь, – произнесла я вслух, – у меня пропало желание идти в кино. Давай купим что-нибудь поесть и поедem к тебе. Посмотрим телек.

Ник перевел на меня взгляд. Его глаза блестели от выступивших слез, губы были сжаты в тонкую линию. Он медленно кивнул и включил «дворники». Те очистили стекло, смахнув стакан и газировку. Будто их и не было, будто они не испортили нам весь вечер.

– Прости, – убито сказал Ник. Так тихо, что я едва его расслышала. Затем завел двигатель и побитой собакой удалился со стоянки.

Лежа в больничной постели, я понимала, что детектив хочет услышать совсем не это. Ему не интересен сам Ник. Ему нужны сведения о виновнике преступления.

– Не знаю, – ответила я на его вопрос.

– А предположить можешь?

– Я не знаю, почему, – пожалала я плечами. – Ник знал. Но он мертв и у него этого не спросишь. Может, Джереми знает.

– Джереми Уотсон? – Панзелла выудил откуда-то блокнот и заглянул в него. – С бульвара Лоукрест?

– Наверное. – Я не знала ни фамилии Джереми, ни его адреса. Мне было известно лишь то, что он был другом Ника и человеком, который последним говорил с ним перед случившимся. – Я плохо знаю этого Джереми.

Детектив удивленно приподнял брови. Он считал меня близким другом Джереми?

– Я с ним не общалась, – пояснила я. – Знала только, что Ник с ним водится.

Детектив слегка выпятил губы и задумчиво нахмурился, на его лбу образовалась складка.

– Хм. Странно. Родителям Джереми многое о тебе известно. Твои имя и фамилия. Где ты живешь. Я задавал им вопросы, и они посоветовали обратиться за ответами к тебе.

– Откуда они вообще обо мне знают? – приподнялась я на локтях. – Мы с ними ни разу не встречались.

– Может, Ник о тебе говорил, – пожал плечами детектив. – Это было спланировано, Валери? Вы с Ником вместе спланировали убийство?

– Я не... Нет, я не хотела... Да вы что?!

– У нас с десятком свидетелей, которые слышали, что Ник, перед тем как выстрелить в тебя, спросил: «Ты забыла наш план?» Ты знаешь, о чем он говорил?

– Нет.

– Я думаю, это неправда.

– Это правда, – сказала я горько. – Я ничего такого не планировала. Я даже не знала, что *он* это планирует.

Панзелла поднялся, оправил пиджак, вынул из папки бумаги и передал их мне. Когда я взглянула на них, у меня перехватило дыхание.

От: NicksVal@aol.com

Кому: cadaver@gmail.com

Тема: Еще один способ сделать это

О, знаешь, кого я хочу добавить в Список?

Джинни Бейкер.

Н.

От: cadaver@gmail.com

Кому: NicksVal@aol.com

Тема: RE: Еще один способ сделать это

Чего вдруг Дж. Б.? Список у меня – я его просматривала на обществознании. Могу ее вписать.

Вал.

От: NicksVal@aol.com

Кому: cadaver@gmail.com

Тема: RE: RE: Еще один способ сделать это

А чего бы и нет? Она же одна из БТБС. Впиши ее. Под каким она там

номером? 407-м? Плохо. Она заслуживает место повыше.

Н.

От: cadaver@gmail.com

Кому: NicksVal@aol.com

Тема: RE: RE: RE: Еще один способ сделать это

Из БТБС все этого заслуживают. Записала ее. Под 411-м.

Вот было бы здорово, если бы торговый центр нафиг взорвался и весь БТБС-клуб взлетел на воздух! И остались бы от них только накладные ногти да белобрысые патлы. LOL.

Вал.

Детектив внимательно наблюдал за мной, пока я просматривала остальные распечатки с моего компьютера, который, как я позже узнала, полиция конфисковала спустя несколько часов после стрельбы.

– Что это за БТБС? – спросил он.

– А?

– БТБС. Вы оба упомянули эту аббревиатуру. И написали, что Джинни Бейкер – одна из них.

– Оу. Мне нужно попить.

Панзелла наклонился и подвинул ко мне больничный поднос. Я схватила и осушила стакан с водой.

– БТБС, – повторила я и покачала головой.

– Не помнишь?

Он присел на корточки рядом с кроватью и таким нехорошим взглядом уставился мне в глаза, что я начала потеть.

– Валери, – заговорил он низким, рычащим голосом, который сразу показал – этот человек будет давить на тебя, пока не добьется своего. – Люди хотят правосудия. Хотят получить ответы. Будь уверена, мы докопаемся до сути. Мы узнаем правду. Так или иначе. Может, ты и не помнишь в деталях, что произошло три дня назад в кафетерии, но ты совершенно точно помнишь, что означает БТБС.

Я поставила стакан на поднос. Губы словно приморозило друг к другу.

– Я проверил: в школе нет подобной организации. Поэтому знаю, что ее придумали вы с Ником. – Детектив снова поднялся в полный рост и закрыл папку. – Хорошо, – сказал он нормальным голосом. – Я сам все выясню. Пока же остановлюсь на том, что вы так прозвали группу ребят, по меньшей мере один из которых погиб.

– Богатые... – начала я. Замолчала, закрыла глаза и стиснула зубы.

Меня знобило. Я бы вызвала медсестру, но чувствовала – она и пальцем не шевельнет, чтобы мне помочь. Я глубоко вздохнула. – Богатые Тощие Барби Сучки. Вот что это означает. БТБС-клуб. Ясно?

– И ты хотела, чтобы они взорвались.

– Нет. Я не хотела, чтобы кто-то взорвался.

– Но ты так написала. Это ведь твой ник – «NicksVal»?

– Мы шутили. Это была дурацкая шутка.

– А вот Джорджу и Хелен Бейкер сейчас не до смеха. У их дочери все лицо изуродовано. Если она и выживет, то выглядеть как прежде уже не будет.

– Боже, – выдохнула я. Во рту пересохло. – Я не знала.

Панзелла обогнул стул и направился к двери.

– Оставлю их тебе на ночь, – указал он на листы в моих руках. – Просмотри их, и завтра об этом поговорим.

Я запаниковала. Мне не хотелось говорить с ним ни утром, ни вечером, ни в какое другое время.

– Мой папа – юрист. Он не позволит мне говорить без адвоката. Я тут ни при чем.

На лице детектива мелькнуло какое-то чувство – то ли злость, то ли раздражение.

– Это не игра, Валери, – ответил он. – Я хочу сотрудничать с тобой, правда. Но и ты должна сотрудничать со мной. Я поговорил с твоим отцом, и он знает, что сейчас я разговариваю с тобой. Твои родители содействуют мне, Валери. Как и твоя подруга Стейси. Последние два дня мы изучаем ваши с Ником вещи. У нас ваш блокнот. Ваша имейл переписка. Мы все выясним. У тебя есть возможность прояснить ситуацию. Очистить свое имя и имя Ника, если, по-твоему, это возможно. Но ты должна все рассказать. Должна сотрудничать с нами. Ради себя самой.

Он несколько минут стоял возле двери, глядя на меня.

– Мы поговорим завтра, – закончил он.

Слепо уставившись на свои колени, я пыталась переварить сказанные им слова. Блокнот? Имейл переписка? Я не совсем понимала, к чему он клонил, но было ясно, что к чему-то плохому. Я мысленно перебирала в голове записи в блокноте и наши с Ником вечерние сообщения. Самые ужасные из них. Мне они не сулили ничего хорошего. Я так заледенела внутри, что не ощущала своего тела.

– Расскажи-ка мне о своем прозвище – Сестра смерти, – сказал детектив Панзелла, войдя в мою палату на следующее утро.

Сегодня никаких тебе «Как твоя нога? Надеюсь, что лучше». Сразу к делу: «Расскажи-ка мне о своем прозвище».

– А что о нем рассказывать? Просто дебильное прозвище, – ответила я, нажав кнопку для поднятия кровати, чтобы принять сидячее положение.

Утром я снова просматривала оставленные детективом распечатки, и настроение после этого было хуже некуда. Мы столько раз говорили с Ником об одном и том же. Почему я ничего не замечала? Почему не поняла, что Ник не шутит?

Панзелла перелистнул несколько страниц в своем блокноте и кивнул.

– Откуда оно взялось?

– Вы о том, почему меня начали так обзывать? Потому что я носила черные джинсы и красила волосы в черный. Потому что им не нравился мой макияж. Сама не знаю почему еще. Спросите об этом тех, кто меня так дразнил. Я не напрашивалась на обзывания.

Да, не напрашивалась. Что бы там ни говорили обо мне по телевизору. Как твердила все эти годы мама, Кристи Брутер была для меня «тем самым человеком». Тем самым человеком, который травил слабых и незащищенных. Тем самым человеком, у которого было достаточно прихвостней, чтобы придуманное им прозвище подхватило все. Тем самым человеком, который при желании мог испортить мне жизнь. Кристи обожала раздавать людям прозвища. Как и Джессика Кэмпбелл, как и Меган Норрис. А Крис Саммерс не упускал случая задеть Ника. Почему меня начали так обзывать? Откуда мне знать.

– То есть не потому, что ты планировала со своим парнем всех их убить?

– Нет! Я же сказала вам. Я ничего подобного не планировала. И даже предположить не могла, что такое планирует Ник. Это просто было дурацкое прозвище. Не я его придумала. Ненавижу его.

Детектив перевернул еще одну страницу.

– И это дурацкое прозвище придумала Кристи Брутер.

Я кивнула.

– Та девушка, в которую Ник предположительно сделал первый выстрел. Та самая, которую плохо видно на видео с камеры. Там видно лишь, как вы с Ником подошли к ней, после чего Кристи упала на пол и все бросились врассыпную.

– Я не стреляла в нее, если вы об этом. Не стреляла.

Он опустил на стул и наклонился ко мне.

– Что нам думать, Валери? Расскажи, как все было на самом деле. Мы знаем лишь то, что видим. А видим мы, как ты указываешь своему бойфренду на Кристи Брутер. И это подтверждают, как минимум, трое учеников.

Я кивнула и потерла лоб пальцами. Меня клонило в сон, и пора было менять повязку на ноге.

– Расскажешь, зачем показывала на нее?

– Я хотела, чтобы Ник вступился за меня, – почти шепотом ответила я. – Она сломала мой плеер.

Детектив встал, подошел к окну и закрыл жалюзи. Я моргнула. Палата, не залитая больше солнцем, стала темной и мрачной. Казалось, мама сюда никогда не вернется и я останусь навечно прикованной к больничной постели, вынужденная выслушивать вопросы копа и корчиться от боли в медленно гниющей ноге.

Панзелла подвинул ко мне стул, стоявший по другую сторону кровати, уселся на него и почесал подбородок.

– Итак, – произнес он. – Ты вошла в кафетерий и указала своему парню на Кристи. Секунду спустя он проделал в ее животе здоровенную дыру. Что мы упускаем, Валери?

По моей щеке покатилась слеза.

– Не знаю. Я не знаю, что случилось, клянусь. В одну минуту мы заходим в столовую, как в любой другой день, а в следующую – все с криками разбегаются.

Детектив скривил губы, закрыл блокнот и откинулся на спинку стула. Он заскользил взглядом по потолку, словно читая невидимую надпись.

– Свидетели утверждают, что сразу после выстрела ты опустилась на колени перед Кристи, затем встала и убежала. Им показалось, ты хотела убедиться, что она ранена. После чего ты ушла, оставив ее умирать. Это так?

Я крепко зажмурилась, пытаюсь отогнать от себя воспоминание об истекающей кровью Кристи Брутер и мох прижатых к ее ране ладонях. Пытаясь не ощутить той паники, от которой перехватывало тогда горло. Пытаясь не слышать запаха пороха и криков. По щекам заструились слезы.

– Нет, это не так.

– Хочешь сказать, что не убежала? Мы все видели твоё бегство на видеозаписи.

– Нет. То есть да, я убежала. Но не для того, чтобы бросить ее умирать. Клянусь. Я убежала, чтобы найти Ника. Я должна была его остановить.

Детектив кивнул и снова перелистал страницы в блокноте.

– А что ты сказала своей подруге Стейси Бринкс, когда вышла в тот день из автобуса?

Нога пульсировала от боли, как и голова. Горло пересохло от долгого разговора. И мне становилось страшно. По-настоящему страшно. Я не помнила, что сказала Стейси. Я вообще мало что помнила, а в той толике, которую помнила, начала уже сомневаться.

– Хм... Так ты говорила что-нибудь Стейси, выйдя из автобуса?

Я покачала головой.

– По словам Стейси, ты сказала что-то вроде:

«Я хочу убить ее. Она еще об этом пожалеет». Ты говорила это?

В палату зашла медсестра:

– Простите, детектив, но перед концом своей смены я должна сменить ей повязку.

– Конечно. – Панзелла поднялся и прошел к двери, огибая медицинские аппараты и провода. – Поговорим позже, – бросил он мне.

Я надеялась, что «позже» никогда не случится. Что между «сейчас» и «позже» произойдет чудо и детективу не понадобятся больше мои ответы.

9

Я сидела в кресле-каталке, впервые со дня расстрела одетая в футболку и джинсы. Мама принесла мне их из дома – задрипанные и давно уже вышедшие из моды, оставшиеся класса этак с девятого. Но было приятно облачиться в нормальную одежду, даже несмотря на то, что при каждом движении джинсовая ткань задевала рану и я со стоном стискивала зубы. Сидеть прямо тоже было приятно. В какой-то степени. Кроме как сидеть и смотреть телевизор делать было нечего.

Днем, когда рядом крутились мама, детектив Панзелла и медсестры, я включала Food Network или любой другой канал, не освещавший произошедшее в школе убийстве. Но вечерами болезненное любопытство брало верх и я включала новости. Я смотрела их с бешено колотящимся сердцем, по крупицам выясняя, кто выжил, кто погиб и что происходит в школе.

Во время рекламы мои мысли блуждали. Я думала о друзьях: оклемались они или нет? Как они поживают? Плачут они или празднуют? Продолжается ли для них жизнь? Затем мои мысли переносились к жертвам. Тогда я вжимала кулак в бедро и переключала канал, пытаясь думать о чем-то другом.

По утрам я отвечала на вопросы детектива Панзеллы, и это было совсем не весело. Я старалась не задумываться о том, почему он прицепился ко мне, потому как понимала – какой бы ни была причина, мне это не сулит ничего хорошо.

По мнению детектива, я либо тоже была стрелком, либо стояла за всем этим. И как бы я ни доказывала обратное, он мне не верил. Сколько бы я ни плакала, он своего мнения не менял. И не удивительно – по предоставленным мне доказательствам я даже самой себе казалось по уши виноватой, хотя кому как не мне знать о своей непричастности.

Панзелла выдавал мне доказательства отрывочно, крохами. Он обшарил мой дом. Мою комнату. Мой компьютер. Изучил мои записи на мобильном. Восстановил имейл переписку. Прочитал блокнот... тот самый блокнот.

С блокнотом, похоже, ознакомились все кому не лень. О его содержимом знали даже средства массовой информации. Выдержки из него показали поздно вечером в новостях, его цитировали на утренних ток-шоу. Я находила иронию в том, что блокнотом столь живо интересуются информационщики – как раз тот тип людей, который со временем бы обязательно оказался в Списке. Парочка из них, по-моему, уже попала в него. Знали ли они об этом? Подобные мысли наводили на бесконечные и мучительные вопросы: «А что, если?..». А мне и без них хватало вечно вынюхивающего что-то в моей палате детектива Панзеллы.

Я потеряла счет дням, но судя по количеству посещений детектива, пролежала в больнице где-то с неделю.

Панзелла уже успел зайти утром. Как всегда, в своем до невозможности заурядном костюме. При разговоре он часто причмокивал и так насмешливо поглядывал на меня, склонив голову на бок, что я чувствовала себя врушкой, хотя не обманывала его. Разговор, к моей радости, вышел коротким. Задав новую порцию вопросов, детектив ушел, оставив меня наедине с кулинарными шоу.

После его ухода вернулась мама, принесла мне одежду, журналы и шоколадку. Она тоже чему-то радовалась. Интересно, чему? Меня ведь только что допрашивал детектив. И она вроде не плакала. В последнее время глаза у нее были на мокром месте и с век не сходила припухлость. А тут она впорхнула в палату накрашенная и если не с улыбкой, то уж точно с радостью на лице.

Она протянула мне одежду и помогла ее надеть. Я оперлась на ее плечо и допрыгала на здоровой ноге до кресла-каталки. Усадив меня в него, мама достала заткнутый за перила больничной койки пульт и вручила мне.

Села на краю постели и уставилась на меня.

– Твоя нога заживает, – сказала она.

Я кивнула.

– Ты разговаривала с детективом.

Я снова кивнула, не отрывая взгляда от своих босых ступней. Нужно было попросить ее принести носки.

– Не хочешь мне рассказать о вашем разговоре?

– Он считает меня виноватой. Как и ты.

– Нет, Валери. Я никогда подобного не говорила.

– Ты даже в палату не заходишь, когда он изводит меня своими вопросами. Никто не заходит. Я всегда остаюсь с ним одна.

– Он очень хороший офицер, Валери. И приходит не для того, чтобы тебя на чем-то подловить. Он просто пытается разобраться в случившемся.

Я опять кивнула, ощущая страшную усталость. У меня не было сил с ней спорить. И вдруг осознала: совершенно не важно, что она думает обо мне. Случившееся настолько ужасно, что ей не спасти меня, даже если она считает меня невиновной.

Мы замолчали.

Попереключав каналы на телевизоре, я остановилась на кулинарном шоу, в котором Рэйчел Рэй^[8] готовила блюдо из курицы. Наше с мамой молчание прерывалось лишь шорохом маминых туфель по полу, когда меняла позу она, и скрипом искусственной кожи сиденья кресла-каталки, когда меняла позу я. Видимо, мама не знала, что еще сказать, раз я отказалась поделиться с ней каким-нибудь душещипательным мелодраматичным признанием.

– Где папа? – наконец спросила я.

– Ушел домой.

В воздухе между нами почти осязаемо повис следующий, не высказанный пока вопрос. Я бы, наверное, не задала его, но чувствовала ожидание мамы и решила ее не разочаровывать.

– Он тоже считает меня виноватой?

Мама протянула руку и поправила кабель пульта управления.

– Он не знает, Валери. Поэтому ушел домой подумать. Во всяком случае, так он сказал.

Ответ повис в воздухе еще ощутимее, чем вопрос. «Во всяком случае, так он сказал». Что это должно означать?

– Он ненавидит меня, – сказала я.

Мама вскинула на меня укоризненный взгляд.

– Ты его дочь. Он любит тебя.

Я закатила глаза.

– Ничего другого ты сказать и не можешь. Но я же знаю правду, мам. Он ненавидит меня. Ты тоже меня ненавидишь? Меня теперь весь мир ненавидит?

– Ты говоришь глупости, Валери, – ответила она. Встала и подхватила свою сумочку. – Пойду возьму себе сэндвич. Тебе что-нибудь принести?

Я покачала головой, и когда мама вышла, в голове проблесковым маячком мелькнула мысль: она не сказала «нет».

Вскоре после ее ухода в дверь тихо постучали. Я не отозвалась. Размыкать губы казалось ненужным усилием – в эти дни ко мне все заходили без спросу.

К тому же это мог быть детектив Панзелла, а я решила, что больше он не вытянет из меня ни единого слова. Даже если будет умолять. Даже если будет запугивать меня смертным приговором. Хватит с меня сегодня воспоминаний, пусть оставят меня в покое.

В дверь снова постучали, и она тихо отворилась. В палату просунулась голова Стейси.

Не передать, какое облегчения я почувствовала, увидев ее. Не просто живую, а целую и невредимую. Ни ран, ни ожогов, ни ссадин на лице. Ничего. Я чуть не расплакалась, глядя на стоящую в дверях подругу.

Вот только загвоздка в том, что на лице нельзя увидеть душевных шрамов.

– Привет, – сказала Стейси. Без улыбки. – Можно войти?

Я была счастлива видеть подругу живой, но стоило прозвучать знакомому, слышанному сотни раз голосу, как я поняла: я не знаю, что ей сказать. Глупо, но, по-моему, мне стало стыдно. Так бывает в детстве, когда на тебя при твоих друзьях орет мама или отец, и ты чувствуешь себя униженным, потому что друзья стали свидетелями чего-то очень личного, вдребезги разбивающего твой демонстрируемый миру имидж «у меня все под контролем». Я испытала схожее чувство, только в тысячу раз хуже.

Мне столько всего хотелось сказать подруге. Спросить ее о Мейсоне и Дьюсе. О школе. О том, выжили ли Кристи Брутер и Джинни Бейкер. Спросить ее, знала ли она о плане Ника или она так же потрясена случившимся, как и я. Мне хотелось услышать, что не я одна виновата в том, что не остановила Ника. Что не я одна была настолько глупа и слепа.

Но меня охватило странное чувство, когда Стейси вошла и сказала:

– Ты не отозвалась на стук в дверь. Я подумала, ты спишь.

Вдруг все показалось сюрреалистичным. Не расстрел в школе. Не транслируемые по телевизору кадры с кричащими школьниками,

несущимися из дверей школы, точно кровь из поврежденной артерии. Не смерть Ника и детектив Панзелла, выдающий мне фразочки в стиле «Закона и порядка»^[9]. А то, что было до. Начиная с первого класса, когда Стейси языком подталкивала шатающийся зуб и он торчал у нее изо рта как кусок жвачки, а я светила голым животом на турнике детской площадки. Все это будто было сном. А настоящее, вот этот ад – он был моей реальностью.

– Привет, – ответила я.

Стейси сконфуженно встала у изножья моей кровати, как Фрэнки в тот день, когда я очнулась в больнице.

– Болит? – спросила она.

Я пожала плечами. В том, иллюзорном мире подруга задавала мне этот вопрос тысячи раз о полученных синяках, царапинах и содранных коленках. В мире, где мы были обычными детьми, которые не стеснялись голых животов и шатающихся во рту зубов.

– Чуть-чуть, – солгала я. – Не сильно.

– Я слышала, у тебя там целая дыра. Правда, мне это сказал Фрэнки. Не знаю, насколько ему можно верить.

– Болит не сильно, – повторила я. – Большую часть времени я почти ничего не ощущаю. Болеутоляющие.

Стейси поскребла ногтем стикер, приклеенный к перилам кровати. Я достаточно хорошо знала подругу, чтобы понять: она растеряна или расстроена. А может, и то и другое. Стейси вздохнула.

– Сказали, со следующей недели мы можем идти в школу, – начала она. – Ну, кто хочет. Думаю, многие боятся возвращаться. Многие еще не отошли от случившегося... – ее голос оборвался, лицо вспыхнуло. Она словно устыдилась того, что упоминала об этом.

У меня перед глазами встала еще одна картинка из иллюзорного мира, в котором мы со Стейси, спрятавшись под накрытым скатертью столом на заднем дворе ее дома, засовываем в рот пупсам ложки с воображаемой едой. Кормление пластиковых кукол казалось таким реальным! Все казалось реальным.

– В общем, я возвращаюсь в школу. Дьюс тоже. Думаю, и Дэвид с Мейсоном придут. Мама против, но я хочу вернуться, понимаешь? Мне нужно это. Не знаю, как объяснить.

Она подняла голову и некоторое время смотрела телевизор. Вряд ли ее интересовало происходящее на экране, где ведущий кулинарного шоу вытаскивал из духовки профитроли. Наконец она взглянула на меня. Ее глаза увлажнились.

– Ты не будешь говорить со мной, Валери? – спросила она. – Ты ничего мне не скажешь?

Я открыла рот. Разум пустовал, а может, был затуманен резким возвращением из мира иллюзий в настолько отвратительную реальность, что ее мерзкий вкус почти ощущался на языке.

– Кристи Брутер умерла? – вырвалось у меня.

Стейси долгое мгновение смотрела на меня расширившимися глазами.

– Нет. Не умерла. Она лежит в палате дальше по коридору. Я только что ее видела.

Когда я ничего не ответила, подруга откинула волосы назад и с прищуром спросила:

– Разочарована?

Мне этого хватило. Одного-единственного слова, давшего понять, что моя давняя подруга Стейси, с которой мы вместе пошли в первый класс, которая носила мои купальники и красилась моими тенями, тоже считала меня виноватой. Даже если она не произносила этого вслух, даже если я не нажимала на курок, Стейси все равно в глубине души винила меня.

– Конечно, нет. Но я пока не могу разобраться в своих мыслях и чувствах, – впервые за все эти дни искренне призналась я.

– Хотела сказать тебе... поначалу я никак не могла поверить в случившееся. Я не верила, что виновники стрельбы – вы. Ты и Ник... Ты была моей лучшей подругой. А Ник всегда казался мне классным парнем. Эдаким юным Эдвардом Руки-ножницы, в хорошем смысле. Я и подумать не могла... Поверить не могла. Ник... Невероятно.

Качая головой, Стейси направилась к двери. Я оцепенело сидела в инвалидном кресле, переваривая ее слова. Она не могла поверить? Что ж, мне тоже не верилось. Не верилось в то, что моя давняя и «лучшая» подруга приняла все услышанное про меня по телевизору за чистую монету. Она даже не удосужилась спросить меня: правда, что все случилось так, как об этом рассказывают? Моя «пластичная» подружка, из которой можно вылепить что угодно, стала той, кто мне не доверяет.

– Мне тоже до сих пор в это трудно поверить, – сказала я. – Но клянусь, Стейси, я ни в кого не стреляла.

– Ты попросила Ника сделать это за тебя, – ответила подруга. – Мне пора. Я рада, что ты в порядке. – Она взялась за дверную ручку и открыла дверь. – Сомневаюсь, что тебя подпустят к Кристи Брутер, но может, извинишься перед ней, если встретишь ее в коридоре? – Стейси вышла в коридор, но прежде чем дверь с шелестом закрылась за ней, до меня донеслось: – Я извинилась.

Целый день после этого я ломала голову над тем, за что, черт возьми, извинялась перед Кристи Брутер Стейси. А когда до меня дошло, что возможно, она извинялась за дружбу со мной, мой иллюзорный мир рухнул и исчез. Его словно и не было никогда.

Проснувшись я с ощущением, что новый день принесет перемены. Думала, вернусь домой. Пока я спала, приходила мама. Она оставила для меня одежду, а потом испарилась как дым. Я села в постели и смахнула с глаз волосы. Кровать заливал струящийся из окна солнечный свет.

Я вылезла из постели, взяла костыли, прислоненные медсестрой к стене у моей кровати, и допрыгала с их помощью до ванной – теперь я могла передвигаться самостоятельно целый день. Из-за болеутоляющих я все еще чувствовала легкую слабость и головокружение, но мне больше не ставили капельниц и повязка на ноге хоть и доставляла неудобство, но мешала не сильно. Я ощущала ноющую боль в бедре – так, наверное, ноет засевшая между пальцев заноза.

Передвижение с костылями и умывание заняло у меня немало времени, и когда я вышла из ванной, на краешке постели уже сидела мама. У ее ног стоял маленький чемодан.

– Что это? – спросила я, доковыляв до кровати. Взяла футболку и начала снимать пижаму.

– Вещи, которые тебе могут понадобиться.

Вздыхнув, я натянула футболку и принялась за джинсы.

– То есть я тут еще на один день остаюсь? Но я же хорошо себя чувствую. Могу самостоятельно передвигаться. Мне можно пойти домой. Я хочу пойти домой, мам.

– Дай я тебе помогу. – Мама наклонилась помочь мне облачиться в джинсы.

Она застегнула за меня молнию и заклепку – это было стремно и успокаивающе одновременно.

Я прохромала к инвалидному креслу и опустилась в него. Вытащила попавшие под футболку волосы и устроилась поудобнее. Потом подъехала к тумбочке, на которой медсестра оставила поднос с завтраком. Я унюхала запах бекона, и в животе заурчало.

– Так они сказали, когда отпустят меня? Завтра? Мам, я правда думаю, что могу уже вернуться домой. Может, поговоришь с ними? – Я подняла

крышку подноса. В животе снова заурчало, и я поспешно сунула кусочек бекона в рот.

Мама только собралась мне ответить, как распахнулась дверь. В палату вошел мужчина в клетчатой рубашке и брюках цвета хаки, с наброшенным на плечи белым халатом.

– Миссис Лефтман, – весело сказал он, – я доктор Дентли. Мы разговаривали с вами по телефону.

Я смотрела на него с набитым беконом ртом.

– А ты, должно быть, Валери, – заботливым тоном продолжил он и протянул мне руку для пожатия.

Проглотив бекон, я пожала его ладонь.

– Доктор Дентли, – еще раз представился он и сел рядом. – Штатный психиатр больницы «Гарвин Дженерал». Как твоя нога?

Я взглянула на маму, но она смотрела в пол, усиленно делая вид, что ее тут нет.

– Нормально, – ответила я, потянувшись за другим кусочком бекона.

– Это хорошо, хорошо.

С его губ не сходила улыбка. Нервная улыбка. Словно он чего-то побаивался, но не лично меня. Может, самой жизни? Будто она может в любую секунду прыгнуть и вцепиться в него.

– Назови свой уровень боли в настоящий момент.

Он достал папку-планшет с моей историей болезни. В конце ее, конечно же, имелись данные по моему обезболиванию и динамике боли. Я по сотне раз за день отвечала на этот вопрос с того времени, как попала в больницу. «У тебя болит на десять баллов? На семь? А может, сегодня на четыре целых триста семьдесят пять сотых?».

– Два балла, – ответила я. – И что? Меня теперь выпишут?

Доктор Дентли тихо засмеялся и подтолкнул указательным пальцем съехавшие с переносицы очки.

– Валери, мы хотим, чтобы ты излечилась, – сказал он терпеливым тоном детсадовского воспитателя. – Как физически, так и душевно. Потому я и здесь. Я проведу оценку твоего психического состояния, после чего мы решим, как тебе помочь обрести душевное равновесие. Тебе хочется сегодня себе навредить?

– Что? – Я посмотрела поверх его плеча на маму. – Мам?

Она продолжала таращиться в пол.

– Я спросил, хочется ли тебе сегодня навредить себе или кому-то другому?

– Хочется ли мне покончить с собой?

Дентли кивнул. Казалось, дурацкая улыбка прилипла к его губам.

– Или порезать себя. Или причинить себе боль иным способом.

– Что? Нет. С чего мне хотеть покончить с собой?

Он чуть отклонился в сторону и положил ногу на ногу.

– Валери, я пообщался с твоими родителями, полицейскими и докторами. Мы много говорили о суицидальных мыслях, которые, судя по всему, мучили тебя долгое время. И учитывая произошедшее, мы все тревожимся, что эти мысли будут мучить тебя с удвоенной силой.

Ник всегда был одержим смертью. Меня это не напрягало. Кто-то помешан на видеоиграх, кто-то заиклен на спорте. Есть парни, у которых заскок на военщину. Нику нравилась смерть. Ник говорил о смерти с того самого дня, как, раскинувшись на своей постели, рассказывал мне о Гамлете и сожалел, что тот не убил Клавдия сразу.

Но это были просто истории. Он собирал истории о смерти. Он пересказывал книги и фильмы, полные значимых и трагических сцен смерти. Говорил о смертельных случаях, показанных в новостях или криминальных сводках. Это был его закидон. И постепенно я начала говорить на его языке. Стала тоже рассказывать истории. Так вышло само собой. Я даже не заметила, как начала это делать. Все сказанное я воспринимала как художественный вымысел. Шекспир писал о смерти. Эдгар По писал о смерти. Стивен, блин, Кинг писал о смерти. И в этом не было ничего плохого.

Я не заметила, когда разговоров на тему смерти стало слишком много. Не заметила, как они стали более личными. Не осознала, что истории Ника перешли в рассказы о суициде. Об убийстве. И мои тоже. Я думала, мы по-прежнему импровизируем.

Я была потрясена, прочитав нашу с Ником имейл переписку, оставленную мне детективом Панзеллой. Как я могла этого не видеть? Как могла не заметить, что из наших писем складывается история, которая бы любого насторожила и обеспокоила? Как не обратила внимание на то, что Ник перешел от абстрактных размышлений к вполне конкретным? Как не понимала, что мои ответы – ничего не несущие за собой – кого угодно убедили бы, что я одержима смертью?

Не знаю, как это ускользало от меня. Мне очень жаль, что я не замечала очевидного, но теперь этого не изменить.

– Вы говорите о моих электронных письмах? Это было не всерьез. Болтовня в стиле Ромео и Джульетты. Во всяком случае с моей стороны.

Будто не слыша меня, доктор Дентли продолжал:

– И мы все считаем, что при таком положении дел самое лучшее, что

мы можем сделать, – убережь тебя и назначить программу стационарного лечения, которая поможет тебе бороться с твоими суицидальными наклонностями. Групповую, индивидуальную и лекарственную терапию.

Я схватила костыли и поднялась.

– Нет. Мам, ты же знаешь, мне этого не нужно. Скажи ему, что мне этого не нужно.

– Это для твоего же блага, Вал, – ответила мама, наконец оторвав взгляд от пола. Ее пальцы судорожно сжимали ручку чемодана. – Лечение не займет много времени. Всего пару недель.

– Валери, – встрял доктор Дентли. – Валери, мы поможем тебе и дадим то, в чем ты нуждаешься.

– Хватит повторять мое имя! Я нуждаюсь в доме. И могу бороться там с любыми наклонностями.

Доктор Дентли встал и, наклонившись, нажал кнопку вызова медперсонала. Вошедшая медсестра подхватила чемодан и выжидательно остановилась у двери. Мама тоже встала и посторонилась, чтобы не мешать мне пройти.

– Мы всего лишь переместимся на четвертый этаж, в психиатрическое отделение больницы, Валери, – сдержанным тоном произнес доктор Дентли. – Мы отвезем тебя туда на кресле-каталке. Пожалуйста, сядь в него. Так тебе будет удобнее.

– Нет!

Мама вздрогнула. Наверное, я, сама того не желая, выкрикнула это слово. Перед глазами встали кадры из фильма «Пролетая над гнездом кукушки», который мы смотрели в десятом классе: Джек Николсон, кричащий на медсестру и требующий включить телевизор, неприятный, с каменным лицом индеец и нервный мужичок в очках. Мелькнула наиглупейшая мысль: все оборзутся, узнав, что я попала в психушку. Это же поле непаханое для издевок. Кристи Брутер вволю постебается надо мной. Ну уж нет! Им придется меня прибить, чтобы утащить в психиатрическое отделение.

– Нет! Не пойду туда! Нет! Убирайтесь! – зашлась я криком.

Доктор Дентли, должно быть, понял, что живой я не дамся. Доброжелательное выражение на его лице дрогнуло. Он кивнул медсестре, и та поспешно выскочила из палаты.

Несколько мгновений спустя вошли два здоровенных санитаря.

– Поосторожней с ее левой ногой, – бесстрастно велел им доктор Дентли.

Я и глазом не успела моргнуть, как меня схватили под руки санитары и

рядом очутилась медсестра со шприцем. Я инстинктивно села в инвалидное кресло. Костыли попадали на пол, и мама наклонилась поднять их. Я брыкалась как ненормальная под навалившей на меня тонной мышц и орала во всю глотку. Мой оглушительный крик, наверное, разлетелся по всему миру, и иностранцы теперь подбирают отдельные его звуки в качестве артефактов.

Один из санитаров сдвинулся, чтобы покрепче перехватить мою руку. Я лягнула его. Больно так лягнула, в голень. Он согнулся, охнув сквозь стиснутые зубы, но освободиться из его хватки не вышло. Меня буквально пригвоздили к креслу. Когда стоявшая рядом медсестра вонзила мне в бедро иглу, я сделала единственное, что могла, – опять закричала.

Спустя секунды не осталось сил даже на крик. Мои щеки заливали слезы. Мама тоже плакала. Жаль, меня это не утешало.

– Мам, – заскулила я, когда меня повезли мимо нее. – Пожалуйста, не поступай так со мной. Ты можешь это остановить...

Она не ответила. Во всяком случае, вербально.

Весь путь по коридору к лифтам я плакала, умоляла, твердила:

– Я не делала этого... Не делала...

Но доктор Дентли исчез, оставив меня на попечении двух санитаров и несущей чемодан медсестры. Все трое делали вид, что не слышат меня.

Мы въехали в холл со знаком «Лифты» и указывающей к ним стрелкой. Прямо перед поворотом мы проехала мимо палаты, в которой я увидела знакомое лицо.

Говорят, соприкосновение со смертью меняет людей и они осознают, что в жизни важны любовь и терпимость. Что в ней нет места мелочности и ненависти.

Но когда санитары везли меня в инвалидном кресле к лифтам, я увидела в палате уставившуюся на меня Кристи Брутер, стоящих у ее постели родителей и молоденькую женщину, державшую на руках малыша.

– Я не делала этого... Не делала... – плакала я.

Родители Кристи глянули на меня настороженно. Она же смотрела на меня с кривоватой насмешливой улыбкой. Той самой улыбкой, которую я столько раз видела в автобусе. Своей неизменной улыбкой.

Санитары повернули за угол, и я больше не видела Кристи.

– Прости, – прошептала я, но не думаю, что она меня слышала.

Может, каким-то чудом меня услышала Стейси?

Я потом не раз удивлялась, как пережила эти десять дней в психиатрическом отделении. Как каждый день находила в себе силы вставать с постели и идти в ванную, а потом – на групповую терапию. Как вытерпела ночи, тишину которых нарушали визгливые голоса, несущие ахинею. Моя жизнь скатилась под откос, поняла я, когда однажды утром ко мне в палату зашел санитар и, одергивая полы медицинского халата, сказал, что если мне нужно «ширнуться», то мы можем что-нибудь придумать.

Я даже не могла замкнуться в себе и спастись молчанием. Доктор Дентли расценил бы это как рецидив и не выписал бы меня из больницы.

Меня тошнило от доктора Дентли. От налета на его зубах, обсыпанных перхотью очков и психозаумной болтовни. Его взгляд всегда находил что-то поважнее меня, когда я отвечала на его супермозгоправские вопросы.

Я чувствовала себя не на своем месте. Большую часть времени мне казалось, что все вокруг – включая доктора Дентли – сумасшедшие. Все, кроме меня.

Там был Эммитт, рыскавший по коридорам и выпрашивавший у всех мелочь. Моррис, разговаривавший со стенами так, словно они ему отвечали. Фрэнси, любившая себя подпалить и без конца хваставшая тем, что переспала со своим сорокапятилетним отчимом. Адель, которую из-за материны редко допускали до групповой терапии.

И там была Брэнди, знавшая, за что меня упекли в психиатрическое отделение. Уставившись на меня своими темными печальными глазами, она при любой возможности задавала неприятные вопросы.

– Каково это? – спрашивала она меня в телевизионной комнате. – Ну, убивать людей.

– Я никого не убила.

– Мама говорит, что убила.

– Твоя мама ни черта не знает. Она ошибается.

В коридорах, на групповой терапии – везде была Брэнди со своими бесконечными вопросами.

– Что ты чувствовала, когда тебя подстрелили? Он специально выстрелил в тебя? Он думал, ты заложишь его? Твои друзья пострадали или пострадали только те, кого ты ненавидела? Ты жалеешь о содеянном? Что думают твои родители? Мои были бы в шоке. Твои родители были в шоке? Они теперь ненавидят тебя?

Я бы спятила от этих ее вопросов, если бы старательно не абстрагировалась от них. Большую часть времени я игнорировала Брэнди. Уклончиво пожимала плечами или притворялась, что не слышу ее. Но иногда отвечала на ее вопрос в надежде, что она заткнется. И это было

ошибкой. Стоило ответить на один вопрос, как на меня лавиной обрушивались другие. Тогда я жалела, что вообще открыла рот.

Единственным положительным моментом было то, что ко мне перестал приходить со своими расспросами детектив Панзелла. Я не знала, почему. То ли доктор Дентли его не пускал, то ли он поверил в мою невиновность, то ли возбуждал дело против меня. Его не было рядом, и это было хорошо.

Я вела себя как положено. Как послушная девочка меняла пижаму на больничный халат. Смотрела в зале отдыха разрешенные передачи или таращилась в окно на проходящее внизу шоссе, делая вид, что не замечаю размазанных по стенам козявок. Что мое сердце не рвется на части. Что не злюсь, не растеряна и не напугана.

Мне хотелось забыться сном. Принять болеутоляющее, свернуться калачиком в постели и проснуться дома. Доктор Дентли назвал бы такое состояние депрессией и оставил бы меня на дополнительное лечение. Поэтому я притворялась. Притворялась, что мне становится лучше. Притворялась, что у меня проходят «суицидальные мысли».

– Ник мне совершенно не подходил, – сокрушалась я. – Теперь я это понимаю. Я хочу начать все сначала. Думаю, мне пойдет на пользу учеба в университете. Да, мне нужно поступить в университет.

Я скрывала переполняющий меня гнев. Я злилась на родителей – за то что их не было рядом со мной. Злилась на Ника – за то что он мертв. Злилась на издевавшихся над Ником ребят. Злилась на себя – за то что не предвидела случившегося. Я научилась умирять свой гнев, заталкивать его на край сознания в надежде, что он остынет, уйдет. Я научилась делать вид, что он уже ушел.

Я говорила вещи, которые помогли бы мне побыстрее выбраться из больницы. Произносила слова, которые они хотели услышать. Ходила на групповую терапию и умудрялась хранить молчание, когда кто-то из пациентов принимался меня оскорблять. Я ела все что давали, проходила любые тесты и сдавала требующиеся анализы, содействовала абсолютно всему. Я просто хотела выбраться оттуда.

В пятницу доктор Дентли вошел в мою палату и присел на краешек кровати. Я сдержала гримасу отвращения и поджала пальцы ног, пытаюсь хоть как-то от него отстраниться.

– Мы тебя выписываем, – сказал он будничным тоном.

– Правда?

– Да. Мы очень довольны твоим прогрессом. Но до полного излечения, Валери, тебе еще далеко. Мы выписываем тебя для дальнейшего

амбулаторного лечения.

– Здесь? – спросила я, пытаюсь скрыть панику в голосе.

Мысль о каждодневном возвращении в эту больницу почему-то вызвала страх – как-будто если я скажу или сделаю что-то не то, Честер с Джоком снова скрутят меня и загонят в попу иглу.

– Нет, ты будешь ходить к... – доктор Дентли умолк, перелистал страницы на своей папке-планшете и удовлетворенно кивнул. – Да. Ты будешь ходить к Рексу Хилеру. – Он взглянул на меня. – Тебе понравится доктор Хилер. Для твоего случая он прекрасно подходит.

Меня выписали. С оговорками, но все же освободили.

Медсестра отвезла меня в кресле-каталке до дверей больницы. Всю дорогу мне чудились чужие взгляды. Может, в мою сторону никто и не смотрел, но казалось, на меня таращатся все пациенты и посетители. Словно они знают, кто я такая и почему оказалась тут. Словно уставились на меня, размышляя, правда ли то, что они слышали обо мне, и не поступил ли бог жестоко, оставив меня в живых.

Мама припарковала машину рядом с больницей и вошла в здание с костылями в руке. Я молча взяла их у нее и поковыляла к машине. Она же осталась выслушать последние указания медсестры.

По пути мы не проронили ни слова. Мама включила радио и выбрала волну с приятной ненавязчивой музыкой. Я приспустила окно и, закрыв глаза, вдыхала уличный воздух. Он пах по-другому, чего-то в нем не хватало. Я мучилась вопросом, что буду делать, вернувшись домой.

Открыв входную дверь, я первым делом увидела Фрэнки – развалившись на полу, он смотрел телевизор.

– Привет, Вал, – сказал брат, приняв сидячее положение. – Ты вернулась.

– Привет. Прикольная прическа. Сегодня «ежик» хоть куда.

Фрэнки с ухмылкой провел ладонью по волосам.

– Тине тоже понравилось, – ответил он так, будто ничего не изменилось. Будто я не пропахла больницей. Будто я не суицидальный фрик, который вернулся домой, чтобы испортить ему жизнь.

В это мгновение Фрэнки был самым лучшим братом на свете.

Кабинет доктора Хилера оказался по-библиотечному уютным – оазис книг и легкой рок-музыки в море бездушных казенных комнат. Его

секретарь, спокойная темнокожая девушка с длинными ногтями, отличалась сдержанностью и профессионализмом. Она проводила нас с мамой из приемной в святая святых с таким обхождением, словно мы пришли покупать редкие бриллианты. Достав из мини-холодильника для меня кока-колу и для мамы бутылку воды, она пригласила нас жестом к открытой двери в кабинет. Мы переступили порог.

Доктор Хилер встал из-за письменного стола, снял очки и приветливо улыбнулся. Улыбка не коснулась его грустных глаз. Я тогда подумала, что, возможно, его глаза печальны всегда. Если бы мне приходилось целыми днями выслушивать истории про боль и страдания, то, наверное, в моих глазах тоже застыла бы грусть.

– Здравствуйте. – Доктор Хилер протянул маме руку. – Меня зовут Рекс.

Мама пожала его ладонь. Чересчур официальная и строгая, она казалась чуждой в этом кабинете.

– Здравствуйте, доктор Хилер. Дженни Лефтман. А это моя дочь Валери. – Она тихонько подтолкнула меня вперед. – Нас направил к вам Билл Дентли из больницы «Гарвин Дженерал».

Доктор Хилер кивнул – ему это было известно так же хорошо, как и то, что мама собиралась сказать дальше:

– Валери ходит в школу «Гарвин». *Ходила*, – поправилась она.

Доктор Хилер опустил в мягкое кресло и указал рукой на стоящий напротив диван.

Я тут же плюхнулась на него.

Мама скованно отступила к дивану и села на самый краешек, точно боялась испачкаться. Понаблюдав за ней, я почувствовала стыд, раздражение и досаду. Мне захотелось вытолкнуть ее из кабинета. Еще больше захотелось пулей выскочить из кабинета самой.

– Как я уже говорила, – продолжила мама, – Валери в день стрельбы находилась в школе.

Доктор Хилер перевел взгляд на меня, но ничего не сказал.

– Она... – мама замялась, – знала мальчика, который устроил стрельбу.

Все, что она говорила, было так фальшиво, что я вышла из себя.

– Знала? – вскипела я. – Он был моим парнем, мам!

В наступившей тишине мама явственно пыталась овладеть собой. Слишком явственно, напоказ, чтобы доктор Хилер понял, с каким ужасным ребенком она обречена иметь дело.

– Мне очень жаль, – тихо произнес доктор Хилер.

Я подумала, он обращается к маме, но вскинув глаза, увидела, что он

смотрит на меня.

За моей вспышкой последовало долгое молчание, во время которого мама шмыгала носом в салфетку, а я уставилась в пол, ощущая на себе взгляд доктора Хилера.

В конце концов мама прервала молчание и ее голос в замкнутом пространстве прозвучал пронзительно и резко:

– Мы с ее отцом, разумеется, беспокоимся за нее. Ей нужно поскорее оправиться и наладить свою жизнь.

Я покачала головой. Мама по-прежнему считает, что я могу жить прежней жизнью?

Доктор Хилер глубоко вздохнул и подался вперед. Он наконец оторвал взгляд от меня и сосредоточил его на маме.

– Что ж, – произнес он мягким, убаюкивающим голосом, – без сомнения, наладить жизнь очень важно. Но, возможно, сейчас для Валери гораздо важнее открыть свои чувства, разобраться в них и найти способ примириться с произошедшим.

– Она не хочет об этом говорить, – возразила мама. – С той минуты как ее выписали из больницы...

Доктор Хилер остановил поток ее слов, вытянув руку, и обратил взгляд на меня.

– Послушай, я не собираюсь говорить тебе, будто знаю, что ты чувствуешь. Не собираюсь умалять тяжести того, через что ты прошла, заявлениями, будто знаю, каково тебе сейчас, – сказал он мне.

Я промолчала. Он сменил позу в кресле.

– Может, начнем с того, что выгоним твою маму и немного поговорим? Как ты на это смотришь?

Я не ответила, а мама, похоже, обрадовалась такому повороту и встала. Доктор Хилер тоже поднялся и проводил ее к двери.

– Я много работаю с ровесниками Валери, – тихо сказал он маме. – Я буду с ней откровенен. Не резок, но прямолинеен. Когда нужно разобраться с какой-то проблемой, недомолвок быть не должно. Мы выкладываем все как есть, рассматриваем проблему со всех сторон и находим способ, как ее разрешить. Однако прежде всего я здесь для того, чтобы выслушать Валери и предложить ей свою поддержку. – Доктор Хилер повернулся, посмотрел на меня, сидящую на диване, потом на маму, взявшуюся за дверную ручку. – Возможно, в дальнейшем мы решим, что тебе не избежать изменений, – обратился он ко мне. – Если так, потом мы это обсудим. Сейчас же мы будем больше говорить о твоих мыслях и поступках. Вопросы есть?

Я промолчала.

Мама уронила ладонь с дверной ручки.

– Вы когда-нибудь имели дело с подобными случаями?

Доктор Хилер отвел взгляд.

– Я имел дело с насилием. Но с подобным – никогда. Думаю, я смогу вам помочь, но не хочу обманывать вас и говорить, что точно знаю, как все уладить. – Он снова посмотрел на меня, и в его печальных глазах отразилась самая настоящая боль. – То, через что ты прошла, – ужасно.

И я опять промолчала. С доктором Хилером молчать было просто. Доктор Дентли упек бы меня за это в психушку. Доктор Хилер, похоже, этого ожидал.

– Я буду в коридоре, – сказала мама, выходя из кабинета.

Я не смотрела на нее, уставившись в пол.

Доктор Хилер прикрыл дверь, и наступила такая тишина, что я услышала тиканье часов и шорох обивки, когда он опустился в свое мягкое кресло.

– Сейчас один из тех моментов, когда невозможно подобрать подходящие слова, – тихо произнес доктор Хилер. – Могу только представить, через какой ужас ты прошла и как трудно тебе приходится теперь.

Я передернула плечами, все еще не в силах поднять на него глаза.

Он прочистил горло и сказал, слегка повысив голос:

– Сначала ты оказалась свидетельницей массового убийства, получила ранение и потеряла любимого человека. Все это плохо сказалось на отношениях со школой, с семьей и друзьями. А теперь ты застряла в кабинете с толстяком-мозгоправом, который хочет залезть тебе в голову.

Я вскинула на него взгляд, не поднимая головы, чтобы он не заметил моей улыбки. Но он, должно быть, заметил, так как тоже улыбнулся уголками губ. Он мне уже нравился.

– Послушай, – сказал он. – Плохо не только то, что случившееся страшным образом отразилось на тебе, но и то, что ты практически не контролируешь происходящего с тобой сейчас. Мне бы хотелось, чтобы здесь все было по-другому. Мне бы хотелось отдать контроль в твои руки. Мы будем двигаться вперед с той скоростью, какую выберешь ты. Если я подниму тему, на которую ты не захочешь говорить, или буду слишком давить на тебя, просто скажи об этом, и я сменю тему.

Я приподняла подбородок.

– Почему бы при следующей нашей встрече не начать с разговора о том, чем ты увлекаешься, какой твоя жизнь была до случившегося? Будем

понемногу узнавать друг друга. Как тебе это?

– Согласна, – ответила я.

Мой голос был тихим и слабым, но я удивилась, что он вообще прозвучал.

На следующее утро, проснувшись и спустившись вниз, я обнаружила в кухне детектива Панзеллу. Он сидел за столом с чашкой кофе напротив мамы. Мама улыбалась. Я давно уже не видела у нее такого просветленного лица. Детектив по обыкновению выглядел мрачноватым, но на удивление расслабленным. Может, не будь мы с ним оба теми, кем являлись, он тоже бы улыбался.

Я прохромала в кухню. Резиновые наконечники на костылях скользили по линолеуму, и я боролась с ощущением, что земля уходит из-под ног. После операции оно охватывало меня уже бесчисленное количество раз. Я все еще была под действием кучи лекарств – болеутоляющих и психотропных. И меня все еще пьянила неожиданная свобода.

– Валери, – сказала мама, – детектив принес хорошие новости.

Я хотела сесть за стол, но передумала и прислонилась к самому концу кухонной стойки, подальше от детектива Панзеллы. В больнице я была лишена возможности от него отдалиться, чего страстно желала.

Я внимательно оглядела его. Он был в своем неизменном коричневом костюме, но похоже, прямо перед приходом к нам принял душ. На самом деле от него до сих пор пахло мылом, причем тем же мылом, каким пользуемся мы. И аромат его бальзама после бритья я слышала тоже. Меня замутило. На глаза невольно навернулись слезы. Если бы не больная нога, я бы с криком выскочила на улицу и как можно дальше убежала от этого человека.

– Здравствуй, – поздоровался он и развернулся ко мне лицом, описав своей кружкой по столу небольшую дугу.

Позже я буду оттирать оставшийся от нее липкий след с таким чувством, будто избавляюсь от него самого. Стираю его навсегда из своей жизни.

– Здравсьте, – ответила я.

– Валери, детектив Панзелла пришел сказать, что ты больше не являешься подозреваемой.

Я промолчала, усомнившись в том, что не сплю. Может, я все еще

лежу в психиатрическом отделении больницы. И через несколько минут проснусь, отправлюсь на групповую терапию и расскажу всем о своем сумасшедшем сне. Шизофреник Нэн начнет орать что-нибудь про террористов, Дэйзи заплачет и примется теребить бинты на своих запястьях, а Энди, наверное, пошлет меня лесом. Идиот-психотерапевт будет молча сидеть, кивая, как китайский болванчик, и никого не одергивая, а потом отошлет нас на завтрак принять утренние «пилюли».

– Правда замечательные новости? – спросила мама.

– Правда, – согласилась я.

Что еще я могла ответить? *Слава богу? Я же вам говорила? Почему?* Тогда это все казалось неподходящим. Поэтому я ограничилась простым «правда» и добавила:

– Спасибо.

Прозвучало ужасно глупо.

– К нам пришел свидетель, – объяснил детектив, отпивая кофе из чашки. – Точнее, свидетельница. Она потребовала встречи со мной и окружным прокурором. Ее показания подробны и убедительны. Тебе не предъявят обвинения.

Я была точно в дурмане. Хотелось проснуться, потому что от облегчения закружилась голова и стало слишком хорошо. А значит, станет очень плохо, когда я проснусь и мне по-прежнему будет грозить тюрьма.

– Стейси? – прохрипела я, потрясенная тем, что она выгораживает меня, хотя не доверяет и больше не хочет быть мне подругой.

Детектив покачал головой.

– Блондинка. Высокая. Одиннадцатиклассница. Она все повторяла: «Валери ни в кого не стреляла».

Никто из моих подруг не подходил под это описание.

– Итак, расскажи мне что-нибудь о Валери, – попросил доктор Хилер в нашу следующую встречу. Он сидел, откинувшись на спинку кресла и перекинув ногу через подлокотник.

Я передернула плечами. Как бы меня ни раздражали вечное присутствие мамы и ее встревоженные взгляды, я пожалела о том, что она не осталась с нами на этом сеансе.

– О том, почему я говорила о самоубийстве и так сильно ненавидела людей?

Доктор Хилер покачал головой.

– Нет, расскажи мне о себе. Что ты любишь? Что умеешь? Что для тебя важно?

Я окаменела. Для меня давно уже не было ничего важнее произошедшей в школе стрельбы. И не знаю, будет ли когда-то в будущем.

– Ну хорошо, давай начну я, – улыбнулся доктор Хилер. – Я ненавижу приготовленный в микроволновке попкорн. Я чуть не стал адвокатом. И я могу сделать сальто-мортале назад. А ты? Расскажи мне о себе, Валери. Какая музыка тебе нравится? Какое мороженое ты любишь?

– Ванильное. – Я пожевала губу. – Мне нравится воздушный шар, – указала на потолок, под которым висел деревянный воздушный шар. – Он такой красочный.

Доктор Хилер проследил за моим взглядом.

– Да, мне он тоже нравится. Отчасти из-за того что он замечательно смотрится, отчасти из-за парадокса. Он весит тонну. В этом кабинете все может летать. Что бы ни тянуло его вниз. Даже деревянные шары. Здорово, правда?

– Ого! – поразила я, рассматривая воздушный шар. – Мне бы такое и в голову не пришло.

– Мне тоже, – ухмыльнулся доктор Хилер. – Это придумка моей жены. А я ей пользуюсь вовсю.

Я улыбнулась. С ним было так спокойно и хорошо. Хотелось всем поделиться.

– Мои родители ненавидят друг друга, – вырвалось у меня. – Это сойдет за важное?

– Только если ты сама считаешь это важным, – ответил доктор Хилер. – Что еще?

– У меня есть младший брат. Он классный. Хорошо относится ко мне. Мы не ссоримся, как некоторые братья и сестры. Я немного волнуюсь за него.

– Почему ты волнуешься за него?

– Потому что у него такая сестра. Потому что в следующем году ему придется учиться в «Гарвине». Потому что ему нравился Ник. Эм... Смена темы.

– Ванильное мороженое, несчастные родители, классный брат. Ясно. Что еще?

– Я люблю рисовать. Ну, мне нравится живопись.

– О! – воскликнул доктор Хилер. – Уже кое-что! Что ты любишь рисовать?

– Не знаю. Я давно ничего не рисовала. С детства. Не понимаю, с чего ляпнула это.

– Ничего страшного. Значит, теперь у нас есть ванильное мороженое, несчастные родители, классный брат и любовь к рисованию, но это под вопросом. Что еще?

А все не так просто, как мне казалось. Пошевелив мозгами, я выдала:

– Я не смогу сделать сальто назад.

– Ну и ладно, – улыбнулся доктор Хилер. – Я тоже не могу его сделать. Я тебя обманул. Но ведь было бы здорово научиться?

– Наверное, – рассмеялась я. – Но сейчас я даже нормально ходить не могу, – показала я на ногу.

Он кивнул.

– Не волнуйся. Не успеешь оглянуться, как снова забегает. Может, и сальто научишься делать. Кто знает.

– С меня сняли обвинение, – сказала я. – Ну, в стрельбе.

– Знаю. Поздравляю тебя.

– Можно задать вам вопрос?

– Конечно.

– Когда вы разговариваете с мамой... на ваших сеансах... она обвиняет во всем меня?

– Нет.

– Она говорит о том, как сильно ненавидела Ника и сколько раз убеждала меня с ним порвать? Говорит, что я заслужила эту пулю?

Доктор Хилер покачал головой.

– Твоя мама никогда не говорила ничего подобного. Она беспокоится. Печалится. Обвиняет себя. Она считает, что должна была лучше присматривать за тобой.

– Наверное, она хочет, чтобы вы пожалели ее и возненавидели меня так же, как все остальные.

– Она не ненавидит тебя, Валери.

– Возможно. Но Стейси меня ненавидит.

– Стейси? Подруга? – спросил доктор Хилер небрежно, однако у меня уже сложилось ощущение, что он никогда не задает вопросы просто так.

– Да. Мы с детства дружили. Она приходила ко мне вчера вечером.

– Замечательно! – Доктор Хилер внимательно посмотрел на меня и задумчиво провел пальцем по нижней губе. – Не похоже, что тебя это обрадовало.

Я пожала плечами.

– Хорошо, конечно, что она зашла. Просто... не знаю.

Доктор Хилер молча ожидал продолжения.

Снова пожав плечами, я объяснила:

– Я попросила брата сказать ей, что сплю.

Он кивнул.

– Почему?

– Не знаю. Просто... – Я поерзала. – Стейси так и не спросила у меня, причастна ли я на самом деле к стрельбе. Она ведь должна быть на моей стороне? Но нет. Она приняла другую. И она считает, что я должна извиниться. Не перед ней. Перед всеми. Публично или еще как. Зайти к каждому и попросить прощения за произошедшее.

– А что об этом думаешь ты?

На этот раз замолчала я.

При мысли о том, чтобы встретиться лицом к лицу со всеми этими людьми – скорбящими и требующими справедливости каждый раз как я включаю телевизор, открываю газету или вижу обложку журнала, – меня начинало мутить. Поэтому я старалась об этом не думать.

– Я ведь попросила Фрэнки спровадить ее, – тихо напомнила я.

– Да, но ты не хотела, чтобы она уходила, – отозвался доктор Хилер.

Наши взгляды встретились, а затем он вдруг встал, поднял руки над головой и выгнулся назад.

– Я слышал, все зависит от ног, – сказал он и согнул колени, словно готовясь к прыжку.

– Что зависит от ног?

– Хорошее сальто.

15

Мы с Фрэнки сидели за кухонным столом. Он, как обычно, ел хлопья, а я банан, и тут я заметила у локтя брата свернутую газету. Лишь заметив ее, я поняла, что впервые по возвращении из больницы вижу в нашем доме газету.

– Дай посмотреть, – показала я на нее.

Фрэнки глянул на газету, побледнел и замотал головой.

– Мама запретила давать тебе газеты.

– Что?

Брат проглотил ложку хлопьев.

– Она сказала, что нам не следует давать тебе читать газеты и смотреть телевизор. И чтобы я вешал трубку, если звонят репортеры. Но они уже не

звонят так часто, как раньше – когда ты лежала в больнице.

– Мама не хочет, чтобы я читала газеты?

– Она боится, тебя расстроит то, что в них пишут.

– Но это нелепо.

– Наверное, она нечаянно оставила ее здесь. Сейчас выкину.

Брат взял газету и поднялся. Я тоже вскочила.

– Не выкинешь. Дай ее сюда, Фрэнки, – потребовала я. – Я не шучу.

Мама не знает, о чем говорит. Я смотрела телевизор в больнице, когда она уходила. Я все видела. Не говоря уже о том, что я присутствовала при стрельбе. Забыл?

Брат замешкался.

– Со мной все в порядке, Фрэнки, правда, – тихо сказала я, глядя ему в глаза. – Я не расстроюсь, обещаю.

Он нерешительно протянул мне газету.

– Хорошо. Но если мама спросит...

– Да, да, скажу ей, что ты разыгрывал из себя бойскаута. Не волнуйся.

Фрэнки взял со стола свою миску и поставил ее в раковину. Я снова села за стол и прочитала статью на первой полосе.

«АДМИНИСТРАЦИЯ ШКОЛЫ ОТМЕЧАЕТ

ВСЕОБЩЕЕ ЕДИНЕНИЕ УЧЕНИКОВ

ПОСЛЕ ТРАГИЧЕСКОГО РАССТРЕЛА»

репортер Анджела Дэш

Ученики школы «Гарвин», вернувшиеся к занятиям на прошлой неделе, пересмотрели свои взгляды на жизнь и изменили отношение друг к другу, отмечает директор Джек Энгерсон.

– В этой трагедии можно найти лишь один относительно положительный момент, – сказал он. – Похоже, школьники стали лучше понимать друг друга и старую поговорку: «Живи и дай жить другим».

По словам Энгерсона, теперь нередко можно увидеть сидящих за одним столом бывших врагов, чья давняя неприязнь поутихла.

– В школе сейчас намного спокойнее, чем раньше, – добавил директор. – Психологу даже не поступают пустяковые жалобы, которых раньше было вдоволь.

Также осталось в прошлом плохое поведение на уроках. Энгерсон полагает, что в ближайшем будущем учителям меньше придется сталкиваться с предосудительным поведением подростков.

– Думаю, ребята начали осознавать, что мы все здесь – друзья. Что

резкие высказывания, нетерпимость и неприязнь, столь распространенные в подростковой среде, не приводят ни к чему хорошему. К сожалению, понимание этого далось тяжело. Но они выучили урок и изменились. Поэтому я считаю, что благодаря их поколению мир станет лучше.

Ученикам разрешили вернуться в здание школы для завершения учебного года, хотя Энгерсон признает, что образовательная программа отошла на второй план, уступив место так называемому преодолению негативных последствий. Администрация наняла команду высококвалифицированных психологов, которые помогут ученикам примириться с тем, что случилось второго мая. Директор также сообщает, что учеников не принуждали к возвращению в школу. Никакие экзамены проводиться не будут. Учителя работают с учениками в индивидуальном порядке, предоставляя каждому школьнику возможность набрать нужные баллы.

– Некоторые учителя проводят групповые занятия по вечерам у себя дома. Другие занимаются с учениками в библиотеке. Часть детей обучается дистанционно. Но многие вернулись в школу, – говорит Энгерсон. – У них силен «школьный дух», и они хотят поддержать «Гарвин». Хотят показать, что их не испугать. Сказать по правде, мы возобновили занятия в основном по просьбе самих учеников.

Энгерсон гордится тем, что ученики «Гарвина» так преданны своей школе, и предрекает: в будущем они займут в обществе лидирующие позиции.

– Я безмерно горд тем, что они стали первыми вестниками перемен, которые однажды обязательно наступят, – добавляет Энгерсон. – Если на земле когда-нибудь и воцарится мир, то благодаря этим ребятам.

В тот же день я тайком пронесла газету в кабинет доктора Хилера. И бросила ее на кофейный столик между нами, как только он прикрыл дверь.

– Это делает его героем? – спросила я.

Доктор Хилер опустил в кресло, скользнув взглядом по статье.

– Кого?

– Ника. Если выжившие окрепли духом и в школе теперь мир и покой, как говорится в газете, то Ника можно считать героем? Джоном Ленноном нашего века? Проповедником мира со стволем?

– Я понимаю, что тебе было бы легче считать его героем. Но, Валери, он убил много детей. Мало кто увидит в нем героя.

– Но это так несправедливо! Школа живет своей жизнью, наконец прекратились издевательства, все друг друга поняли и приняли, а Ника

больше нет. Знаю, он сам в этом виноват, но все же. Почему они раньше не прозрели? Почему понадобилось совершить такое? Это просто несправедливо.

– Жизнь вообще штука несправедливая.

– Ненавижу, когда вы так говорите.

– Как и мои дети.

Я сникла и уставилась на статью, слова перед глазами сливались в одно сплошное пятно.

– Вы, наверное, считаете меня идиоткой из-за того, что я вроде как горжусь им.

– Нет. Но я не думаю, что ты на самом деле гордишься им. Я думаю, ты злишься. Ты жалеешь, что изменения не произошли в школе раньше, потому что тогда бы, может, ничего не случилось. И еще я думаю, что на самом деле ты не веришь в написанное.

И в первый, но уж точно не в последний раз я рассказала обо всем доктору Хилеру. Обо всем. Начиная с разговоров о Гамлете на незаправленной постели Ника до желания отомстить Кристи Брутер за сломанный плеер и пожирающего меня чувства вины. Рассказала то, чего не смогла сказать полицейскому. Не смогла сказать Стейси. И маме.

Может, дело было в том, как доктор Хилер смотрел на меня. Мне казалось, что он – единственный в мире человек, способный понять, как все вышло из-под контроля. Может, я просто была готова. Может, на меня так подействовала газетная статья. Может, мой разум решил избавиться от гнетущих мыслей и чувств прежде, чем я совершу что-нибудь непоправимое.

Я, словно вулкан, извергала из себя поток вопросов, сожалений и злости, а доктор Хилер стойко выдерживал его натиск. Он печально кивал. Его взгляд был внимателен, голос ровен и тих.

– Думаете, я бы сделала это? – расплакалась я в определенный момент. – Будь у меня пистолет, я бы выстрелила в Кристи? Когда Ник сказал: «Давай с этим покончим», я решила, что он... ну, не знаю... пристыдит ее или побьет. И я была рада. Чувствовала облегчение. Я хотела, чтобы он вправил ей мозги.

– Но это же естественно, тебе так не кажется? Ты была рада заступничеству Ника, но это не означает, что ты бы взяла пистолет и пристрелила ее.

– Я разозлилась. Боже, да я просто взбесилась. Она сломала мой плеер, и я страшно злилась.

– Что, опять же, совершенно естественно. Злость не делает тебя

виноватой.

– Я так радовалась тому, что он заступится за меня, понимаете?

Доктор Хилер кивнул.

– Думала, он порвет со мной, поэтому ужасно обрадовалась его желанию вступить за меня. Я успокоилась и решила, что у нас все будет хорошо. Я и думать не думала о Списке ненависти.

Он опять кивнул, чуть сузив глаза, так как я все больше распалялась.

– Валери, ты не стреляла в нее. В нее стрелял Ник. Не ты.

Его слова обволокли меня, точно мягкое покрывало.

Я откинулась на диванные подушки и отпила кока-колы. Раздался тихий стук в дверь, и в кабинет заглянула секретарша доктора Хилера.

– Пришел пациент, которому назначено на три, – сказала она.

– Передай, что ему придется немного подождать, – ответил доктор Хилер, не сводя с меня глаз.

Кивнув, секретарша исчезла за дверью. После ее ухода я почти кожей ощутила повисшее в кабинете молчание. Стояла такая тишина, что были слышны голоса в коридоре и стук двери в вестибюле.

Мне не верилось, что я выболтала все доктору Хилеру. Было очень стыдно. Хотелось выскользнуть из кабинета, никогда больше сюда не возвращаться, спрятаться в своей спальне и мечтать о том, чтобы лошади на обоях ожили и унесли меня куда-нибудь, где я не буду такой беззащитной и уязвимой.

Однако с некоторой долей ужаса я осознавала еще и то, что не закончила говорить. Было еще кое-что. Темные, жуткие мысли, в которых нужно было разобраться. Мысли, преследующие меня ночами и не отпускающие днем. Они мучили меня, точно зуд, который невозможно унять.

– Что если тогда я не воспринимала это всерьез, а сейчас все изменилось? – спросила я.

– Не воспринимала всерьез что?

– Список ненависти. Может, я думала, что не желаю этим людям смерти, но подсознательно – желала. Может, Ник это понял. Может, он знал обо мне что-то такое, чего я сама о себе не знала? Может, все это видели, потому и ненавидели меня? Может, я притворщица. Я все это начала своим дурацким Списком, а Нику позволила сделать за себя грязную работу. Так может, мне теперь тоже отнестись к Списку серьезно? Может, всем от этого станет лучше?

– Сомневаюсь, что всем станет лучше от новых убийств. И прежде всего – тебе самой.

– Но они ждут этого от меня.

– И что? Тебе не все равно, чего они ждут? Важно то, чего ты сама от себя ждешь.

– В том-то и дело! Я не знаю, чего ждать от себя! Все мои ожидания пошли коту под хвост. Люди расстроены тем, что я не умерла. Родители Кристи Брутер наверняка считают, что я должна была убить себя, как это сделал Ник. И жалеют, что Ник плохо целился, стреляя в меня.

– Они – родители, и им больно. Но очень сомнительно, что они желают тебе смерти.

– Но может, я желаю смерти *ей*. Может, в душе я всегда желала ей смерти.

– Вал... – произнес доктор Хилер, и его заминка сказала мне: «Если ты не перестанешь говорить подобные вещи, мне придется отправить тебя в психиатрическое отделение к доктору Дентли».

Я покусала губу. По щеке скатилась слеза, и заныло сердце: далеко не впервые я почувствовала, как сильно мне не хватает Ника и его объятий.

– Наверное, я ужасный человек. Даже сейчас иногда жалею, что Ник не в тюрьме и я его больше никогда не увижу, – призналась я.

Снова вспомнилось, как Ник прижимал меня к полу своей спальни, удерживая за запястья, и говорил, что мы тоже должны выигрывать. Как он наклонился меня поцеловать.

Я сидела на диване, чувствуя себя чудовищно одинокой. Ощущая пробирающий до дрожи холод. Осознавая: весь ужас в том, что после содеянного Ником я все еще по нему скучаю. «Иногда мы тоже должны выигрывать», – сказал он мне. Мысленно услышав эти слова, я заплакала – горько, навзрыд.

Доктор Хилер пересел ко мне на диван и успокаивающе положил ладонь на спину.

– Мне так плохо без него, – рыдала я, забирая салфетку из руки доктора Хилера. – Так плохо.

«ГАРВИН-КАУНТИ САН-ТРИБЮН»

3 мая 2008 года репортер Анджела Дэш

Шестнадцатилетний Макс Хиллс умер на месте преступления.

– Я думала, они друзья, – сообщила одна из учениц, пораженная решением Левила застрелить Хиллса. – Но Ник совершенно точно собирался его убить. Он наклонялся и заглядывал под столы, чтобы знать, в кого стреляет.

Друзья описывают Хиллса как тихого паренька, преуспевавшего в математике и естественных науках, но почти не уделявшего внимания кружкам и секциям. Его множество раз видели с Ником – в стенах школы и вне её. Те, что считали их друзьями, задаются вопросом: почему Ник выбрал Хиллса своей целью?

– Может, он принял его за кого-то другого? – предположила двенадцатиклассница Эрика Фромман. – А может, ему было плевать, друзья они или нет.

Последнее предположение наводит на мысль, что, возможно, жертвы выбирались беспорядочно, а не целенаправленно, как первоначально подозревала полиция.

Однако мама Хиллса Алайна не считает Макса случайной жертвой.

– Прошлым летом он не одолжил Нику свой пикап, – сказала она репортерам. – А на следующий день, когда Макс ушел на работу и оставил машину на стоянке, кто-то разбил на ней фары. Макс не мог доказать, что это дело рук Ника, но они оба знали, кто виновник. С тех пор они были в ссоре. Даже не говорили друг с другом. Макс очень разозлился тогда из-за фар. Он сам оплачивал бензин и поломки.

* * *

В конце второго учебного дня я сильно сомневалась в том, что смогу продолжать учиться в этой школе. К черту перевод в конце семестра. Я

столько не протяну.

Джинни Бейкер так и не вернулась на математику – во всяком случае я с ней на уроках больше не сталкивалась. Миссис Теннайл так и не смотрела мне в глаза. Мы со Стейси так и не обедали вместе. Остальные же не замечали моего существования. С одной стороны, это было хорошо. С другой – тяжело. Непросто быть изгоем без единого друга-изгоя.

Я радовалась возвращению домой даже несмотря на то, что мама крутилась вокруг, изводя меня вопросами о домашней работе, учителях и – моя излюбленная тема – друзьях. Она все еще верила, что они у меня остались. Также она верила статейкам, в которых писали, что в школе мы держимся за ручки и говорим о мире, любви и принятии друг друга. Тем самым статейкам, в которых заявляли, что у детей «психика невероятно подвижна, особенно когда речь идет о прощении». Мне вот интересно, репортерша Анжела Дэш на полном серьезе это писала? Вся ее писанина смешна.

Вернувшись домой, я, как обычно, взяла перекусить и поднялась к себе. Скинула обувь, включила магнитофон и уселась на постели потурецки.

Я полезла в рюкзак, собираясь сделать домашку по биологии, но рука сама собой потянулась к черному блокноту. Я вытащила его и открыла. За день я нарисовала вереницу учеников, у которых большую часть лица занимали рты в виде зияющих дыр. Учителя испанского языка сеньора Руиса, смотрящего в сторону переполненной школьниками лестницы, с пустым овалом вместо лица. И – мой любимый набросок – мистера Энгерсона, восседающего, точно на насесте, поверх миниатюрной копии нашей школы с лицом, удивительно схожим с мордочкой цыпленка Цыпы^[10]. Моя версия «новой и улучшенной жизни» в «Гарвине». Видение действительности такой, какая она есть, о чем просил доктор Хилер.

Я потеряла счет времени, тщательно прорисовывая Стейси и Дьюса, сидящих с кирпичными спинами за обеденным столом. И когда меня прервал стук в дверь, с удивлением обнаружила, что солнце клонится к закату.

– Не сейчас, Фрэнки, – крикнула я.

Мне нужно было время, чтобы подумать и остыть. Хотелось закончить рисунок и перейти к домашке по биологии.

Стук в дверь повторился.

– Я занята!

Несколько секунд спустя дверная ручка повернулась и дверь приоткрылась. Я чертыхнулась про себя. Опять забыла запереться.

– Я сказала... – начала я и замолчала.

В комнату заглянула Джессика Кэмпбелл.

– Прости, – извинилась она. – Я могу прийти позже. Просто я звонила тебе несколько раз, но твоя мама отвечала, что трубку ты не возьмешь.

А, мама все еще отслеживает мои звонки.

– Поэтому она сказала тебе прийти? – недоверчиво спросила я.

Мама знала, кто такая Джессика Кэмпбелл. Да все вокруг знали, кто она такая. Приглашать ее в дом было... по меньшей мере рискованно.

– Нет, это моя идея. – Джессика вошла в комнату и закрыла за собой дверь. Приблизилась к постели и встала у изножья. – Вообще-то твоя мама предупредила, что ты не захочешь меня видеть, но я уговорила ее меня впустить. По-моему, я ей не нравлюсь.

Я фыркнула.

– Да она бы описалась от радости, если бы ее дочерью была ты. Не ты ей не нравишься, а я. Но это не новость. – Только сболтнув это, я осознала, насколько странно говорить подобное человеку, который практически не знает тебя. – Зачем пришла? – сменила я тему. – Тебе я тоже не нравлюсь.

Джессика отчаянно покраснела, и на секунду мне показалось, что она заплачет. И снова я поразились тому, насколько Джессика не походит на саму себя. Она больше не излучала уверенности и превосходства. Их сменила несвойственная ей уязвимость и незащитность. Она дернула головой, привычно отбрасывая волосы назад, и села на постель.

– Я сижу со Стейси на четвертом уроке, – сказала она.

– И? – передернула я плечами.

– Иногда мы говорим о тебе.

У меня вспыхнули щеки. В бедре запульсировало, как всегда бывает, когда я начинаю нервничать. Доктор Хилер сказал, что проблема не в ноге, а в моей голове. Правда, не такими словами. Он, конечно же, сказал это мягче, но я почему-то запомнила так. Что проблема в моей голове. Я опустила ладонь на впадину в бедре и нажала на нее через джинсы.

Вот, значит, как теперь будет? Хотя я снова хожу в школу, как все, теперь они придумали новый способ внушить мне, что я ни в коем случае не как все. Они больше не будут поджидать меня у шкафчика или за обеденным столом, всем видом выказывая, как сильно меня ненавидят. Они теперь будут заявляться прямо ко мне домой. Это что, мое наказание?

– То есть ты пришла ко мне домой сказать, что сплетничаешь обо мне с моей бывшей подругой?

– Нет.

«Совсем спятила?» – говорило выражение лица Джессики. С похожим

видом она раньше говорила мне какую-нибудь гадость. Я внутренне приготовилась к издевкам, но вместо этого Джессика вздохнула и опустила взгляд на свои руки.

– Нет, – повторила она. – Мы со Стейси говорим о том, как тебя подставил Ник.

– Подставил?

Джессика пальцем убрала упавшие на лоб пряди за ухо.

– Да. Ну, ты же не была виновата. Он втянул тебя в это. А поняв, что ты не виновата, они все замолчали.

– Они – это кто?

– Сама знаешь кто. Средства массовой информации. Они яро твердили о твоей вине, о том, что полиция докопается до сути, однако стоило полиции признать тебя невиновной, и они тут же затихли. Это нечестно.

Ладонь на бедре расслабилась, пальцы снова сжали карандаш. Происходящее не укладывалось в голове. Джессика Кэмпбелл защищала меня, сидя в моей спальне. Я боялась в это поверить.

Она посмотрела на лежавший на моих коленях блокнот.

– Все болтают о том, что ты начала вести новый Список. Это правда?

Я тоже глянула на него.

– Нет! – Порывисто закрыла блокнот и сунула под бедро. – Я просто работаю кое над чем. Рисую.

– О, – отозвалась Джессика, – Энгерсон ничего тебе по этому поводу не сказал?

– А должен был?

Мы обе знали ответ на этот вопрос и обе промолчали.

В наступившей тишине Джессика окинула взглядом комнату: кучу сваленной на полу одежды, грязную посуду на тумбочке, выпавшую вчера вечером из джинсов фотографию Ника, которую я так и не подняла. Мне показалось или ее взгляд задержался на снимке?

– Мне нравится твоя комната, – сказала она.

Нравится тут ничего не могло, поэтому я промолчала, и Джессика, наверное, была мне благодарна за это.

– Мне нужно делать домашнюю работу, – намекнула я.

– Конечно, – сразу поднялась она и вновь качнула головой, откинув назад светлые волосы.

Этот ее жест, по-моему, тоже как-то раз оказался в Списке. Я поскорее отогнала эту мысль.

– Слушай, я вот почему пришла... Ученический совет готовит памятный проект. На выпускной. Не хочешь принять участие?

Я прикусила нижнюю губу. Мне предлагают участвовать в проекте, над которым работает ученический совет? Тут явно какая-то подстава.

– Я подумаю над этим, – пожала я плечами.

– Здорово. В четверг мы собираемся в кабинете миссис Стоун. Ну, знаешь, будем обмениваться идеями.

– Ты уверена, что мне там будут рады? Разве членов совета не выбирают голосованием?

Теперь уже она пожала плечами. Глядя при этом в окно. Значит, рады мне там точно не будут.

– Я хочу, чтобы ты участвовала в этом проекте, – сказала она, как будто только это и имело значение.

Я кивнула, ничего не ответив.

Джессика задумчиво застыла посреди моей комнаты. Она словно не могла решить, уходить ей или остаться. Словно не понимала, как вообще здесь оказалась.

– Все обсуждают, насколько ты была замешана в этом. В стрельбе, – очень тихо произнесла она. – Ты знала о планах Ника?

Тяжело сглотнув, я устремила взгляд в окно.

– Я не знала, что он был настроен серьезно. Звучит неубедительно, но так и есть. Ник не был плохим.

Обдумав мой ответ, Джессика кивнула.

– Ты намеренно меня спасла? – спросила она, тоже глядя в окно.

– Вряд ли, – ответила я и тут же передумала. – Нет, я уверена, что спасла тебя не намеренно.

Джессика снова кивнула. Наверное, такого ответа она и ожидала.

Она ушла так же тихо, как и пришла.

Позже я пересказывала наш странный разговор доктору Хилеру, сидя у него в кабинете с балансирующей банкой кока-колы на колене.

– Так чудно было сидеть вместе с Джессикой на моей постели. В ее присутствии я чувствовала себя... обнаженной. Везде, куда бы она ни бросила взгляд, лежали мои личные вещи. Это нервировало меня.

Доктор Хилер с улыбкой почесал ухо.

– Хорошо.

– Хорошо, что это нервировало меня?

– Хорошо, что ты это выдержала.

Другими словами, хорошо, что я не выпроводила ее.

Она ушла сама. А после ее ухода я включила музыку и вытянулась на постели. Повернулась на бок и уставилась на своих излюбленных лошадей. Казалось, одна из них пошевелилась. И чем дольше я на нее смотрела, тем

больше мне чудилось, что она хочет пуститься вскачь.

«ГАРВИН-КАУНТИ САН-ТРИБЮН»

3 мая 2008 года репортер Анджела Дэш

Пятнадцатилетняя десятиклассница Кэти Ренфро стала жертвой Ника Левила, хотя во время стрельбы ее не было в столовой.

– Кэти шла по коридору мимо столовой, возвращаясь из моего кабинета, – сообщила репортерам школьный психолог Адриана Тейт. – Думаю, она даже не знала Ника Левила, – добавила она.

Ренфро получила не опасное для жизни ранение. Ей в руку попала шальная пуля, от ricochetившая от шкафчика, стоящего вблизи столовой.

– Я почти не почувствовала боли, – поделилась с нами Ренфро. – По ощущениям было похоже на укус. Я поняла, что ранена, только когда вышла из школы и пожарный указал на мою окровавленную руку. Тогда я перепугалась. Но знаете, мне кажется, я так сильно запаниковала потому, что паниковали все остальные.

Родители Ренфро решили забрать Кэти из государственной школы.

– Тут даже задумываться не пришлось, – сказал Вик Ренфро. – Нас всегда немного беспокоило то, что Кэти ходит в государственную школу. Случившееся стало последней каплей.

– В общественной школе никогда не знаешь, с кем учится твой ребенок, – мрачно добавила мама Кэти Кимбер Ренфро. – В такие школы принимают всех. Даже неблагополучных детей. А мы не хотим, чтобы наша дочь общалась с трудными подростками.

** * **

– Она придает этому слишком большое значение! – распалялась я, меряя шагами кабинет доктора Хилера, чего обычно никогда не делала. Ничего удивительного – обычно на наших с ним сеансах за мной не следила ястребиным взглядом мама. Она теперь глаз с меня не спускает. Вместо того чтобы с каждым днем доверять мне все больше, мама умудряется доверять мне все меньше. Она словно боится, что если хоть на миг потеряет меня из виду, я вляпаюсь в очередную стрельбу.

– Разве меня можно в этом винить? – Мама всхлипнула и уткнулась в скомканную салфетку, которую вытащила из кармана. – Мне и так трудно поверить в то, что теперь она хочет общаться со всеми этими ребятами, а они – с ней. А теперь еще этот памятный проект? Он, несомненно, не пойдет ей на пользу. Ей нельзя заикливаться на случившемся. Ей нужно жить дальше, я ведь права?

– В последний раз тебе повторяю, мам: я не хочу с ними общаться. Я работаю над проектом. И все. Над школьным проектом. Мне казалось, ты ждешь не дожدهшься, когда я вольюсь в школьную жизнь. Вот я и вливаюсь.

Мама покачала головой.

– Пару дней назад она не хотела возвращаться в школу. А теперь хочет работать над школьным проектом с теми самыми детьми, которых занесла в Список, – обратилась она к доктору Хилеру. – Это как-то подозрительно. Отдает фальшью.

– Мама не разговаривала с Джессикой, – повернулась я к доктору Хилеру. – Я с ней говорила. Джессика совершенно серьезно предложила мне работу над проектом. Никакой фальши в этом не было.

Доктор Хилер кивнул, задумчиво потер губу, но ничего не сказал.

Мама покачала головой с таким видом, будто я какая-то дура, раз поверила Джессике Кэмпбелл. Будто я теперь вечно буду душой, так как однажды поверила Нику. Мы с мамой молча уставились друг на друга.

– Ну что? – чересчур громко спросила я, не выдержав. – Почему ты так на меня смотришь? Она не сделает мне ничего плохого. Это никакая не подстава. Неужели так трудно в это поверить? Ты не смотришь телевизор? Не слышишь всех этих историй о том, как стрельба все изменила? Издевательства прекратились. Мне никто не навредит.

– Я беспокоюсь не из-за того, что *они* навредят *тебе*, – хрипло сказала мама. Посмотрела на меня покрасневшими глазами и промокнула нос салфеткой.

Я перевела взгляд с нее на доктора Хилера. Указательный палец замер на его губе. Он молчал и не шевелился.

– Тогда о чем ты беспокоишься? – удивилась я.

– Ты хочешь навредить им? – спросила мама. – Ты займешься с ними совместным проектом, чтобы закончить начатое Ником?

Я обессиленно села и откинулась на спинку дивана. Мама рыдала, умоляла, запрещала, прятала газеты и притащила меня к доктору Хилеру не для того, чтобы защитить меня от других детей. А для того, чтобы защитить их от меня. Она всегда боялась за них. В ее глазах я –

преступница. И никакими уверениями мне этого не изменить.

– Раньше я не обращала на это внимания, – продолжала мама, обращаясь ко мне и доктору Хилеру сразу. – И посмотрите, чем это кончилось. Меня считают плохой матерью, и может, так оно и есть. Мать должна замечать подобные вещи. И не должна быть застигнута врасплох, как произошло со мной. Чем больше я ее отпускаю... тем сильнее боюсь, что на моей совести будет больше смертей.

Она всхлипывала, вытирая нос, и доктор Хилер говорил ей что-то своим тихим понимающим голосом. Но я не слышала его, оцепенев.

Я изменила маму. Изменила ее роль как родителя. Теперь ее задача не так легка и ясна, как в тот день, когда я родилась. Теперь ее работа не в том, чтобы защищать меня от остального мира. Теперь ее работа – защищать весь остальной мир от меня.

И это так несправедливо.

18

«ГАРВИН-КАУНТИ САН-ТРИБЮН»

3 мая 2008 года репортер Анджела Дэш

Шестнадцатилетний Крис Саммерс, по словам свидетелей, погиб как герой.

– Он пытался расчистить путь, – рассказывает шестнадцатилетняя Анна Эллертон. – Помогал ребятам выбраться в коридор. В этом весь Крис. Всегда пытался все устроить и организовать.

Согласно показаниям Эллертон, Саммерса отпихнули назад ученики, отчаянно стремившиеся выбраться из кафетерия. Из-за этого он оказался на пути у Левила.

– Ник засмеялся над ним, спросил: «Ну и кто из нас теперь крутой парень?». А затем выстрелил, – сообщает Эллертон. – Я подумала, что он умер, и убежала. Не знаю, сразу он умер или нет. Знаю только, что он пытался помочь. Он всего лишь пытался помочь.

** * **

Я чуть не повернула обратно. Глянула в длинное узкое окно на входной двери в класс и увидела ребят, устроившихся за выстроенными

неровным кругом партами. Джессика сидела среди них и что-то горячо говорила. Миссис Стоун, педагог-консультант ученического совета, расположилась чуть сбоку от них за своим столом. Она положила ногу на ногу, из-за чего туфля на одной ступне съехала с пятки и болталась на пальцах. Мне вспомнилась увиденная в газете фотография, сделанная сразу после стрельбы, – лежащая на дорожке перед школой туфелька на шпильке, владелица которой то ли слишком боялась вернуться за ней, то ли была ранена, то ли убита.

Неужели всего год назад мы сидели в актовом зале, слушая выступления кандидатов в ученический совет? Неужели всего год назад мы с Ником, сидя со своими одноклассниками в разных концах зала, нашли друг друга взглядами и, наблюдая за поднимающимися на сцену кандидатами, закатывали глаза и жестами показывали то, чего не могли сказать вслух?

– Ты за кого сегодня голосовал? – спросила я его, когда мы встретились вечером.

Обнаженный по пояс, он лежал рядом со мной в палатке, которую мы установили за его домом. С тех пор как потеплело, мы приходили сюда каждый день. Уединившись в палатке, мы читали друг другу и обсуждали важные для нас темы.

Ник включил фонарик и направил луч на потолок. В его свете затанцевал паук, пытавшийся добраться до самого верха палатки. Я тогда подумала: что он будет делать, достигнув цели? А может, вся его жизнь только и заключается в том, чтобы добраться до вершины чего-то?

– Ни за кого, – мрачно ответил Ник. – С чего я должен был за кого-то голосовать? Мне плевать, кто из них выиграет.

– А я вписала Гомера Симпсона^[11], – сказала я, и мы засмеялись. – Надеюсь, Джессика Кэмпбелл не станет президентом.

– Ты же знаешь, что станет, – отозвался Ник.

Он выключил фонарик, и в палатке стало еще темнее, чем раньше. Я ничего не видела, но ощущала исходящее от Ника тепло. Поерзав в своем спальном мешке, я почесала икру одной ноги пальцами другой. Теперь, когда паук пропал из виду, я была уверена, что он ползет по мне, покоряя новую вершину.

– Как думаешь, в двенадцатом классе все будет по-другому? – спросила я.

– Перестанет ли Джессика Кэмпбелл звать тебя Сестрой смерти, а Крис Саммерс вести себя как придурок? Нет.

Мы помолчали, слушая хор лягушек, квакающих у раскинувшегося

слева от палатки пруда.

– Не будет ничего по-другому, если мы сами ничего не изменим, – очень тихо добавил Ник.

У меня слегка закружилась голова, и я прижалась лбом к прохладной кирпичной стене возле двери в кабинет ученического совета. Сейчас успокоюсь немного, сделаю несколько глубоких вдохов и уйду. Мне это не по силам. Я не справлюсь. Погибли люди. Сейчас как раз тот случай, когда «все зашло слишком далеко, чтобы это можно было исправить».

Приоткрылась дверь. Должно быть, кто-то меня увидел.

– Привет. Спасибо, что пришла.

Я покосилась на стоявшую в дверях Джессику. Она жестом пригласила меня зайти. Я последовала за ней на автопилоте.

На меня все уставились. Сказать, что не все смотрели дружелюбно, было бы преуменьшением. Скорее, никто не смотрел на меня по-доброму. Даже Джессика. Ее лицо стало по-деловому бесстрастным, как у человека, сопровождающего заключенного на смертную казнь.

Меган Норрис смотрела на меня из-под полуопущенных век, чуть скривив губы и нетерпеливо подергивая под партой коленями. Я встретила с ней взглядом. Она возвела глаза к потолку, а потом уставилась в окно.

– Хорошо, – сказала Джессика, опустившись на стул.

Я села рядом с ней, судорожно прижимая к груди учебники. Казалось, я вот-вот потеряю сознание. Сделав глубокий вдох, я досчитала до десяти и медленно – и насколько возможно, беззвучно – выдохнула.

– Хорошо, – повторила Джессика и переложила на столе какие-то бумаги. – Я поговорила с мистером Энгерсоном. В наше распоряжение отдадут северо-западный угол внутреннего двора, прямо у дверей в столовую. Мы можем установить там все что хотим при одобрении родительского комитета. Получить его будет несложно.

– Навсегда отдают? – уточнил Микки Рэндольф.

– Да, – кивнула Джессика. – Мы проведем памятную церемонию на выпускном, но можем также воздвигнуть мемориал.

– Поставить статую, например, – предложил Джош.

– Или посадить дерево, – воодушевилась Меган, на мгновение позабыв о том, что своим присутствием я оскверняю ее личное пространство.

– Статуя дорого обойдется, – заметила миссис Стоун. – У нас есть на это деньги?

Джессика снова покопалась в бумажках.

– Родительский комитет обещал выделить на мемориал некоторую

сумму. Да и у нас счет не пуст. И деньги, вырученные с продаж... пончиков...

Повисло неуютное молчание. Пончики не продавали с прошлого года. С того дня как лучшая подруга Джессики Эбби Демпси была убита, продавая их второго мая.

Джессика прочистила горло.

– Эбби хотела бы, чтобы мы взяли вырученные за продажу пончиков деньги на мемориал, – сказала она.

Я почувствовала на себе взгляды, но не подняла глаз, чтобы увидеть кто на меня смотрит. Поерзала на стуле, сделала еще один глубокий вдох, задержала воздух в легких, выдохнула.

– Можно организовать сбор денежных средств, – предложила Рэйчел Манне. – Устроить продажу леденцов и рассылку конфетных открыток.

– Хорошая идея, – похвалила Джессика и быстро записала что-то на листе бумаги. – Еще можно устроить вечеринку с мороженым.

– Отличная идея. Я попрошу мистера Хадспета, чтобы его драмкружок подготовил сценки, – добавила миссис Стоун.

– О да! Может, и хор выступит, – подхватил кто-то.

Предложения посыпались со всех сторон, ребята принялись бурно обсуждать предстоящее событие. Меня, слава богу, никто не трогал. Все на время позабыли о моем существовании.

– Значит, решено, – подытожила Джессика, закрыв блокнот и опустив ручку. – Устроим вечеринку с мороженым и эстрадный вечер. Теперь нужно решить насчет мемориала. У кого какие идеи? – Она скрестила руки.

Все умолкли.

– Капсула времени^[12], – сказала я.

Джессика перевела на меня взгляд.

– Что ты имеешь в виду?

– Мы можем установить мемориальную капсулу. Обозначить это место какой-нибудь табличкой с указанием, чтобы капсулу открыли, к примеру, лет через пятьдесят. Чтобы люди увидели, что в выпускном классе нас должно было быть больше, чем... ну... должно было быть больше.

В комнате воцарилось молчание, все обдумывали мое предложение.

– Можно поставить рядом скамейку, – добавила я. – И выгравировать на ней имена... – я умолкла, не в силах продолжить.

– Жертв, – закончил за меня Джош. Его голос прозвучал резко. – Ты ведь это хотела сказать? Выгравировать имена жертв на скамейке. Или табличке.

– Всех жертв или только тех, кто погиб? – спросила Меган.

Вокруг меня явственно сгустился воздух. Я не смела поднять глаз. Не хотела видеть, на кого все смотрят. Очевидно же, что на меня.

– Всех, – ответил Джош. – По мне, так там обязательно должно быть имя Джинни Бейкер.

– Тогда это уже не будет мемориал в честь погибших, – заметила миссис Стоун, и сразу поднялся гомон.

– Но лицо Джинни...

– ... можно не мемориал установить, а просто монумент...

– ... написать имена всего класса...

– Было бы здорово...

– Это же всех коснулось так или иначе...

– ... мемориал может символизировать не только потерю жизни, но и потерю много чего другого....

– ... не только наш класс пострадал. Погибли девятиклассники...

– ... мы же не можем выгравировать имена всей школы...

– Давайте укажем имена погибших, – сказала Джессика.

– Не всех, – перекрыл общий гвалт громким голосом Джош. – Не всех, – повторил он. – Только не имя Ника Левила. Ни за что.

– По сути, он тоже был жертвой, – едва слышно заметила миссис Стоун. – И если вы хотите указать имена всех жертв, то его имя тоже должно быть среди них.

– Не думаю, что это будет правильным, – замотал головой Джош. У него покраснело лицо.

– Согласна, – вырвалось у меня. – Это будет несправедливо по отношению к остальным.

У меня перехватило горло, когда я осознала, что натворила. Ник был всем для меня. Я не считала его чудовищем даже после всего содеянного им. И не считала себя абсолютно невиновной. И тут вдруг бросаю его на растерзание... ради чего? Ради того, чтобы угодить ученическому совету? Чтобы поладить с людьми, которые всего лишь месяцы назад смеялись, когда Крис позорил Ника, а Кристи Брутер обзывала меня Сестрой смерти? Чтобы выставить себя в хорошем свете перед Джессикой Кэмпбелл, в то время как я даже не знаю, изменилась она или по-прежнему ненавидит меня? А может, я на самом деле поверила в это? В то что мы с Ником не жертвы, а злостные преступники? Или я боюсь признаться в этом самой себе и мой страх обрел голос?

В душе что-то резко и ощутимо сдвинулось. Я словно разделилась на двух разных Валери – одну до и другую после стрельбы. И это не укладывалось в голове.

– Мне пора, – вскочила я. Сидеть тут дальше и принимать чужую сторону, предавая Ника, я больше не могла. – Меня ждет мама.

Схватив учебники, я кинулась к двери. Слава богу, я позвонила ей и попросила приехать за мной в обычное время – на всякий случай, если вдруг струшу и не пойду на встречу ученического совета. Ну хоть раз мамино недоверие сыграет мне на руку и она будет ждать меня у школы, покусывая ногти и беспокойно поглядывая на окна.

Я ни о чем не думала, пока не оказалась в безопасности в маминой машине. Ни на миг не остановилась, пока не плюхнулась на переднее сиденье и не отгородилась закрытой дверцей от школы и ученического совета.

– Поехали, – сказала я маме. – Поехали домой.

– Что случилось? – спросила она. – Что происходит? Что там случилось, Валери?

– Собрание закончилось, – закрыла я глаза. – Едем уже наконец.

– Но почему из школы выбежала та девушка? Господи, Валери, почему она бежит?

Я открыла глаза и посмотрела в окно. К машине неслась Джессика.

– Едем! – закричала я. – Мам, едем!

Мама так газанула, что взвизгнули шины. Мы вылетели с парковки. Джессика в зеркале заднего вида становилась все меньше и меньше. Стоя на тротуаре, где всего лишь мгновение назад находилось мое окно, она тоже смотрела, как мы становимся меньше.

– Боже, Валери, что случилось? Что-нибудь случилось? О боже, пожалуйста, скажи, что ничего не случилось. Я не выдержу, если случится что-нибудь еще.

Я не ответила. И только почувствовав влагу на подбородке и смахнув ее ладонью, поняла, что ответить мне мешают рыдания.

Через несколько минут мы въехали на подъездную дорожку дома. Когда мама остановилась, чтобы поднять гаражную дверь, я выскочила из машины, поднырнула под дверь и бросилась через гараж в дом. Где-то на середине лестницы я услышала мамины крики в кухне:

– Доктора Хилера, будьте добры! Да, это срочно, черт вас побери!

– Каждый раз как я вижу, что он наделал, у меня разрывается сердце, – сказала Шелин Йонг, мама шестнадцатилетней Лин Йонг, когда ее попросили описать ранение дочери. – Я счастлива, что Лин выжила, но пуля нанесла непоправимый вред ее руке. Лин была скрипачкой, выступала на концертах. Теперь она не может играть. У нее с трудом двигаются пальцы.

Йонг была ранена в запястье и получила серьезное повреждение нерва. После четырех операций она все еще плохо владеет безымянным и большим пальцами.

– Меня ранили в правую руку, – говорит Лин, – поэтому мне сложно писать. Я пытаюсь научиться писать левой рукой. Но моя подруга Эбби погибла, так что я не жалею. Он и меня мог убить.

* * *

После собрания ученического совета мама заставила секретаршу доктора Хилера впихнуть нас в его график.

– Твоя мама сказала, что с собрания ты вышла расстроенной, Вал, – сказал доктор Хилер.

Я еще даже сесть на диван не успела. И мне послышались в его голосе нотки раздражения. Может, из-за меня ему придется задержаться на работе, а его жене – поддерживать ужин горячим в духовке. И его детишки будут сидеть у камина, ожидая, когда папа придет и поиграет с ними в ковбоев или индейцев. Именно такой мне всегда представляется личная жизнь доктора Хилера – как из пятидесятых, покиношному идеальной, с терпеливой и любящей семьей и отсутствием личных проблем.

– Да, – кивнула я, – но ничего критичного не произошло.

– Ты уверена? Твоя мама сказала, за тобой кто-то бежал. Что-то случилось?

Я задумалась. Мне сказать ему: «Да, случилось»? Сказать, что я прилюдно предала Ника? Что мне наконец-то вдолбили в голову: Ник – плохой. Сказать ему, что я чувствую себя чертовски виноватой? Что я поддавалась давлению популярных ребят и теперь мне стыдно за это?

– Ой, да я выронила калькулятор и не заметила этого, – по возможности беззаботно ответила я. – Джессика хотела вернуть его мне. Заберу его завтра на первом уроке. Делов-то. Мама просто параноит.

Судя по наклону головы доктора Хилера, он на это не купился.

– Калькулятор?

Я кивнула.

– И плакала ты из-за него. Из-за калькулятора...

Я опустила взгляд, кивнула и закусила подрагивающую губу.

– Должно быть, это очень хороший калькулятор, – протянул доктор Хилер. – Должно быть, это необыкновенный калькулятор.

Не дождавшись от меня ответа, он неспешно продолжал тихим и успокаивающим тоном:

– Уверен, ты сильно сожалеешь о том, что выронила свой калькулятор. Может, даже чувствуешь, что должна была лучше заботиться о нем.

Я подняла взгляд на доктора Хилера. Он сидел с непроницаемым лицом.

– Что-то в этом вроде, – сказала я.

Он кивнул и слегка поерзал.

– То, что ты временами забываешь где-то свой калькулятор, не делает тебя плохим человеком, Валери. И если ты когда-нибудь вовсе его потеряешь и тебе понадобится новый... что ж, хороших калькуляторов полным-полно.

Впившись зубами в губу, я кивнула.

Несколько дней спустя я опоздала в школу и пошла в канцелярию за пропуском на уроки. У копировального аппарата торчала миссис Тейт. Я попыталась незаметно улизнуть, но у нас громогласная секретарь.

– У тебя есть справка от доктора, Валери? – практически закричала она.

Миссис Тейт обернулась, увидела меня и жестом позвала за собой.

Я взяла розовый пропуск и пошла за ней.

Мы вошли в кабинет, и миссис Тейт прикрыла дверь. Похоже, недавно здесь убрали. На полу по-прежнему лежали стопки книг, но их сдвинули в одну кучу. На письменном столе не было обертки от бургера. Шаткий шкафчик для документов заменили на новехонький черный. Миссис Тейт переместила на него все свои фотографии со стола. Теперь поверхность стола не казалась захлавленной, как раньше, хотя все еще была завалена бумагами, брошенными как попало одна поверх другой.

Я опустилась на стул, а миссис Тейт присела на угол стола. Она убрала наманикюренным пальцем завиток, выбившийся из убранных в пучок волос, и улыбнулась мне.

– Как у тебя дела, Валери? – спросила она таким тихим голосом, словно я – хрустальная ваза, способная разбиться от громкого звука.

Лучше бы миссис Тейт говорила нормально, а ее секретарша – потише.

– Вроде нормально. – Я помахала в воздухе розовым пропуском. – Была у врача. Из-за ноги.

Она опустила взгляд.

– Как твоя нога?

– Вроде в порядке.

– Хорошо. Ты ходишь к доктору Хилеру?

– Была у него всего пару дней назад. После собрания ученического совета.

– Это хорошо, хорошо, – многозначительно покивала миссис Тейт. – Я слышала, он замечательный доктор, Валери. В своем деле – один из лучших.

Я кивнула. Если подумать, то уверенность и чувство безопасности в меня почти всегда так или иначе вселял доктор Хилер.

Миссис Тейт встала, обошла стол и опустилась в свое кресло, скрипнувшее под ее весом.

– Послушай, я хотела поговорить с тобой об обеде, – сказала она.

Я вздохнула. Перерыв на обед – мое нелюбимое время дня. Столовая навевает неприятные мысли, плюс мы со Стейси постоянно сталкиваемся у столика со специями, после чего она идет к моим бывшим друзьям, делая вид, что не знает меня, а я выхожу в коридор, делая вид, что больше всего на свете хочу поесть в одиночестве на полу возле мужского туалета.

– Я каждый день вижу тебя в коридоре, – продолжила миссис Тейт, словно прочитав мои мысли. – Почему ты не ешь в столовой? – Она наклонилась вперед, уперев локти в стол и сложив перед собой ладони, словно в молитве. – Джессика Кэмпбелл сказала, что приглашала тебя за свой стол, но ты отказалась присоединиться. Это правда?

– Да. В самом начале. Уверяю вас, ничего личного. Просто была занята... готовила проект по рисованию. – Я невольно погладила пальцами обложку своего черного блокнота.

– У тебя нет урока рисования.

– Это мой личный проект. Я беру уроки рисования в культурном центре, – солгала я. Миссис Тейт узнает, что я соврала, но мне наплевать. – Слушайте, я ничего не имею против Джессики. Дело не в ней. Просто я предпочитаю одиночество. К тому же я очень сомневаюсь, что друзья Джессики захотят видеть меня рядом с собой. За ее столом сидит Джинни Бейкер. Она даже смотреть на меня не может.

– Джинни Бейкер временно освобождена от занятий. По ее собственной просьбе.

Я понятия об этом не имела. У меня вспыхнули щеки. Я открыла и

закрыла рот.

– Твоей вины в этом нет, Валери, если ты подумала именно об этом. Джинни нужно справиться с тяжелейшей психологической травмой. После случившегося ей сложно было вернуться в школу. Некоторое время она побудет на домашнем обучении. А Джессика, похоже, искренно протягивает тебе руку помощи. Не беги от нее.

– Я и не бегу. Я же пошла на собрание ученического совета. Просто...

Миссис Тейт внимательно глядела на меня, скрестив руки на груди. Я вздохнула.

– Я подумаю об этом. – Черта с два я сяду с ними за обеденный стол!

Взяв учебники, я поднялась. Миссис Тейт с секунду смотрела на меня, потом тоже встала.

– Послушай, Валери, – произнесла она, одергивая пиджак, который казался тесным и неудобным. – Мне не хотелось этого говорить, но есть за пределами столовой без разрешения учителя запрещено. Мистер Энгерсон ввел запрет на уединенную деятельность.

– И что это значит?

– Это значит, что если ты будешь уединяться без разрешения учителя, то тебя будут наказывать, оставляя после уроков.

На мгновение я потеряла дар речи. Хотелось закричать: «Школа что, превратилась в тюрьму? А вы стали надзирателями?». Но миссис Тейт, наверное, ответила бы, что они всегда ими и были.

– Пофиг, – бросила я и направилась к двери.

– Валери, – мягко взяла меня за локоть миссис Тейт. – Дай им шанс. Джессика правда хочет все сделать как следует.

– Сделать как следует что? Я теперь что-то вроде классного проекта? Ей прикольно возиться со мной? Почему они не оставят меня в покое? Раньше у них проблем с этим не было.

Миссис Тейт, улыбнувшись, пожала плечами.

– Думаю, она хочет подружиться с тобой.

«Но почему? – хотелось мне закричать. – Почему вдруг Джессика Кэмпбелл захотела со мной подружиться? Почему стала такой доброжелательной?».

– Мне не нужны друзья.

Миссис Тейт недоуменно моргнула, нахмурилась и озадаченно поджала губы.

Я вздохнула.

– Я просто хочу спокойно отучиться и закончить школу. Доктор Хилер считает, что сейчас я должна сосредоточиться на этом. На хорошей

успеваемости.

Последние слова были неправдой. Доктор Хилер никогда не давал мне дурацких указаний заморачиваться на чем-то одном. По большей части он старался удержать меня от самоубийства.

Я приняла молчание миссис Тейт за разрешение уйти. Нога ныла после утреннего визита к доктору – ее всячески ощупывали и осматривали. Я вышла из кабинета, сжимая в руке пропуск на уроки и думая лишь о том, как отделаться от сегодняшнего обеда.

20

«ГАРВИН-КАУНТИ САН-ТРИБЮН»

3 мая 2008 года репортер Анджела Дэш

Шестидесятисемилетняя Аманда Кинни, проработавшая двадцать три года в школе «Гарвин» главной уборщицей, была задета шальной пулей в колено, когда прятала детей в ближайшую подсобку.

– Подсобка была уже открыта, так как я меняла в корзинах мусорные мешки, – дала она интервью репортерам у себя дома. Ее перебинтованная нога покоилась на подушках. – Я собрала в ней столько ребят, сколько уместилось, и закрыла дверь. По-моему, он даже не знал, что мы там укрылись. А я не знала о своей ране. Один из ребят сказал, что у меня течет кровь. Я глянула на ногу и увидела окровавленную штанину с прорехой у колена.

Кинни, по-дружески относившаяся к большинству учеников школы, хорошо знала Левила.

– Он жил недалеко от меня, поэтому я знала его с тех самых пор, как он переехал в Гарвин. Я считала его милым парнишкой. Иногда злящимся попусту, но милым. И мама у него очень милая. Наверное, случившееся разрывает ей сердце.

** * **

– Простите за опоздание, – извинилась я, вбежав в кабинет. Плюхнулась на диван и протянула руку за кока-колой, которую доктор Хилер всегда ставит для меня на кофейный столик. – Меня наказали субботним посещением школы. Учитель ушел на какую-то лекцию и

потерял счет времени.

– Ничего страшного, – отозвался доктор Хилер. – Мне все равно нужно было разобраться с кучей бумажной работы.

Однако от меня не укрылось, как он искоса бросил взгляд на часы. Не пропускает ли он игру в детской лиге? Или гимнастический турнир дочки? А может, он пригласил свою жену на обед?

– За что тебя наказали?

– За обед, – закатила я глаза. – Отказывалась есть в столовой, поэтому меня каждый день оставляли после занятий, а в пятницу Энгерсон наказал субботним посещением школы. Но они этим ничего не добьются. Я не хочу есть в столовой.

– Почему?

– С кем мне там есть? Подойди я к любому столику и спроси: «Хей, можно мне сесть здесь?», мне хоть кто-то ответит: «Конечно!»? Меня за свой столик даже бывшие друзья не пускают.

– А та девушка? Из ученического совета?

– Друзья Джессики не друзья мне. И никогда ими не были. Потому мы с Ником и вписали их в Список... – я осеклась, пораженная тем, как запросто упомянула Список ненависти, и тут же переменила тему: – У Энгерсона пунктик насчет единения школьников. Он хочет выставить себя по телеку в хорошем свете. Но это его проблема, а не моя.

– Похоже, это не только его проблема. Проводить выходные в школе – то еще удовольствие.

Он снова кинул быстрый взгляд на часы.

– Да пофиг. Мне все равно.

– Мне кажется, тебе вовсе не все равно, просто ты не хочешь этого признать. Что плохого случится, если ты хотя бы раз попробуешь сесть за столик с той девушкой?

У меня не было ответа на этот вопрос.

Когда я вышла из кабинета доктора Хилера, мамы в коридоре не оказалось. Она приклеила на его дверь стикер, написав, что ей нужно отлучиться по делу и чтобы я подождала ее на стоянке. Я первой заметила записку, сорвала ее и сунула в карман. Если бы ее увидел доктор Хилер, то посчитал бы себя обязанным задержаться, а я и так чувствовала себя виноватой за опоздание.

К тому же я больше не хотела ни о чем говорить.

Выйдя из здания, я с минуту постояла на улице, не зная куда идти. Нужно было где-нибудь укрыться, чтобы не попасться на глаза уходящему с работы доктору Хилеру. Спрятаться за живой изгородью сбоку здания?

Но туда придется бежать, а с моей ногой особенно не побегаешь. Помимо того, там возилась какая-то зверушка – оттуда доносилось шуршание и дважды дернулись ветви кустов.

Я сунула руки в карманы и засеменила через стоянку, подкидывая носками ботинок гравий. Дойдя до тротуара, остановилась и оглянулась. Выбор был невелик – спрятаться за кустами, затеряться в деловом районе через дорогу или быть замеченной доктором Хилером и вернуться на сеанс терапии. Нет уж, спасибо. Я вытащила руки из карманов и подождала у бордюра, когда проедут машины. Может, я найду мамину машину возле «Shop’N’Shop» у торговых рядов на другой стороне дороги? Дождавшись просвета между автомобилями, я, прихрамывая, побежала через дорогу.

На парковке «Shop’N’Shop» маминной машины не оказалось. Я ее дважды осмотрела. На стоянку у здания, где работает доктор Хилер, она тоже еще не вернулась – я видела это издалека.

Мне хотелось пить. Я потопала в магазин и нашла там питьевой фонтанчик. Потом полистала журналы у газетной стойки и прошлась по отделу со сладостями, жалея, что нет денег на шоколадку. Естественно, я заскучала.

Выйдя на улицу, поднялась на цыпочки и вытянула шею, чтобы осмотреть стоянку у здания, где работает мистер Хилер. Не увидела ни машины мамы, ни машины доктора Хилера. Вдохнув, села на тротуар. Спинной я закрыла витрину «Shop’N’Shop», и ко мне вышел менеджер. Он попросил меня пересесть, так как покупателям не нравится видеть околачивающихся у магазина бродяг. Сказал, что это их нервирует.

– Тут тебе не приют для бездомных, – заявил он.

Пришлось искать другое место, где можно посидеть. Отойдя чуть подальше, я обнаружила магазин сотовых телефонов и местечко, куда мама водила меня маленькую стричься. Я понаблюдала в окно за плачущей девочкой – мама держала ей голову, чтобы парикмахерша могла спокойно заниматься ее светлыми кудряшками. В витрину магазина сотовых я тоже немного поглазела. Там все выглядели злыми – не только клиенты, но и сотрудники.

Вскоре я дошла до конца торгового ряда и уже собиралась развернуться и пойти обратно к «Shop’N’Shop», как заметила открытую дверь сбоку здания. Из нее вышла женщина с огромными буферами, в рабочем халате, щедро украшенном стразами. Она тряхнула куском ткани, и во все стороны полетели блески. За облаком этих блесков женщина казалась ожившей феей-крестной из сказки про Золушку. Заметив меня, она улыбнулась.

– У всех бывают отходы, – весело объяснила она и исчезла внутри здания, забрав с собой блестящую ткань.

Каюсь, мне стало очень любопытно. Захотелось узнать, что же это за восхитительно сияющие отходы такие. Отходы обычно выглядят не очень, если не противно, а тут такая красота.

Как только за мной закрылась дверь, я ощутила себя отрезанной от остального мира. Внутри было тесно, темно и пахло как в церкви в пасхальное воскресенье. Ряды и ряды стеллажей до потолка чуть не опрокидывались под тяжестью гипсовых бюстов, керамических чаш, деревянных сундуков, корзин, горшков, необычной формы картонных коробок. Я шла по проходу, ощущая себя лилипутом в стране великанов.

В конце ряда я внезапно вышла на открытый участок комнаты, и у меня перехватило дыхание. Везде стояли мольберты – не меньше десятка, а у восточного окна – покрытый газетами длинный стол. Кругом все было заставлено корзинами и коробками с различными материалами – красками, тканью, лентами, кусками глины, ручками.

Женщина в ярком халате, устроившись на стуле перед мольбертом, накладывала на холсте размашистые пурпурные мазки.

– Мне кажется, рассвет невероятно вдохновляет, – сказала она, не оборачиваясь.

Я промолчала.

– Конечно, в это время дня в продуктовом магазине всех радует яркий солнечный свет, но меня... – женщина выразительно подняла кисть, – меня вдохновляет восход. Закатом они все насладятся вечером. Но интерес у них всегда возбуждает рассвет. Возрождение всегда удивительно.

Я не знала, что на это сказать. И не вполне была уверена, что она говорит со мной. Женщина увлеченно рисовала, по-прежнему сидя ко мне спиной. Может, она говорит сама с собой?

Как бы то ни было, меня пригвоздило к месту. Глаза разбежались. Хотелось все потрогать – провести подушечками пальцев по гипсовым вазам, порыться в коробках, помять в руках глину, – но я боялась даже пошевелиться, как будто стоит мне поддаться порыву, и я навсегда затеряюсь в лабиринте творческих заготовок.

Женщина нанесла несколько пурпурных мазков в углах холста, поднялась и, отступив, полюбовалась работой.

– Идеально! – сказала она, опустила палитру на стул, положила поверх нее кисть и наконец-то повернулась ко мне. – Как тебе?

– Может, многовато пурпура?

Она отвернулась и некоторое время изучала картину.

– Пурпура много не бывает, – тихо ответила она. – Миру нужен пурпур! Много-много пурпура!

– Мне нравится этот цвет, – согласилась я.

– Отлично! – радостно хлопнула в ладони женщина. – Значит, так и оставляем. Чаю? – Она исчезла за стойкой с кассой, и оттуда послышалось позвякивание фарфора. – Ты с чем его пьешь? – донесся ее приглушенный голос.

– Эм... – прошла я вперед. – Я... не могу. Мне нужно возвращаться. За мной мама приедет.

Женщина показала из-за стойки. Упавшую ей на лоб прядь каштановых волос усыпали блески.

– Ох, а я уж обрадовалась, что сегодня у меня будет компания. Это место кажется таким заброшенным, когда уходят ученики. Становится очень тихо. Может, кто и любит тишину, но только не Би. Би – это я. – Она сделала глоток из маленькой чашки с изображением кроликов – чашки из детского сервиза. И отпивая из нее, она оттопыривала мизинец.

– Вы даете здесь уроки? – спросила я.

– О да. – Би вышла из-за стойки и эффектно обвела рукой помещение. – Я даю уроки. Много-много уроков. Обучаю гончарному делу, живописи, макраме. Что ни назови, всему этому я обучаю.

Я сдвинулась влево и сунула палец в подставку с деревянными бусинами.

– У вас любой может учиться?

– Нет.

Она задумчиво уставилась на мой погруженный в бусины палец, и я поспешила выдернуть его. Две бусины упали и покатались по полу. Я покраснела, а Би улыбнулась, словно мое смущение позабавило ее.

– Нет, я учу не всех. Некоторые учат меня, – загадочно ответила Би.

Я уже собралась уходить, но она схватила мою ладонь, перевернула и внимательно осмотрела.

– Ого! – воскликнула она, вздернув подведенные карандашом брови. – Ого!

Я потянула ладонь на себя, но не стала вырывать. Мне было не по себе от прикосновений Би, но хотелось знать, что ее «ого» значит.

– Мне пора идти, – сказала я, но она проигнорировала мои слова.

– Творческую личность я где угодно распознаю. А ты у нас художница, да? Конечно же! Тебе нравится пурпур!

Би повернулась и, вцепившись в мою руку, потащила за собой. Она притащила меня к холсту, на котором только что рисовала. Свободной

рукой подняла палитру и кисть со стула и указала на него:

– Сядь.

– Мне правда пора...

– А ну сядь! Этому стулу не нравится, когда отказываются от подобных приглашений.

Я села.

Би вручила мне кисть.

– Рисуй, – велела она. – Ну!

– На этом? – уставилась я на нее. – На вашей картинке?

– Картинки снимают на телефон. А это картина. Вот и рисуй.

Я продолжала таращиться на нее, и она подтолкнула мою руку к холсту.

– Давай же.

Я медленно окунула кисть в черную краску и провела ею по холсту перпендикулярно пурпуру.

– Хмм, – хмыкнула Би. – Ооо!

Меня охватило удивительное чувство, которое трудно описать словами. Словно творилось какое-то волшебство. Или моя душа воспарила. Я не знаю. Знаю только, что не смогла остановиться ни на черной линии, ни на следующем мазке, ни на деревьях, которые вырисовала с одного края холста. Что рисуя, унеслась куда-то далеко-далеко и едва различала за своей спиной оханье и аханье Би, ее мурлыканье и сюсюканье с красками, в которые я окунала кисть: «О да, твоя очередь, охрочка! А будет ли шанс у нашей малютки василька?».

Из творческого забытья меня вырвало жужжанье в переднем кармане джинсов. Мобильный развеял волшебство.

– Ох уж эти треклятые технологии, – проворчала Би. – Почему мы больше не используем почтовых голубей? Прекрасных пернатых, переносящих чудесные послания. Мне быгодились тут голубиные перья. Или павлиньи. О да, павлиньи! Только ведь павлинов никогда не использовали как средство связи, так что не думаю...

– Ты где? – закричала мама на другом конце трубки, когда я ответила на звонок. – Я чуть не чокнулась! Ни тебя, ни доктора Хилера. Боже мой, Валери, почему ты не можешь сделать как я прошу? Ты хоть представляешь, о чем я успела подумать?

– Сейчас буду, – пробубнила я в трубку, встала со стула и спрятала мобильный в карман. – Простите, – сказала я Би. – Мама...

Махнув одной рукой, она другой взяла веник и пошла сметать опилки, устилающие пол под столярным столом у дальней стены.

– Никогда не извиняйся за свою маму. Сочувствуй ей, но не извиняйся за нее. – ответила она. – Мамы любят пурпурный цвет. Я-то знаю! Моя мама его обожала.

Я поспешила обратно по проходу между рядами стеллажей, ощущая себя ребенком, бегущим во тьме через таинственный лес. И уже почти достигла двери, когда меня догнал голос Би:

– Смею надеяться, что увижу тебя в следующие выходные, Валери.

Я с улыбкой вышла на улицу. И только юркнув в мамину машину, запыхавшаяся и потная от возбуждения и быстрой ходьбы, вспомнила, что не называла Би своего имени.

21

На обед была какая-то одеревеневшая мексиканская пицца. Вполне подходящая для понедельника, на мой взгляд. По понедельникам я частенько ощущала себя деревянной, как эта пицца, – насильно выдернутой из маленького и безопасного мирка спальни в эпицентр школьной жизни «Гарвина».

Если не считать субботнего утра, выходные прошли спокойно и без происшествий. Мама с папой по какой-то причине не разговаривали друг с другом, а Фрэнки отправился с дружкой в церковный приют. Нет, наша семья не страдала религиозностью – о чем то и дело упоминали средства массовой информации, – просто парочка девушек ходила в ту же церковь, что и его друг, и Фрэнки был решительно настроен с одной из них уединиться. Честно говоря, если бы Фрэнки выпала возможность полапать девчонку – будь то в церкви или где еще, – он бы сделал это не задумываясь. И хотя мне это казалось неправильным, брату, стремившемуся залезть в церковном приюте девчонке в трусы, не пришлось терпеть дома холодную войну между мамой и папой.

Я же могла спокойно вытерпеть ее, засев в своей комнате. Все равно родители не ждали от меня ничего другого. Они давно уже не просили меня спускаться к ужину. Возможно, они и сами не ужинали. Я просто тихонько пробиралась на кухню, когда все расходились по своим делам, находила что-нибудь съестное в холодильнике и бежала вверх, точно енот, стремительно удирающий от мусорки с добычей.

В субботу вечером, услышав хлопок входной двери, я спустилась на кухню и застала за столом папу. Он сидел, удрученно склонившись над тарелкой с хлопьями.

– Ой. Я думала, вы оба ушли.

– Твоя мама ушла в группу поддержки, – ответил он, уставившись в тарелку. – В этом гребаном доме нечего поесть. Если только ты не любишь хлопья.

Я заглянула в холодильник. Действительно, не считая пакета молока, кетчупа, мисочки с остатками зеленой фасоли и полудюжины яиц, есть было нечего.

– Сойдут и хлопья, – сказала я, доставая коробку с холодильника.

– Они затхлые.

Я уставилась на него. На его небритом лице выделялись покрасневшие веки. Загрубевшие руки подрагивали. Я так давно не разглядывала папу, что не замечала, как сильно он сдал за последнее время. Он выглядел постаревшим. Измученным.

– Сойдут и хлопья, – повторила я намного тише и достала из буфета тарелку. Высыпала в нее хлопья и залила их молоком.

Папа молча ел. Я уже вышла из кухни, когда он сказал:

– В этом гребаном доме все затхлое.

Я остановилась, поставив ногу на нижнюю ступеньку лестницы.

– Вы с мамой снова поссорились?

– Да толку в этом? – отозвался он.

– Хочешь, я пиццу закажу? На ужин?

– Да толку в этом? – повторил он.

И правда. Я тихонько поднялась в свою комнату и, слушая радио, поела хлопьев. Те на самом деле оказались затхлыми.

Я шлепнула одеревеневшую пиццу на поднос и стала накладывать на тарелку рядом с ним какой-то склизкий фруктовый салат.

– Ты же не собираешься обедать в коридоре? – раздался за спиной голос мистера Энгерсона.

– Собираюсь, – ответила я, не оборачиваясь. – Мне нравится коридор.

– Я надеялся услышать не это. Мне пора готовить тебе учителя на субботу?

Собрав в кулак всю оставшуюся решительность, я повернулась и посмотрела на него в упор. Энгерсон даже не попытался меня понять.

– Выходит, что так.

Стоявшая впереди меня Стейси подхватила поднос и торопливо пошла к своему столу. Краем глаза я видела, как она говорит что-то Дьюсу, Мейсону и всей их компании. Они все повернули головы в мою сторону. Дьюс смеялся.

– Я не допущу, чтобы ты инициировала очередную трагедию, молодая леди, – сказал мне мистер Энгерсон. У него покраснели шея и подбородок.

Вот тебе и медаль с благодарственным письмом, героизмом и прочей чушью.

– В школе установлены новые правила. Запрещено любое обособление. За каждым, кто держится в стороне от коллектива, пристально наблюдают. Мне неприятно это говорить, но в крайних случаях возможно исключение из школы. Ясно?

Очередь обтекала нас с директором, и все школьники пялились, проходя мимо. Некоторые с усмешками на лицах перешептывались обо мне с друзьями.

– Я никогда ничего не инициировала, – ответила я. – И сейчас тоже не делаю ничего плохого.

Мистер Энгерсон поджал губы и одарил меня гневным взглядом. Краснота поднялась с его подбородка на щеки.

– Будь добра, хорошенько подумай как поступать, – процедил он. – В качестве личного одолжения выжившим.

Директор бросил слово «выжившим» точно бомбу. Меня затрясло. Казалось, он произнес это слово так громко, что его услышали все вокруг. Он отвернулся и пошел прочь, а я смогла взять себя в руки лишь через минуту.

Трясущимися руками я положила на тарелку еще пару ложек фруктового салата, хотя аппетит пропал напрочь, расплатилась за еду и направилась в основную часть столовой. Я ощущала на себе взгляды обедающих, замерших, словно кучка кроликов, ослепленных светом, неожиданно включенным на заднем крыльце, но смотрела вперед, только вперед.

Я вышла в коридор. Из кафетерия донесся голос мистера Энгерсона, объясняющего парням, где картофелю фри положено находиться, а где – нет. Я внутренне приготовилась к очередной отповеди. Раздались шаги, и из-за угла вышел директор.

– Уверена, что хочешь это сделать? – спросил он, наблюдая за тем, как я усаживаюсь на пол, осторожно придерживая на коленях поднос.

Я открыла рот, чтобы ответить, но отвлеклась на выскочившую из столовой Джессику Кэмпбелл. С подносом наперевес она обогнула мистера Энгерсона, опустилась на пол рядом со мной и скинула с плеч рюкзак. Ее поднос брякнул на линолеум.

– Здравствуйте, мистер Энгерсон, – радостно сказала она. – Прости, что опоздала, Валери.

– Джессика, – с нажимом произнес директор. – Что ты делаешь?

Она встряхнула и открыла пакетик молока.

– Обедаю с Валери. Нам нужно обсудить дела ученического совета. Тут нас никто не побеспокоит. Плюс в столовой слишком шумно. Я даже своих собственных мыслей не слышу.

Судя по выражению лица мистера Энгерсона, ему очень хотелось ударить куда-нибудь кулаком. Он с минуту поторчал рядом с нами, а потом сделал вид, что в столовой что-то случилось, и поспешил туда «все уладить».

Джессика хихикнула после его ухода.

– Ты чего делаешь? – спросила я.

– Обедаю. – Она откусила кусочек пиццы и скривилась. – Боже, да она деревянная.

Улыбнувшись против воли, я попробовала свою пиццу. Мы молча ели, сидя бок о бок.

– Спасибо, – поблагодарила я Джессику с набитым ртом. – Он ищет причину меня исключить.

– Энгерсон та еще задница, – отмахнулась Джессика и засмеялась, когда я открыла блокнот и нарисовала голую задницу в костюме и с галстуком.

«ГАРВИН-КАУНТИ САН-ТРИБЮН»

3 мая 2008 года репортер Анджела Дэш

Семнадцатилетняя Эбби Демпси, вице-президент ученического совета, занималась сбором денежных средств, продавая в столовой пончики. Две пули попали ей в шею. Полиция считает, что эти пули были шальными и предназначались ученику, находившемуся примерно в трех футах слева от Демпси. Родители Демпси отказались комментировать произошедшее и, по словам друзей семьи, «глубоко скорбят, потеряв своего единственного ребенка».

Мама оставила мне на мобильном голосовое сообщение: у нее

собрание и она не сможет за мной заехать. Сначала я взбесилась. Она ожидает, что после всего случившегося я поеду в школьном автобусе? Сяду, как ни в чем ни бывало, рядом с компашкой Кристи Брутер, и все будет okay? Как мама может так со мной поступать? Как может бросать меня на растерзание волкам?

Разумеется, я не собиралась ехать домой в школьном автобусе. По правде говоря, мой дом находился всего в пяти милях от школы и я не раз возвращалась пешком. Но раньше у меня обе ноги были здоровы. Сейчас же я сомневалась, что осилю такой маршрут. Скорее всего, на полпути разболится нога, я усядусь на мостовой и буду ждать, когда меня сцапает первый же хищник. Но милую я, наверное, протяну. А значит, смогу дойти до офиса папы. Поездка с ним уж точно не доставит мне удовольствия – собственно, как и ему, – но это лучше, чем разборки в автобусе.

Одно время я стыдилась невзрачного офиса папы. Папа строил из себя важного и влиятельного адвоката, а сидел в крошечном кирпичном здании, которое смахивало на «дыру в пригородной стене». Но сегодня меня радовало то, что он работает в «дыре», расположенной недалеко от школы: октябрьское солнце совершенно не прогревало воздух, и пройдя несколько кварталов, я уже начала жалеть, что не села на автобус.

В офисе папы я была всего пару раз. Папа не приветствовал наше появление на своей работе. Ему нравилось делать вид, что это ради нас. Мол, не стоит нам показываться всякому сброду, как он называет тех, чьи интересы представляет. Но, как по мне, правда в том, что офис – его спасение от семьи. Если бы мы запросто приходили к нему, то не было бы смысла все время торчать на работе.

Ногу сковало, и я доплелась до двойных стеклянных дверей офиса, как зомби в ужастике – накренившись и пошатываясь. Слава богу, что вообще доплелась.

В вестибюле меня обдало теплом. Я остановилась и постояла с минуту, растирая бедро. От густо висящего в воздухе аромата попкорна свело желудок. Хотелось есть. Я поплелась на аромат через вестибюль, повернула за угол и зашла в приемную.

Секретарша папы вытаращилась на меня и захлопала ресницами. Я забыла ее имя. Мы с ней встречались всего однажды – на семейном пикнике, организованном главным офисом год или два назад. Как же ее зовут... Бритни или Бренна. Имя у нее какое-то современное, да и сама она молоденькая. Ей около двадцати пяти. Имя я ее забыла, зато прекрасно помнила блестящие прямые волосы светло-шоколадного оттенка, волной спадающие по спине, точно плащ супергероя, и огромные глаза цвета

первой зелени, опущенные длинными и густыми ресницами. На пикнике она была миленькой и застенчивой и дольше всех смеялась над дурацкими и банальными шутками папы.

– Ох... – Бритни-Бренна залилась румянцем. – Валери.

Не улыбнувшись, она судорожно сглотнула. Знаете, так сглатывают в криминальных фильмах. Так и чудилось, что она тянется под столом к красной кнопке безопасности на случай, если я вдруг вытащу пушку.

– Привет, – поздоровалась я. – Папа здесь? Меня нужно подвезти до дома.

Бритни-Бренна оттолкнулась от стола руками, и ее кресло на колесиках отъехало назад.

– Он сейчас на конференции... – начала было она, но не закончила, так как в это мгновение распахнулась дверь в папин кабинет.

– Милая, не принесешь мне дело Сантошей? – спросил вышедший из кабинета папа, уткнувшись в какие-то бумаги. Не отрываясь от чтения, он обошел кресло Бритни-Бренны.

Она сидела ни жива, ни мертва, лишь лицо все сильнее краснело. Папина рука фамильярно легла на ее плечо и мягко сжала его – такого жеста в отношении мамы я не видела уже... целую вечность. Бритни-Бренна опустила голову и закрыла глаза.

– Что с тобой, детка? Ты кажешься напряженной... – папа наконец оторвал взгляд от бумаг и застыл, увидев меня.

Его рука мигом слетела с плеча Бритни-Бренны и вернулась к бумагам. Жест был столь короток и ненавязчив, что я бы усомнилась, правильно ли поняла его смысл, если бы не наблюдала за лицом Бритни-Бренны, которое к этому времени уже просто пылало. Сгорая от стыда, она не смела поднять глаз.

– Валери? Что ты здесь делаешь? – спросил папа.

Я с трудом отлепила взгляд от Бритни-Бренны.

– Меня нужно подвезти до дома, – сказала я. Во всяком случае, хотела сказать, но не знаю, вышло ли у меня – губы онемели.

Бритни-Бренна пробормотала что-то и кинулась в сторону уборной. Вряд ли она выйдет оттуда до моего ухода.

– Мама... У нее собрание.

– Оу, – отозвался папа.

Мне мерещится или он тоже покраснел?

– Да, конечно. Подожди минуту.

Он поспешно ушел в кабинет. Послышались хлопки закрываемых ящичков, звук переставляемых вещей, позвякивание ключей. Я стояла

столбом, задаваясь вопросом: не привиделось ли мне все это?

– Готова? – спросил папа. – Мне придется вернуться, так что поторопимся.

Весь из себя деловой. Как всегда. Хотя я другого и не ожидала.

Он открыл дверь, но ноги меня не слушались.

– Вы с мамой поэтому ненавидите друг друга? – выдавила я.

Судя по его лицу, ему хотелось сделать вид, что он не понимает, о чем я. Он склонил голову набок и позволил двери закрыться.

– Ты думаешь, что все понимаешь, но это не так, – ответил он. – Тебя это не касается. Едем домой.

– Это не из-за меня, – сказала я. – Вы с мамой ненавидите друг друга не из-за меня. Проблема в вас самих.

Несмотря на то что я прекрасно знала, что родители и до стрельбы не пылали любовью друг к другу, сегодняшнее открытие поразило меня, как какое-то великое озарение. На душе почему-то стало не легче, а наоборот, тяжелее. Наверное потому, что я всегда считала: если уйду из дома, то родители снова будут счастливы и полны любви. Однако прекрасное раскрасневшееся лицо Бритни-Бренны все меняло. Мама с папой никогда больше не будут любить друг друга. Внезапно оказалось, что их отношения непоправимы и многолетние скандалы возникали не на пустом месте. Внезапно я осознала, почему хваталась за Ника как за спасательный круг, – он не только понимал, что творится в хреновых семьях, но и понимал, что хреновым семьям никогда не стать снова хорошими. Вероятно, в глубине души я знала это с самого начала.

– Валери, давай не будем об этом.

– Все это время я корила себя за то, что вы с мамой ненавидите друг друга из-за меня, а ты просто-напросто изменял маме с секретаршей. Боже, какая же я идиотка.

– Мы с твоей мамой не ненавидим друг друга, – вздохнул папа, прижав пальцы к виску. – Ты ничего не знаешь о наших с ней отношениях. И тебя они не касаются.

– Значит, это нормально? – махнула я рукой в сторону уборной. – Нормально, да?

Папа, наверное, решил, что я говорю о его отношениях с Бритни-Бренной. Но я говорила о лжи. Он лгал о себе так же, как я лгала о себе. Вроде как это нормально. Только это ни черта не нормально. И я не понимала, почему после всего случившегося папа не видит, что ненормально так лгать.

– Пожалуйста, Валери, давай просто поедem домой. У меня полно дел.

– Мама знает?

Он закрыл глаза.

– Догадывается. Но нет, я ей об этом не сказал. И я буду благодарен тебе, если ты не пойдешь к ней и не расскажешь о том, о чем понятия не имеешь.

– Мне пора, – ответила я и пошла мимо него к выходу.

Холодный воздух на улице приятно освежал.

Устремившись обратно к школе, я чутко прислушивалась в ожидании окрика папы. Ждала, что он высунется за дверь и закричит: «Стой, Валери!

Ты не так все поняла! Я люблю твою маму, Валери! Ты же хотела, чтобы я тебя подвез!». Но так и не дождалась.

Не зная, что делать, я вернулась в школу. По дороге оставила маме голосовое сообщение:

– Мам, мне понадобилась помощь с домашним заданием, поэтому я задержалась после уроков и опоздала на автобус, – соврала я. – Подожду тебя в школе.

Войдя в здание школы, я скинула рюкзак у огромного стеллажа с призами, впечатлявшего посетителей блестящими футбольными и беговыми наградами и гигантскими фотографиями тренеров. Последние давно уже не работали в школе: или дни их славы канули в лету, или они сами канули в лету.

Я уселась на полу возле стеллажа и вытащила свой блокнот. Хотелось что-нибудь изобразить, выплеснуть эмоции на бумагу. Однако я не знала, что рисовать. Мысли путались, и мне сложно было видеть реальность. Карандаш не желал выводить линии лица Бритни-Бренны. Не желал набрасывать контуры виноватых глаз папы. Секрет папы раскрылся. Он женится на ней? Они родят детей? Я не могла представить папу, держащего на руках очаровательного ребенка, воркующего с ним и говорящего ему слова любви. Водящего его на бейсбольные матчи. Живущего «настоящей» жизнью, которую он заслуживает больше той, что есть у него сейчас.

Я коснулась кончиком карандаша листа и провела дугу – изгиб живота беременной женщины. Набросала внутриутробный зародыш в позе эмбриона, посасывающий свой крохотный пальчик и плавающий вокруг пуповины. Затем нарисовала идентичную дугу напротив. Слезу, скользящую по узкому носу. Мамины глаза. Штрихи между ними. Еще

одну слезу, дрожащую на ресницах. А в ней – мое имя.

Хлопнула дверца школьного ящика, послышались приближающиеся шаги. Я захлопнула блокнот и, стиснув его в пальцах, уставилась на входные двери. Раньше этот блокнот воспринимался мной как забавные очки, позволяющие отражать мир таким, каков он есть на самом деле, теперь же как большая и постыдная тайна.

– О, привет. – Ко мне шла Джессика Кэмпбелл.

– Привет.

Она остановилась передо мной и опустила на пол рюкзак. Глянула на двери, вздохнула и села по-турецки рядом со своим рюкзаком всего в двух футах от меня.

– Жду Меган, – пояснила она будто в оправдание за то, что сидит в коридоре рядом со мной, когда меня не надо спасать от Энгерсона. – Она пересдает тест по немецкому. Я обещала подвезти ее домой. – Видимо, чувствуя неловкость, Джессика прочистила горло. – Тебя не нужно подкинуть? Я могу, если подождешь со мной Меган. Она скоро освободится.

Я покачала головой.

– За мной мама заедет. Наверное, уже скоро. – И добавила: – Спасибо.

– Не за что, – тихо ответила Джессика и снова прочистила горло.

В отдалении хлопнула дверца шкафчика, и мы повернули головы в сторону крыла естественных наук. Послышался разговор двух ребят. Их голоса понемногу затихали и совсем оборвались за закрывшейся деревянной дверью.

– Ты придешь завтра на собрание ученического совета? – спросила Джессика. – Мы будем говорить о подготовке памятного проекта.

– Я думала, будет только одно собрание по этому вопросу, – удивилась я. – К тому же с прошлого я сбежала. И потом, в ученический совет выбирают голосованием. А мне что-то подсказывает, что за меня мало кто проголосует.

Джессика как-то странно-озорно глянула на меня и нервно рассмеялась.

– Да уж, – согласилась она. – Но не заморачивайся. Ребята понимают, что ты должна участвовать в этом проекте. Все нормально.

Я выгнула бровь и одарила ее «очень в этом сомневаюсь» взглядом.

Она снова рассмеялась – на этот раз более свободно и непринужденно.

– Не веришь? Но так и есть.

Я не смогла сдержаться и тоже засмеялась. Вскоре мы уже обе хохотали, откинув головы на кирпичную стену. Напряжение спало.

– Слушай, – начала я, рассматривая граффити, нанесенное на стеллаж для призов прямо над моей головой. – Я ценю то, что ты делаешь для меня, но не хочу, чтобы из-за меня из совета начали уходить ребята.

– Знаешь, не все были против твоего участия. Некоторые с самого начала посчитали эту идею хорошей.

– Ага, и первой среди них была Меган, – пошутила я. – Ты в курсе, что она хочет стать моей лучшей подружкой? Завтра мы даже оденемся одинаково. Будем прям как сладкая парочка «Твикс».

Мы посмотрели друг на друга и снова покатались со смеху.

– Первой она точно не была, – отсмеявшись, ответила Джессика. – Но и она согласилась. Я могу быть очень убедительной. – Она лукаво улыбнулась мне и подвигала бровями. – Ну правда. Не переживай из-за Меган. Она успокоится. Нам необходимо твое участие. Мне необходимо твое участие. Ты умная и креативная. Нам это нужно. Пожалуйста!

В дальнем конце коридора открылась дверь и из класса вышла Меган. Джессика подхватила рюкзак и куртку.

– Ты ни в кого не стреляла, – пожалала она плечами. – У них нет причин тебя ненавидеть. Я не перестаю им это твердить. – Она поднялась и закинула на плечи рюкзак. – Увидимся завтра?

– Хорошо.

Джессика пошла к Меган, а меня вдруг озарило. Что там детектив Панзелла говорил о девушке, благодаря которой с меня сняли все обвинения? *«Блондинка. Высокая. Одиннадцатиклассница. Она все повторяла: “Валери ни в кого не стреляла”».*

– Джессика? – позвала я ее.

Она обернулась.

– Спасибо!

– Не за что. Приди завтра на собрание, ладно?

Несколько минут спустя к школе подъехала мама и посигналила мне. Я, прихрамывая, дошла до машины. Мама выглядела угрюмой.

– Не могу поверить, что ты опоздала на автобус, – проворчала она.

Узнаю этот тон – усталый и раздраженный. Она часто говорит таким после работы.

– Прости, – извинилась я. – Мне нужна была помощь с домашним заданием.

– Почему не попросила отца отвезти тебя домой?

Вопрос был как тычок в грудь. Сердце учащенно забилося. Неприятно заныло под ложечкой. Разум кричал мне: «Она должна знать правду! Она заслуживает знать правду!».

– Папа был занят с клиентом, – солгала я. – Мне пришлось бы долго ждать, когда он освободится.

Может, мне следовало чувствовать себя виноватой за то, что я утаила от мамы правду. Но, в конце концов, папа ведь тоже никого не убил.

В следующую субботу я умоляла маму отпустить меня после сеанса терапии в студию Би.

– Ну, не знаю, Валери, – сомневалась мама, хмуро сдвинув брови. – Уроки рисования? Я никогда не слышала об этой женщине. И вообще не знала, что там есть художественная студия. Ты уверена, что это безопасно?

Я закатила глаза. Мама давно была в дурном настроении. Казалось, чем больше я пытаюсь вернуться к нормальной жизни, тем меньше она мне доверяет.

– Конечно же это безопасно. Она просто художница, мам. Ты мне даже рисовать теперь не разрешишь? Ты можешь сходить за покупками в «Shop’N’Shop», пока я там буду.

– Ну, не знаю.

– Пожалуйста, мам! Ты постоянно говоришь мне, чтобы я занялась чем-нибудь нормальным. Уроки рисования – это нормально.

– Ладно, – вздохнула она. – Но я пойду с тобой. Хочу взглянуть на эту студию. В последний раз, когда я позволила тебе разгуливать где хочешь и делать что хочешь, ты связалась с Ником Левилом. Не забыла, куда нас это привело?

– Ты каждый день напоминаешь мне об этом, – проворчала я, закатив глаза, и надавила пальцем на впадинку в бедре, чтобы не сорваться на маму. С таким настроением она запросто передумает насчет Би.

Мы вошли в студию Би вдвоем. В помещении стоял тяжелый несвежий воздух, и мама замешкалась у двери.

– Что это за место такое? – тихо спросила она.

– Тшшш, – зашипела я, сама не понимая, почему хочу, чтобы она не шумела. Может, боялась, что Би услышит ее и откажет мне в уроках? Что негативная энергия мамы осквернит восхитительный пурпур рассвета?

Я прошла по проходу в другой конец студии, откуда доносились тихие голоса и ритмичное позвякивание колокольчиков. Художники сидели перед своими холстами спинами ко мне. Пожилая женщина скраю работала с бумагой – сгибала и складывала ее, придавая ей причудливые формы

разных фигур и животных. Маленький мальчик под одним из столиков играл с двумя игрушечными машинками. Би склонилась над зеркалом, которое украшала затейливым узором из морских ракушек. Я остановилась, испугавшись вдруг, что неправильно поняла Би и что меня здесь не ждали. Хлынули мысли: «Это была простая вежливость с ее стороны. На самом деле я ей здесь не нужна. Нужно уходить». Но стоило мне так подумать, как Би выпрямилась и улыбнулась. С ее уложенных кверху, повязанных лентами и сияющих волос свисали маленькие колокольчики.

– Валери, – раскинула она руки. – Моя пурпурная Валери! – И дважды хлопнула в ладони. – Ты вернулась! Я тебя ждала.

Я кивнула.

– Надеюсь, я могу... поучиться у вас. Рисованию.

Би направилась в нашу сторону, но не ко мне. С улыбкой до ушей она обняла мою маму и зашептала ей что-то на ухо. Сначала мама напряглась, а потом почти сразу расслабилась. Когда Би отстранилась, мама больше не хмурилась, в ее глазах читалось любопытство. Би вне всякого сомнения была странной. Мама таких, как она, обычно называет людьми «с приветом». Но Би настолько шла ее эксцентричность, что даже несмотря на дурное расположение духа, мама была полностью обезоружена.

– Приятно познакомиться с вами, – сказала Би маме.

Мама кивнула, сглотнула и ничего не ответила.

– Конечно же, ты присоединишься к нам, Валери. Я уже приготовила для тебя мольберт.

– Сколько это будет стоить? – спросила мама, открыла сумочку и принялась в ней копаться.

Би взмахнула руками.

– По большей части это будет стоить терпения и творческой изобретательности. А также времени, практики и принятия себя. Однако всего этого вам в вашей сумочке не найти.

Мама застыла, с интересом глянула на Би и защелкнула замок сумочки.

– Я буду в «Shop’N’Shop». У тебя один час, – обратилась она ко мне. – Всего один.

– Обожаю число «один», – хихикнула Би. – Ведь порядковое числительное от него – «первый». А первый – значит, победитель. В конце дня мы все можем сказать, что вышли из него победителями. Порой пережить целый день – все равно что действительно одержать победу.

Опять промолчав, мама медленно и осторожно стала выбираться из студии. В помещение дохнуло воздухом с улицы, когда она вышла наружу.

«Один. Первый. Победитель», – покрутила я слова в голове.

– Мне бы хотелось порисовать, – повернулась я к Би. – Мне необходимо порисовать.

– Тогда ты непременно порисуешь. Ты рисовала с того самого утра, как впервые пришла сюда. – Она постучала пальцем по виску: – Здесь. Ты рисовала и рисовала. Используя множество оттенков пурпура. Осталось только завершить твой рисунок. И все что для этого нужно – переложить его на холст.

Би подвела меня к стулу, и я опустилась на него, зачарованная картинами художников, молчаливо творящих передо мной. Одна женщина рисовала снежный пейзаж, другая накладывала ржаво-красные оттенки на скрупулезно выведенный карандашом амбар. Мужчина срисовывал с прикрепленной в левом углу мольберта фотографии военный самолет.

Би поспешила к ближайшему ящичку и вернулась ко мне с палитрой и кистью.

– Ну вот, – сказала она. – Для начала ты захочешь положить на холст серые тона, тени. И на сегодня этого, наверное, будет достаточно. Нужно будет дать время высохнуть краскам, чтобы потом ты нанесла на холст яркие и сочные цвета. – Би открыла стеклянную баночку и налила на палитру рядом с красками коричневатую густую массу. – Не забывай примешивать к краскам загуститель. С ним они высохнут быстрее.

Я кивнула, взяла кисть и начала рисовать. Без наброска, без наглядного примера. С картинки доктора Хилера у меня в голове – таким, каким я его вижу. На этой картине будет мало теней. И не будет тьмы.

– Хмм... – отреагировала стоящая позади Би. – О да!

Затем она отошла.

Я слышала, как Би тихо наставляет других художников, мягко поддерживает их. Один раз она громко расхохоталась, когда художник рассказал ей, как по рассеянности кинул мобильный в блендер и включил его, желая приготовить фруктовое пюре. Но я не смотрела на нее. Я не отрывала глаз от холста, пока свежий воздух с улицы не дохнул мне в шею и не раздался голос мамы – отрывистый и резкий, чуждый в атмосфере студии.

– Время закончилось, Валери.

Подняв взгляд, я с удивлением увидела стоящую рядом Би и ощутила ее ладонь на своем плече.

– Время никогда не закончится, – прошептала она, глядя не на меня, а на мою картину. – Есть время для боли, но есть время и для исцеления. Всегда есть.

Только я завернула за угол в крыле естественных наук, как меня окликнула Меган. Нервно глянув в сторону кабинета миссис Стоун, где всего через несколько минут начнется собрание ученического совета, я сначала замедлила шаг, а потом неохотно остановилась.

– Валери, подожди, – крикнула Меган. Она бежала ко мне, и копна волос подпрыгивала у нее за спиной. – Я хочу с тобой поговорить.

В другое время я бы ни за что не остановилась. Меган предельно ясно дала понять, что считает меня ответственной за случившееся, и я догадывалась, что ничего хорошего от нее ждать не стоит. Но было некуда повернуть и негде спрятаться. Коридор в этом крыле в этот час пустовал. Все ученики уже разъехались по домам. Спортсмены ушли в спортивный зал.

– Привет, – выдохнула Меган, догнав меня. – Идешь на собрание?

– Угу, – неуверенно ответила я и в защитном жесте сложила руки на груди. – Меня Джессика попросила.

– Здорово. Пойдем вместе.

Я пару секунд ошарашенно смотрела на нее, затем медленно пошла к кабинету миссис Стоун.

– Мне нравится твоя идея с капсулой времени. Это будет круто, – заговорила Меган.

– Спасибо, – поблагодарила я. Прикусила губу и, не выдержав, поинтересовалась: – Не хочу тебя обидеть, но почему ты идешь со мной?

Меган склонила голову набок, обдумывая вопрос.

– Честно сказать? Из-за Джессики. Нет, она не просила меня быть с тобой дружелюбной, но разозлилась на меня из-за тебя и мы поругались. Потом помирились, конечно, но я решила, что она права. Я могу хотя бы попытаться изменить свое отношение к тебе. – Она пожала плечами. – Ты не делаешь ничего плохого. И почти всегда молчишь.

– Обычно я не знаю, что сказать. Я всегда была молчаливой. Просто раньше это не бросалось в глаза.

Меган покосилась на меня.

– Да. Наверное, ты права.

Впереди показался кабинет миссис Стоун. Там горел свет. Из-за двери доносились голоса, но все их перекрывал голос миссис Стоун. Слышались смешки.

Мы с Меган остановились.

– Я хотела тебя кое о чем спросить. Мне сказали... – Меган замялась, – что мое имя было в Списке ненависти. И я все думаю... почему? Большинство ребят считает, что жертвы получили по заслугам за травлю Ника. Но я же практически не знала вас. Я даже ни разу с ним не говорила.

Я сжала губы. До чертиков хотелось оказаться сейчас в кабинете миссис Стоун и заслониться Джессикой. Меган права в одном – мы практически не знали ее до стрельбы. Никогда не говорили с ней и не таили на нее злобы. Однако нам казалось, о ней можно судить по тому, с кем она общается.

Мне вспомнился тот день, когда мы внесли имя Меган в Список.

Мы с Ником обедали. Крис Саммерс со своими шавками проходил мимо нашего стола с таким видом, будто заправляет в столовой. Впрочем, как обычно.

– Эй, чмо, – окликнул Саммерс Ника. – Поддержи-ка ее для меня. – Он вытащил изо рта жвачку и бросил Нику в пюре.

Его дружки загоготали, хватаясь за грудь и покачиваясь, точно пьяные.

– Чувак, это так отвратно...

– Ну ты молоток...

– Наслаждайся картошкой, чмо...

И они пошли к столу, продолжая ржать.

Ника чуть не трясло от бешенства, глаза потемнели, напряженно задвигались желваки. Все было совсем не так, как у кинотеатра. Тогда он выглядел печальным и побежденным. В этот раз он выглядел разъяренным. Ник начал подниматься.

– Не надо, – попросила я, опустив ладонь на его плечо. Ник уже дважды за месяц попадался на драках, и Энгерсон грозил ему временным отстранением от занятий. – Не стоит тратить на них свое время. На, съешь мою картошку. Я ее все равно не люблю. – Я толкнула к нему поднос.

Ник застыл. Его ноздри раздувались, ладони вжимались в стол. Он сделал несколько глубоких вдохов и опустил на стул.

– Нет, – тихо ответил он, отодвинув поднос ко мне. – Я не голоден.

Мы дообедали в молчании. Я поглядывала на столик Криса Саммерса, запоминая, кто с ним сидит. Среди его дружков была Меган Норрис, и она расстилалась перед ним как перед божеством. Вернувшись домой, я открыла блокнот и внесла в Список всех шавок Саммерса, одного за другим.

Тогда я считала это справедливым, люто ненавидя всех их за то, что они цепляются к Нику, ко мне, к нам. Но теперь, стоя в коридоре у кабинета миссис Стоун, я испытывала другие чувства. Теперь я видела Меган иной –

растерявшейся и запутавшейся девчонкой, пытавшейся все наладить. Совсем как я.

– Дело было не в тебе, – честно ответила я Меган. – А в Крисе. Ты однажды сидела за его столиком... – Я оборвала себя, осознав, что как бы ни злился в тот день Ник, как бы ни издевался над ним Крис, после всего произошедшего мое объяснение покажется Меган бессмысленным. Я сама едва находила в нем смысл. – Глупо вышло. Нет, нехорошо вышло.

К счастью, из-за двери кабинета миссис Стоун выглянула Джессика.

– О, привет. Мне показалось, я слышала голоса. Заходите, мы начинаем собрание.

Она исчезла за дверью. Мы с Меган неловко простояли в коридоре еще пару минут.

– Что ж, – наконец прервала молчание Меган, – думаю, сейчас это уже не важно?

Она улыбнулась. Натянута, но не фальшиво. И на том спасибо.

– Наверное, нет, – отозвалась я.

– Ладно, идем. А то Джесс расписхуется.

Мы вошли в кабинет, и я впервые сделала это без желания немедленно сбежать.

«ГАРВИН-КАУНТИ САН-ТРИБЮН»

3 мая 2008 года репортер Анджела Дэш

Полиция и свидетели называют стрелком ученика одиннадцатого класса семнадцатилетнего Ника Левила, однако мотивы его преступления остаются неясными.

– Он сторонился людей, но я бы не назвала его одиночкой, – рассказала репортерам Стейси Бринкс. – У него и девушка была, и много друзей. Иногда он говорил о самоубийстве – на самом деле не иногда, а постоянно, – но никогда об убийстве. Во всяком случае, не с нами. Может, он обсуждал это с Валери. Мы об этом ничего не знали.

По записям с видеокамер полиции удалось установить перемещение Левила утром второго мая и составить четкую картину произошедшего в кафетерии. Левил открыл стрельбу в переполненной школьниками (преимущественно старшеклассниками) столовой, затем выстрелил в ногу своей девушке Валери Лефтман, после чего застрелился сам. Фрагменты

видео, запечатлевшего то, чем закончился его страшный приступ безумия, транслировали в новостях некоторые телевизионные каналы. Это вызвало негодование семьи Левил.

– Мой сын, может, и стрелок, но в то же время он жертва, – сказала мама Левила репортерам. – Будь прокляты эти телевизионные акулы! По их мнению, наши сердца не рвутся на части, когда мы снова и снова видим, как наш сын пускает себе пулю в висок?

– Наш сын тоже мертв, – со слезами на глазах добавил отчим Левила. – Пожалуйста, не забываете об этом.

* * *

Не знаю, как так получилось, но я в некотором роде сдружилась с Джессикой Кэмпбелл. Семестр подошел к концу, а я бы даже не заметила этого, если бы доктор Хилер не возликовал по этому поводу на одном из наших сеансов.

– Я же сказал, что ты выдержишь семестр! – заявил он. – Черт, все-таки я хорош!

– Не очень-то зазнавайтесь, – поддразнила я его. – Кто сказал, что я вернусь в школу после каникул? Может, я собираюсь перевестись?

Но я, конечно же, вернулась на занятия в январе и, переступая порог школы, нервничала гораздо меньше, нежели в первый учебный день.

Все, похоже, свыклись с моим присутствием, и этому здорово помогал тот факт, что мы с Джессикой каждый день обедали вместе.

Еще я продолжала ходить на собрания ученического совета. Причем активно участвовала и даже согласилась помочь украсить кабинет в честь дня рождения миссис Стоун. Мы планировали провести пятиминутное собрание с обсуждением памятного проекта, а оставшееся время лакомиться тортом и подшучивать над возрастом миссис Стоун. Праздник должен был стать сюрпризом, поэтому мы по-быстрому украшали кабинет, пытаясь успеть к возвращению миссис Стоун.

– Я пойду на концерт Ти Джея, – сказала стоявшая на стуле Джессика, потянувшись вперед и закачалась – стул накренился. Восстановив равновесие, она поднялась на цыпочки, оторвала от рулона кусок скотча и прилепила к кирпичной стене голубую гирлянду. – Вы пойдете?

– Меня мама не пустит, – ответила Меган. Она держала другой конец гирлянды.

Джессика бросила ей скотч. Меган наклонилась за ним и уронила

гирлянду.

– Черт!

– Я подам, – остановила я ее. Доковыляла до гирлянды, развернула ее и подала Меган.

– Спасибо, – поблагодарила она, встала на цыпочки и приклеила гирлянду к стене.

Джессика в это время надувала воздушный шарик, чтобы привязать его к середине гирлянды. Я вытащила из лежавшей на письменном столе сумки шарик и тоже начала надувать. Позади меня ребята накрывали скатертью стол для чаепития. Джош помчался в кафетерий за напитками, привезенными для нас чуть раньше мамой Джессики.

– Я очень хочу пойти, – посетовала Меган. – Обожаю Джастина Тимберлейка.

– Он такой секси, да? – подхватила Джессика.

Меган тяжело вздохнула.

– Мама теперь никуда меня не отпускает. Прямо в параноика превратилась. Папа просит ее не заикливаться на случившемся, но куда там. Она хочет, чтобы я училась в муниципальном колледже, представляете? Видишь ли ей невыносима мысль, что я буду учиться далеко от дома. Типа, там я обязательно попаду в какую-нибудь передрагу. Ей нужно к психологу.

Я завязала горлышко надутного шарика и вытащила другой.

– А моему папе билеты на концерт дал его сослуживец, – объяснила Джессика. – И он пришел такой и говорит: «Эй, Джесс, ты когда-нибудь слышала о Дастине Тимберленде? Он поет в жанре кантри?».

Мы засмеялись.

– Я ему отвечаю: «Блин, да! Конечно, я слышала о Джастине Тимберлейке!». И он мне: «Что ж, я достал два билета на его концерт и ты получишь их, если пойдешь на него с Родди». В общем, братец на выходных приедет из универа домой и возьмет меня на концерт. Я не против. Родди классный.

– А мои ни за что не отпустят меня с Троем, – вздохнула Меган. – Он общается со всякими лузерами типа Дьюса Барнса. Вот с ним меня точно могут где-нибудь пристрелить. – Ее лицо порозовело, и она бросила на меня взгляд сверху вниз.

Я знаю Троя. Иногда он болтался с Дьюсом, когда рядом не было Ника. Трой окончил «Гарвин» три года назад и в школе был известен как буйный парень с горячей головой. Однажды он влип в неприятности из-за того, что кулаком оставил вмятины вдоль целого ряда шкафчиков. Меган

восхищалась своим братом и обожала его, но совершенно на него не походила.

С минуту мы все молчали. Я завязала второй надутый шарик, пустила его на пол, вытащила из сумки третий и поднесла ко рту.

– Валери, ты пойдешь на концерт? – спросила Меган.

Я прочистила горло. В присутствии Меган я по-прежнему ощущала некоторую неловкость, и думаю, это было взаимно.

– Эм... вряд ли. – Странно, но голос не выдал моих чувств. Он звучал слишком небрежно. – Меня, наверное, до конца жизни посадили под замок.

– Почему? – удивилась Меган.

Джессика прыгнула со стула и взялась помогать мне с шариками.

– Ну... из-за стрельбы, – ответила я, чувствуя, как у меня горят щеки.

– Но ты же в ней не виновата, – глянула на меня с любопытством Меган. – Тебя саму подстрелили.

– Да, но мои родители другого мнения. Сейчас их заклинило на моих «необдуманных решениях и действиях».

Меган фыркнула и тихо заметила:

– Это несправедливо.

Джессика завязала свой шарик.

– Ты у них отпрашивалась куда-нибудь? – спросила она.

Я покачала головой и пожала плечами.

– Мне идти-то некуда.

Ребята у столов препирались из-за расстановки праздничных свечей.

– Джесс, пригласи ее на вечеринку Алекса, – предложила Меган. Спрыгнула со стула и отступила полюбоваться гирляндой. – Как вам?

Джессика уперла руки в бедра и оглядела стену.

– Мне кажется, идеально. Как тебе, Вал?

– По-моему, хорошо.

Мы несколько минут все вместе надували шарики, а потом Джессика продолжила разговор:

– Меган говорила об амбарной вечеринке, на которую мы идем двадцать пятого. Бывала когда-нибудь на такой?

Я покачала головой и завязала шарик.

– Ее устраивают на ферме Алекса Голда. Его родители на две недели уезжают в Ирландию. Затусим по полной.

– В прошлый раз я потеряла там свои туфли, – добавила Меган. – А Джейми Пемброук все заблевал. Помнишь? – Они с Джессикой засмеялись. – Ты должна пойти на эту вечеринку, Вал. Там будет очень круто.

– Да, идем с нами, – поддержала ее Джессика и пихнула меня локтем. – После переночуем у меня.

Я притворно задумалась, будто бы обрадованная приглашением, но в голове так громко звонили тревожные колокольчики, что я едва могла мыслить. Одно дело – ходить с Джессикой на собрание ученического совета и обедать с ней в коридоре. И совсем другое – идти на вечеринку, где будет много ее друзей. Можно только представить себе, что некоторые из них скажут о моем появлении там. И можно только представить себе, что бы на это сказал Ник. Да и не выдержу я подобного «веселья».

Но Джессика смотрела не меня так открыто, с такой надеждой, что я не могла обидеть ее прямым отказом.

– Хорошо. Я попробую отпроситься.

– Здорово! – заулыбалась она.

Меган тоже улыбнулась уголками губ.

– Что это? – поразила стоявшая в дверях миссис Стоун. На ее плече висело полуснятое пальто, нос покраснел от налетевшего сегодня не пойми откуда холодного ветра.

– Сюрприз! – закричали мы хором, и комната взорвалась поздравлениями.

Миссис Стоун приложила ладонь к груди и обвела взглядом кабинет. Ее взгляд ненадолго задержался на мне, Джессике и Меган – стоящих плечом к плечу, весело болтающих и смеющихся.

– Какой чудесный сюрприз, – сказала она и вытерла пальцами уголки глаз.

– Простите, девочки, но здесь больше сидеть нельзя, – заявил мистер Энгерсон. – Тут везде ходят строители.

Мы с Джессикой застыли с подносами в руках.

Строители все утро сновали туда-сюда по школе, стучали молотками и сверлили дрелью, не давая нам сосредоточиться на уроках. Они ставили в классах новые двери – с пуленепробиваемыми стеклами. Теперь двери при закрытии будут защелкиваться на замок изнутри, и если посреди урока кому-то захочется сходить в туалет, то по возвращении придется стучать, чтобы его пустили в класс. Таким образом, во время урока мы будем сидеть в своеобразной маленькой цитадели, где нам ничто не будет угрожать, если кто-то ворвется в здание с пистолетом или бомбой.

– Ладно, – ответила Джессика.

Мы глянули друг на друга и повернули к столовой.

– Идем, – велела Джессика хорошо знакомым мне командорским тоном. – Сядешь со мной. – Она уверенным жестом перебросила волосы через плечо, гордо выпрямилась и смело пошла сквозь толпу.

Я следовала за ней, еле передвигая ватные ноги. Джессика вела меня на территорию БТБС, и меня бросало в панику от одной мысли об этом.

– Всем привет! – сказала Джессика. Поставила поднос на стол и пододвинула два пустых стула.

За столом мгновенно смолкли разговоры.

– Привет, Джесс, – отозвалась Меган. Очень тихо, без улыбки.

Может, мне привиделось, как мы надували воздушные шарик на день рождения миссис Стоун?

– Привет, Вал.

Я с трудом изобразила на лице улыбку, но разомкнуть губы для ответа не смогла.

– Ты же в коридоре обедала, – заметил Джош. – С ней.

– Нам Энгерсон запретил там сидеть, – объяснила Джессика. Опустилась на стул и повернулась ко мне: – Садись, Вал. Никто не против.

Кто-то недовольно фыркнул, но я не уловила, кто именно.

Я села и уставилась на поднос, зная, что мне кусок в горло не полезет. Соус в тарелке казался противным коричневым студнем, а мясо – пластмассой. Желудок крутило.

– Эй, Джесс, ты идешь на амбарную вечеринку? – спросил кто-то.

– Да. Мы обе идем.

– Обе?

Джессика указала на меня вилкой.

– Я попросила Вал переночевать у меня.

– Гонишь, – недоверчиво отозвался Джош.

– Не-а. А что, есть какая-то проблема?

В ее голосе послышались привычные мне нотки снобизма. Сколько раз я слышала их, когда она обращалась ко мне? «Что уставилась, Сестра смерти?». «Отличные боты, Сестра смерти». «Я что, говорю с твоими друзьями-лузерами?». «В чем дело? Какие проблемы? Чего тебе, Сестра смерти?». Только сейчас она обратилась подобным тоном не ко мне, а к друзьям, которыми повелевала. Я почувствовала облегчение и тут же – вину за то, что почувствовала его. В этот миг я не понимала, кто из нас изменился больше – Джессика Кэмпбелл или я.

– Я пока еще не спросила разрешения у родителей, – тихо сказала я

Джессике. – Спрошу на выходных.

Джессика отмахнулась. Держа вилку перед собой, она сузившимися глазами смотрела на своих друзей, бросая им вызов: осмелятся ли они выступить против моего присутствия?

Атмосфера за столом изменилась. Всем было неудобно. Не поднимая глаз от тарелок, ребята тихо переговаривались. Я слышала, что они говорят обо мне, но не слышала, что именно.

Однако я услышала, как кто-то сказал:

– Она притащит с собой свой блокнот?

И как ему со смехом ответили:

– Она притащит с собой бойфренда?

Это было уже слишком. Глупо было думать, что я смогу влиться в их круг. Даже после столь продолжительного времени. Даже с Джессикой на моей стороне. «Разгляди то, что есть на самом деле, – просил меня доктор Хилер. – Разгляди действительность». Ну вот, сейчас я вижу действительность такой, какая она есть. И она мне не нравится. Она ничуть не изменилась. Только раньше я записывала имена этих ребят в Список ненависти и находила утешение в Нике. А теперь я стала другим человеком и не знала иного выхода кроме как бежать.

– Совсем забыла. – Я поднялась и взяла поднос. – Мне нужно сдать доклад по английскому до шестого урока, а то получу за задание ноль. – Я принужденно засмеялась. В горле пересохло, и казалось, вышел не смех, а кряхтение.

Я отнесла поднос к приемнику грязной посуды. Выкинула еду в мусорную корзину и поспешила из столовой, смутно слыша в голове голос доктора Хилера: «Если ты продолжишь худеть, Вал, то твоя мама опять будет спрашивать у меня об анорексии». Я понеслась в ближайший девчачий туалет. Заперлась в кабинке и просидела в ней до звонка, решив, что ни за какие коврижки не пойду на амбарную вечеринку.

Сидя на постели, я любовалась ярко-розовым лаком на ногах. Я боялась, что лак испортился – так давно не красила ногти розовым цветом. Колпачок присох к флакону, лак внутри загустел и разделился на нижний розовый слой и прозрачный верхний. Я добавила в лак несколько капель ацетона и взболтала флакон. Это помогло.

Обычно основным моим цветом был черный. Или темно-синий.

Иногда – зеленый с желтоватым отливом или грязно-желтый. Но когда-то я любила розовый цвет. И все у меня было розовым. Видимо, сначала я пресытилась розовым, а потом – черным. Как-то так.

В общем, поддавшись порыву, я вытащила из-под раковины древнюю коробку с лаком для ногтей, который накупила в пору «Валери – Самая Прекрасная Принцессочка На Свете», и выкрасила ногти в ярко-розовый цвет. Ни от кого же не убудет, если мои ногти несколько дней посверкают розовым?

Я все еще подсушивала лак, дуя на ногти, когда в дверь тихо постучали. Нагнувшись вперед, я сделала музыку тише.

– Да?

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул папа. Он скривился, глянув на магнитофон, и я выключила его.

– Мы можем поговорить? – спросил папа.

Я кивнула. Мы с ним не говорили с того инцидента с Бритни-Бренной в его офисе пару недель назад.

Папа переступил порог и пересек комнату с таким видом, будто шел по минному полю. По пути он отбросил ногой кучу футболок, и я заметила, что он обут в кроссовки. В кроссовки для бега. И одет в джинсы и тенниску. В повседневную, но отнюдь не домашнюю одежду.

Он сел на краю постели и некоторое время ничего не говорил, молча глядя на мои ноги. Я инстинктивно поджала пальцы и тут же выпрямила их, испугавшись, что испортила педикюр. Лак смазался всего на одном ногте. Я стерла большую его часть пальцем и уставилась на ноги. Они казались такими беззащитными и неидеальными с единственным не накрашенным ногтем и испачканной вокруг него кожей. Будто я начала наводить красоту, но позабыла закончить начатое.

– Новый цвет? – спросил папа.

Довольно странный вопрос. Папы разве обращают внимание на то, в какой цвет их дочери красят ногти? Не знаю. Мой папа обычно на такое внимания не обращал, и мне стало не по себе.

– Наоборот, старый.

– Вот как. – Он еще немного помолчал. – Послушай, Вал, насчет Брили...

Брили. Точно! Ее зовут Брили.

– Пап, – начала я, но он остановил меня, подняв руку.

Я сглотнула. Любое предложение, начинавшееся со слов «Послушай, Вал, насчет Брили...», не обещало ничего хорошего. Уж в этом-то я была уверена на сто процентов.

– Просто послушай. Твоя мама... – Папа умолк. Несколько раз открыл и закрыл рот, словно не зная, как продолжать. Его плечи поникли, ладони на коленях обмякли.

– Пап, я ничего не скажу маме. Не надо, – опять начала было я, но он снова меня прервал:

– Я сам ей сказал.

Наступила тишина. У меня мерзли пальцы. Я напряженно смотрела на них, ожидая, что ногти сменят цвет с ярко-розового на фиолетовый или льдисто-голубой, как меняют цвет кольца настроения. Может, стоило накрасить их грязно-желтым? Меня мучил вопрос: кто является самозванкой – прежняя Валери или новая? После стрельбы меня часто охватывало ощущение, что я в любой миг могу сменить ипостась.

– Я все рассказал ей, – наконец заговорил папа. – Твоей маме.

Я ничего не ответила, не зная, что сказать. Что я могла на это ответить?

– Разумеется, она приняла это не слишком хорошо. Сильно разозлилась. Попросила меня уйти.

– Оу, – выдохнула я.

– Если для тебя это имеет значение, то я люблю Брили. Люблю ее довольно давно. Скорее всего, мы поженимся.

Для меня это имело значение. Но, наверное, не в том смысле, на какой надеялся он. Я с каким-то мрачным удовлетворением подумала – теперь у меня будет мачеха. В мою жизнь она вписывалась «на ура». Я даже почувствовала укол сожаления. Нас с Ником и это бы роднило, у него ведь был отчим.

Мы с папой помолчали.

Интересно, о чем он думал? Почему не уходил? Ждал моего прощения? Моего понимания? Что я великодушно приму Брили в свою жизнь?

– Как давно ты и... она... вместе? – спросила я.

Папа поднял на меня взгляд, и я поразились тому, какую глубину увидела в его глазах. Наверное, я никогда раньше не всматривалась в них. Всегда считала папу ограниченным. Думающим только о своей работе. Никогда не проявляющим ни злости, ни нетерпения.

– Мы были вместе задолго до стрельбы. – Папа печально рассмеялся. – Случившееся в какой-то мере сблизило меня с твоей мамой. Мне стало сложно расстаться с ней. За последние месяцы я миллион раз разбивал сердце Брили. Я собирался летом переехать к ней. К этому времени мы уже должны были пожениться. Но стрельба...

Он, как и многие другие, умолк после этого слова, словно оно само по себе объясняло все и вся. Но я и так поняла, о чем он. Стрельба изменила все. Для всех. Даже для Брили, которая не имела ничего общего с «Гарвином».

– Я не мог оставить Дженни после случившегося. Ей через многое пришлось пройти. Я уважаю твою маму и не хочу причинять ей боль. Но я не люблю ее. Не люблю ее так, как люблю Брили.

– Значит, ты решился сделать это, – поняла я. – Уйти.

Папа медленно кивнул.

– Да. Так будет правильно. Я должен уйти.

Мне бы хотелось разозлиться на него. Закричать: «Нет! Ты не должен уходить! Ты не можешь уйти!». Но не получалось. Правда в том – и мы оба это знали, – что в душе он давно уже был не с нами. Заставлять его остаться, когда он хочет быть в другом месте? Это не выход. Папа тоже оказался жертвой стрельбы. Одним из тех, кто не избежал ее последствий.

– Ты злишься? – спросил он.

Опять странный вопрос.

– Да.

И я действительно злилась. Но на него ли? Однако вряд ли ему стоило это говорить. Вряд ли ему хотелось это слышать. Думаю, ему важно было знать, что я злюсь, так как мне не плевать.

– Ты когда-нибудь простишь меня? – спросил папа.

– А ты когда-нибудь простишь меня? – ответила я вопросом на вопрос, посмотрев ему в глаза.

Он несколько долгих мгновений не отводил взгляда, затем молча встал и направился к двери. Дойдя до нее, не обернулся.

– Нет, – ответил он, стоя ко мне спиной, положив ладонь на дверную ручку. – Может, я плохой отец, но я не знаю, смогу ли простить тебя. Какое бы решение ни вынесла полиция, ты в любом случае повинна в стрельбе, Валери. Ты составляла Список. Вносила в него имена. Ты вписала в него мое имя. А ты ведь неплохо жила. Может, ты и не спускала курок, но трагедия произошла из-за тебя. – Папа открыл дверь. – Мне очень жаль. Правда. – Он вышел в коридор. – Я оставлю у твоей мамы мой новый адрес и номер мобильного. – И он медленно ушел.

По обыкновению я решила не идти на ужин и взять что-нибудь

перекусить, когда все лягут спать. Подождала, пока полоска света под дверью не погаснет, и тихонько вышла из комнаты.

Спустившись в кухню, сделала себе при свете холодильника сэндвич с арахисовым маслом и фруктовым джемом и уселась за стол. Мне было уютно в темноте. Казалось, она хранит мои тайны. Казалось, я могу укрыться в ней от окружающей меня несуразицы. А как еще назвать происходящее? Несуразица и есть. Когда кучу твоих одноклассников застрелили, многое в этом мире – даже уход из семьи отца – воспринимается как нечто пустячное.

Я доела сэндвич и встала, собираясь подняться к себе. В гостиной кто-то шумно шмыгнул носом и кашлянул. Я застыла.

Послышался всхлип и шуршание вытаскиваемой из коробки бумажной салфетки.

Я обогнула угол и всмотрелась во тьму.

– Эй? – тихо позвала я.

– Иди спать, Валери, это я, – отозвалась мама из темноты, со стороны дивана. Ее голос звучал гундосо и хрипло.

Она опять шмыгнула носом. И опять зашуршала вытаскиваемая из коробки салфетка.

Вместо того чтобы идти наверх, я прошла в гостиную, остановилась за креслом и положила ладони на его спинку.

– Ты в порядке? – спросила я.

Мама не ответила.

Я обошла кресло, собираясь сесть в него, но передумала и опустилась на пол в нескольких футах от дивана. С такого расстояния я различала маму, видела расходящиеся на ее коленях полы белого халата.

– Ты в порядке? – повторила я.

Последовало долгое молчание. Я уже подумывала уйти к себе, когда мама наконец заговорила:

– Значит, ты все-таки ешь? Я сказала доктору Хилеру, что последние недели ты ничего не ешь.

– Я спускаюсь в кухню поздно вечером. И я не больна анорексией, если ты подумала об этом.

– А о чем еще я могла подумать? – В голосе мамы слышались слезы, она беззвучно плакала. – Ты стала такой худенькой. И совсем ничего не ела при мне. Доктор Хилер предположил, что ты ешь, когда меня нет рядом.

Очередное очко в пользу доктора Хилера. Порой я забываю о том, что он защищает меня даже в мое отсутствие. Интересно, сколько раз он успокаивал маму, разволновавшуюся из-за какой-нибудь ерунды?

– Папа ушел? – помолчав, спросила я.

Видимо, мама кивнула – слегка качнулся ее силуэт.

– Теперь он живет с ней. Это к лучшему.

– Ты будешь по нему скучать?

Мама глубоко вздохнула и порывисто выдохнула.

– Уже скучаю. Но не по тому мужчине, с которым прожила последние годы. Я скучаю по тому мужчине, которому ответила: «Я согласна». Ты, наверное, не поймешь.

Я задумчиво покусала губу. Обидеться на нее за то, что она отмахивается от меня? Разозлиться?

– Вообще-то, понимаю. Я тоже скучаю по Нику. Скучаю по тем временам, когда мы ходили в боулинг, веселились и были счастливы. Знаю, ты считаешь его исключительно плохим, но он не был плохим. Он был милым, нежным и умным. Я скучаю по такому Нику.

Мама высморкалась.

– Да, видимо, ты меня понимаешь.

Было так приятно услышать это от нее, что я не нашла слов для ответа.

– А ты помнишь... – начала она и умолкла. Зашуршала салфетка, раздался всхлип. – Помнишь, как мы ездили летом в Южную Дакоту? В стареньком микроавтобусе дедушки? Загрузили в него огромный холодильник с сэндвичами и газировкой и сразу отправились в путь. Твой папа хотел, чтобы вы с Фрэнки побыстрее увидели гору Рашмор.

– Помню. Ты еще взяла горшок на случай, если нам в дороге захочется в туалет. И Фрэнки где-то в Небраске ел крабов, а потом его стошнило прямо на стол.

Мама тихо засмеялась.

– И папа ехал без передыху, пока мы не добрались до той жуткой кукурузной фермы.

– И музея камня^[13]. Помнишь, я расплакалась? Думала, там будут рок-музыканты, а увидела кучу дурацких камней.

– А твоя бабушка, храни Господь ее душу, весь путь дымила противными сигаретами.

Мы обе захихикали и вновь замолчали. Та поездка была ужасной. Ужасной и чудесной одновременно.

– Никогда не думала, что у моих детей будут разведенные родители.

Я подумала немного и пожала плечами, хотя мама не могла этого видеть.

– Да я в принципе нормально к этому отношусь. Папа ненавидел находиться дома. Может, он и не лучший отец в мире, но мне кажется,

никто не должен быть таким несчастным.

– Ты знала.

– Догадалась, когда недавно увидела его в офисе с Брили.

– Брили, – повторила мама, будто пробуя на вкус ее имя.

Ей казалось, оно звучит сексуальнее ее имени? Притягательнее имени Дженни?

– Ты сказала Фрэнки? – спросила я.

– Твой папа сам ему сказал. Сразу после того как поговорил с тобой. Я отказалась быть той, кто разобьет вам сердца. Сказала, чтобы он сам сознался вам в своих отношениях с секретаршей. Это ведь справедливо? Я больше не собираюсь делать за него грязную работу. Устала быть плохой.

– Фрэнки нормально это воспринял?

– Нет. Из комнаты не выходит. Теперь я боюсь, что и он попадет в неприятности, а я не знаю... смогу ли... выдержать это... одна...

Ее голос оборвался такими душераздирающими рыданиями, что и у меня из глаз хлынули слезы. Вам когда-нибудь приходилось слышать безудержный и горький плач человека, который все потерял? Почти так же плакала мама.

– Фрэнки хороший, мам. Он дружит с хорошими ребятами. Он не... – с языка чуть не сорвалось: «станет таким, как я». Смутившись, я закончила: – ...не попадет в неприятности.

– Надеюсь на это, – ответила мама. – Мне за тобой-то сложно порой уследить. Я не могу раздвоиться. Не могу постоянно волноваться за вас обоих.

– Тебе не нужно больше за меня волноваться. Со мной все в порядке, мам. Правда. Доктор Хилер говорит, я делаю большие успехи. Я занимаюсь рисованием с Би и работаю над проектом с ученическим советом. – Меня вдруг охватило непреодолимое желание помочь маме. Затопила такая сильная жалость к ней, какой я никогда не испытывала. Мне отчаянно захотелось быть той, кто подарит ей надежду, кто вернет ей Южную Дакоту. – На самом деле я хотела попросить у тебя разрешения в следующие выходные переночевать у Джессики Кэмпбелл. – Горло перехватило.

– У той светловолосой девочки, которая к нам приходит?

– Да. Джессика – президент ученического совета и член волейбольной команды. Она хорошая. Мы каждый день вместе обедаем. Мы с ней дружим.

– Ох, Вал, – упавшим голосом произнесла мама. – Ты уверена, что хочешь этого? Я думала, ты этих девочек ненавидишь.

– Ничего подобного, мам, – резковато ответила я. – Это Джессику я загородила. Я спасла ее. И теперь мы друзья.

Опять повисло долгое молчание. Мама несколько раз всхлипнула – этот звук меня убивал.

– Иногда я забываю, – дотянулся до меня из темноты ее голос. – Забываю, что в тот день ты также была героем. И вижу лишь девушку, составившую список тех, кому она желала смерти.

Я подавила порыв поправить ее: «Я не желала им смерти. И ты бы никогда не узнала об этом Списке, если бы Ник не слетел с катушек. Но это он слетел с катушек, а не я! Не я!».

– Иногда я столь явственно вижу в тебе врага, разрушившего нашу семью, что забываю видеть в тебе человека, остановившего стрельбу. Ты ведь действительно спасла ту девушку. А я тебя даже не поблагодарила за это?

Я отрицательно качнула головой, зная, что мама этого не увидит, но подозревая, что она почувствует это.

– Значит, она и правда твоя подруга?

– Да. И она мне очень нравится, – ответила я и пораженно осознала – это правда.

– Тогда переночуй у нее. Побудь с подругой. Повеселись.

У меня сжалось сердце. Я понятия не имела, как веселиться с этими людьми. Слово «веселье» мы понимали совершенно по-разному.

– Наверное, вы уже знаете, что от нас ушел папа, – сказала я, стоя спиной к доктору Хилеру и изучая содержимое его книжного шкафа.

Он сидел в кресле в своей привычной позе – перекинув ногу через подлокотник, указательным пальцем правой руки задумчиво водя по нижней губе.

– Мне рассказала твоя мама. Что ты об этом думаешь?

Я пожала плечами и подняла взгляд к стоящим на шкафу статуэткам. Фарфоровый слоник, врач и ребенок из коллекции «Precious Moments», отполированный кварц. Подарки от пациентов.

– Я уже знала об этом. И не удивилась.

– Порой то, чего ты ожидаешь, все равно причиняет боль, – отозвался доктор Хилер.

– Не знаю. Думаю, я давно перестала переживать из-за папы. Раньше

было больно... теперь... теперь я чувствую что-то вроде облегчения.

– Понимаю.

– Кстати, спасибо, что успокоили маму по поводу анорексии.

Я отошла от шкафа и плюхнулась на диван.

Доктор Хилер кивнул.

– Но тебе нужно есть. Ты же это понимаешь?

– Угу. Так я и ем. Даже набрала чуток веса. Не волнуйтесь. Я не пытаюсь похудеть.

– Знаю. Просто твоя мама волнуется. Иногда неплохо бы побаловать нас, стариков. Ешь при ней время от времени. Хорошо?

– Хорошо, – кивнула я. – Вы правы.

Он широко улыбнулся и радостно вскинул в воздух кулак:

– Опять прав! Нужно этим зарабатывать на жизнь!

Я закатила глаза, но, конечно же, засмеялась.

– О! Совсем забыла. Я кое-что вам принесла.

Доктор Хилер удивленно поднял брови и наклонился вперед за протянутым мной холстом, который я вытащила из рюкзака.

– Не стоило, – проронил он и развернул холст с портретом, который я нарисовала в прошлую субботу в студии Би. – Это потрясающе. Просто потрясающе! – пораженно воскликнул он. – Я понятия не имел, что ты умеешь так рисовать.

Я встала у него за спиной и посмотрела через его плечо на свой «Портрет Хилера». Не мужчины с темно-каштановыми волосами и сочувствующими глазами, с которым встречаюсь каждую субботу, а истинного Хилера – такого, каким я его вижу: море спокойствия, брызги солнца, луч света, ведущий меня сквозь глубокий и темный туннель под названием «моя жизнь».

– Да, – кивнула я. – Мне очень нравится рисовать. Женщина, у которой студия через дорогу, учит меня бесплатно. Еще я рисую в блокноте. Рисую вещи такими, какими их вижу. Не такими, какими все хотят чтобы ты их видел, а такими, какие они есть в действительности. Очень помогает. Хотя некоторые думают, что я веду еще один Список ненависти. Мне все равно. Их я тоже рисую.

Доктор Хилер осторожно пристроил холст на своем столе рядом с лампой.

– Можно мне посмотреть блокнот? Принесешь его в следующий раз?

Я робко улыбнулась.

– Хорошо. Принесу.

Дом Джессики Кэмпбелл пах ванилью. Он был кристально чист (равно как и минивэн, в котором ее мама подбросила нас до дома) и поражал яркими красками. Сиренево-голубой, травянисто-зеленой, золотисто-желтой. От подобной расцветки, будто взятой из рекламных роликов, пестрило в глазах.

Мы сидели за кухонным столом – Джессика, Меган, Шери Мэнсли, Маккензи Смит и я, – поедая мягкие крендельки, приготовленные мамой Джессики. Нам подали их на овальном блюде, с пиалами, наполненными горчицей, соусом барбекю и плавленым сыром. На блюде красовалась написанная вручную молитва «Отче наш».

Джессика с Шери болтали о Дуге Хобсоне, с которого в начале недели в спортивном зале сдернули штаны. Девчонки беспечно смеялись, небрежно забрасывая в рот крендельки. Я смотрела на них со странным ощущением, что сижу в зрительном зале кинотеатра и гляжу на экран. Меган с Маккензи читали в журнале статью о стрижках. Я сидела в дальнем конце стола, молча поклеывая крендель.

Мама Джессики, стоя у раковины, с улыбкой поглядывала на дочь. Она смеялась каждый раз, как девчонки вспоминали что-нибудь смешное, но не влезала в их разговор. Улыбка время от времени таяла на ее губах, когда она бросала взгляд на меня. Я старалась не обращать на это внимания.

Поев, мы поднялись в спальню Джессики, где она включила незнакомую мне песню. Девчонки начали танцевать, переговариваясь и издавая такие визгливые звуки, на которые мои собственные голосовые связки, наверное, не способны. Я поймала себя на том, что улыбаюсь, глядя на них. Если бы при мне был блокнот, я бы изобразила их такими, какими сейчас вижу. В кои-то веки я чувствовала, что вижу действительность.

Спустя некоторое время мама Джессики постучала в дверь, заглянула в комнату и с белозубой улыбкой сообщила, что ужин готов. Спустившись, мы нашли на стойке домашнюю пиццу. Трех видов. С идеальной коричневатой корочкой. Идеально запеченным мясом. Идеально мягкими и нежными овощами. Ровненькую, сдобренную чесночным маслом и тщательно покрытую сыром. Такую пиццу жаль было есть.

Я не смогла удержаться от мысли: что случилось бы с мамой Джессики, если бы я не помешала Нику? Если бы она потеряла свою дочку? Она бы все равно готовила идеальную пиццу и украшала кухонный стол вазочками с лимонами и зажженными ванильными свечами? Она не

похожа на человека, смотрящего на издевательства сквозь пальцы. Ей известно, что Джессика звала меня Сестрой смерти? Разочаровалась ли она в дочери из-за того, как та ко мне относилась? Разочаровалась ли в себе из-за того, что воспитала дочь, способную глумиться над другими? И что бы случилось, будь она моей мамой? Что принесло бы ей большую боль – смерть дочери или ее возможное участие в стрельбе?

После ужина мы загрузились в машину Джессики и поехали на вечеринку. Мама Джессики провожала нас, стоя на пороге, махала на прощание рукой, как дошколятам, впервые выехавшим на экскурсию. Путь к дому Алекса был неблизкий и по проселочным дорогам. Вскоре я перестала ориентироваться. Никогда не ездила этими дорогами и понятия не имела об их существовании.

Кирпичный сельский дом Алекса пристроился на отшибе за яблоневым садом. В его окнах не горел свет, и он выглядел несколько зловеще в ночи, несмотря на запруженную машинами подъездную дорожку. Огромные ворота за ней были открыты и вели на пастбище. Сейчас оно напоминало автомобильную стоянку. На вечеринку что, вся школа приехала?

Джессика припарковала свою машину рядом с остальными, и мы вышли. Слева грохотала музыка. Впереди виднелся амбар, двери его были распахнуты, а за ними – сияние ультрафиолета и мельтешенье цветных бликов, вырывающихся на подстриженную траву.

Слышались смех, девчачий визг и обычные для фермы звуки: лай собаки вдалеке, время от времени – мычание, лягушачье кваканье у пруда.

Джессика, Меган, Маккензи и Шери чуть ли не рысцой побежали к амбару, возбужденно переговариваясь и подтанцовывая в ритме музыки. Я молча следовала за ними, нервно покусывая нижнюю губу. Сердце гулко билось в груди, ноги словно налились свинцом.

Амбар был битком забит, и я не смогла найти девчат в море людей. Протолкавшись сквозь толпу, я оказалась у гигантской металлической бадьи, заполненной льдом и напитками. Покопавшись в ней минуту, я среди пива все-таки обнаружила газировку. Со смерти Ника я ни глотка спиртного не сделала – боялась сорваться.

– Не хочешь чего покрепче? – спросили у меня за спиной.

Я повернулась и увидела Джоша с пивом в руке.

– Это же вечеринка!

Он шагнул ко мне, выхватил у меня из руки газировку и бросил ее в бадью со льдом. Достал мне бутылку пива и открыл ее.

– На, – сверкнул он улыбкой, обнажившей все зубы.

Трясущимися руками я взяла у него бутылку.

Я подумала о Нике. О наших с ним вечеринках. Мы посмеивались над тем, как веселятся ребята, подобные Джессике и Джошу. Ник был бы разочарован, если бы увидел, что я пью пиво с Джошем. Только теперь уже не важно, что подумал бы обо всем этом Ник, потому как его больше нет. От этой мысли сжалось сердце, и я сделала большой глоток пива.

– Ты пришла с Джесс? – спросил Джош, перекрикивая музыку.

Я кивнула и снова отхлебнула пива.

Мы некоторое время слушали музыку, наблюдая за толпой. Джош допил пиво и кинул пустую бутылку к груде других, лежащих за тюком сена. Полез в бадью и, слегка пошатываясь, достал еще одну.

Я глотнула пива и с удивлением осознала, что осушила уже полбутылки. В ногах и руках потеплело, в голове появилась легкость. Может, прийти на эту вечеринку было прекрасной идеей? Я снова отпила пива и начала покачивать головой в такт музыке.

– Хочешь потанцевать? – спросил Джош.

Я оглянулась – убедиться, что он говорит со мной. На собраниях ученического совета Джош даже не смотрел в мою сторону. И он не обрадовался мне за обеденным столом. Перемена в его поведении была слишком... разительной.

– Я с тобой говорю, – засмеялся Джош.

И я засмеялась. Хохотнула, сама себе удивившись. Коснулась губами бутылки и обнаружила, что она пуста. Я бросила ее за тюк сена – послышалось звяканье – и достала себе из бадьи вторую. Джош вырвал ее у меня из руки, открутил крышку и вернул.

– Я больше не танцую, – ответила я, глотнув пива. – Моя нога... – Я опустила взгляд. Нога как нога. И не болит сейчас. Я хлебнула пива.

– Идем, – наклонился ко мне Джош, забросив руку на мои плечи. – Никто даже не заметит.

Я снова глотнула пива и облизала губы.

Джош приятно пах. Мужским гелем для душа. Похожим пользовался Ник. Мне так нравилось, как пах Ник! Сердце заныло от внезапно нахлынувшей тоски. Грудь, точно тисками, сдавило одиночество. Я закрыла глаза и откинула голову на руку Джоша. Под опущенными векамиплыли пятна. Я улыбнулась, открыла глаза и осушила бутылку. Отбросив ее, схватила Джоша за руку.

– Чего мы ждем тогда? – закричала я. – Идем танцевать!

Удивительно, с какой легкостью дались мне движения. Точнее, с какой легкостью они вернулись ко мне. Когда-то я обожала танцевать. И теперь,

опьяневшей, мне сложно было оставаться в реальности. Я помнила, как тысячи раз танцевала в объятиях Ника, как его дыхание касалось моей шеи, когда он говорил: «Ты потрясающая, знаешь об этом? Школьные танцы – отстой, но я хотя бы танцую с самой потрясающей девушкой в зале».

Быстрая мелодия сменилась медленной, и я позволила Джошу крепко себя обнять. Прильнула к нему и закрыла глаза. Рукава его кожаной куртки мягко поскрипывали у щек, и я наслаждалась и этим звуком, и его ароматом, и ощущением жесткой футбольной эмблемы у уха. С закрытыми глазами я могла вообразить, что вдыхаю запах кожаной куртки Ника и прижимаюсь ухом к одной из ее молний. Что он говорит мне о своей любви. О том, что всегда меня любил.

Проникнувшись фантазией, я распахнула веки, чтобы взглянуть в глаза Ника, но с удивлением увидела Джоша.

– Мне нужно проветриться, – сказала я. – Голова кружится. Наверное, слишком быстро выпила две бутылки.

– Конечно, – ответил он. – Хорошо.

Мы с трудом протолкались сквозь собравшуюся в амбаре толпу наружу. На улице тоже тусовались ребята – целовались, обжимались, курили среди бликов света и звуков музыки, льющихся из открытой двери. Мы зашли за угол амбара, где не было никого. Джош уселся на траву. Я плюхнулась рядом с ним и вытерла ладонью выступившие на лбу капли пота.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Последние месяцы я не то что не танцевала, а вообще никакими упражнениями не занималась. Подустала.

– Никаких проблем. Я тоже рад передохнуть.

И он улыбнулся мне искренней улыбкой. И эта вечеринка была классной, совершенно не похожей на те, которые представлялись нам с Ником.

Послышался шелест травы. Из ближайших кустов вывалились трое парней и направились к нам. В одном из них я узнала брата Меган Троя. Двух других я тоже видела с ним не раз, но имен их не знала.

– Чем это ты тут занят, Джоши? – спросил Трой, возвышаясь над нами со скрещенными руками. – Милуешься с подружкой убийцы? Рискованно! Эй, я слышал, ее заводят убийства.

Улыбка Джоша потухла, как погасшая лампочка. Лицо привычно ожесточилось.

– С ней? Да ни за что. Я просто приглядываю за ней. Ради Алекса. Не хочу, чтобы она натворила тут дел.

Поразительно, но его слова были как удар под дых. Они причинили

мне почти физическую боль. А я-то, дура, решила, что Джош проявляет ко мне интерес. Опять не разглядела действительности. Сейчас я была прежней слепой Валери. Голова гудела, к глазам подступили слезы. Идиотка! Вал, ты полная идиотка.

– Спасибо, но я не нуждаюсь в няньке, – сказала я. Постаралась произнести это жестко и холодно, но дрожь в голосе выдала меня и я сжала губы. – Можешь идти, – добавила я, когда смогла их снова разлепить. – Мне уже пора уходить.

Трой сел на корточки, сжал мои колени ладонями и уставился мне в глаза. Его близость была тревожна и неприятна.

– Да, Джоши, ты можешь идти. Я сам побуду с Сестрой смерти.

– Клево, – ответил Джош, поднялся на ноги и пошел прочь.

Заворачивая за угол амбара, он оглянулся. Клянусь, на его лице было написано сожаление. Но как мне теперь доверять тому, что я вижу? Наверное, хуже меня никто не читает чувства и мысли людей. Пора ставить на лбу клеймо – «наивняк».

– А если она будет плохо себя вести, – Трой наклонился ко мне так близко, что мои волосы зашевелились от его дыхания, – то я заговорю на ее языке. – Он сложил пальцы пистолетом и приставил их к моему виску.

– Отвали, Трой, – прорычала я, зло отпихнув его.

Попыталась встать, но он впился рукой в мою ногу, почти нажимая мизинцем на шрам.

– Ай. Ты делаешь мне больно. Отпусти.

– Что это с тобой? – глумился Трой. – Всю борзость растеряла без своего бойфренда?

Мне на ухо попала слетевшая с его губ капля слюны.

– Алекс сказал, что ты придешь сегодня сюда. Похоже, твои новые приятели не в восторге от того, что ты тусишь на их вечеринках.

– Алекс мне не приятель. Я пришла сюда с Джессикой. Неважно. Я уже ухожу. Отпусти меня.

Пальцы Троя еще сильнее впились в мою ногу.

– Моя сестра была тогда в кафетерии, – прорычал он. – Из-за тебя и твоего долбанного бойфренда у нее на глазах погибли друзья. Ей все еще снятся кошмары. Твой парень получил по заслугам, а тебя даже не посадили. Это несправедливо. Ты должна была подохнуть в тот день, Сестра смерти. Все жалеют, что этого не случилось. Оглянись. Где Джессика? Почему вы не вместе, если она так сильно хотела видеть тебя на вечеринке? Даже подружки, с которыми ты сюда пришла, не хотят находиться рядом с тобой.

– Отпусти меня, – повторила я, отцепляя его пальцы.

Но он лишь усилил хватку.

– Знаешь, твой бойфренд ведь не единственный, кто может раздобыть ствол.

Трой медленно поднялся, потянулся к ремню на джинсах и вытащил из-за него что-то маленькое и темное. В лунном свете блеснуло дуло нацеленного на меня пистолета. Ахнув, я вжалась спиной в амбарную стену.

– Твой парень-псих стрелял из такого пистолета? – спросил Трой, задумчиво повертев его в руке. – Ты узнаешь его? – Он нацелил пистолет на мою ногу. – Не так уж и сложно такой достать. Мой папаша прячет его за потолочной балкой. Если бы я хотел, то тоже бы мог угрожать неугодных мне людей, как это сделал Ник.

Я старалась не смотреть на пистолет, пыталась заставить себя быть сильной, подняться и попробовать убежать, но не могла оторвать взгляда от посверкивающего в руке Троя оружия. Обмякшее и бесполезное тело не слушалось. В ушах звенело, как в день стрельбы, и казалось, я не могу вздохнуть. На меня грозили обрушиться картины бойни в столовой.

– Перестань, – просипела я. На глаза навернулись слезы, и я вытерла их дрожащими пальцами.

– Держись подальше от моей сестры и ее подруг, – велел Трой.

– Кончай с этим, Трой, – проворчал его приятель. – Я уже трезветь начал. Эта штука даже не заряжена.

На губах глядящего на меня Троя расплылась улыбка. Он демонстративно покачал пистолетом и засмеялся, будто происходящее было большой и веселой шуткой.

– Ты прав, – согласился он. – Потопали отсюда.

Трой сунул пистолет за ремень и пошел с друзьями в амбар.

Я сидела на траве, и из груди рвались рваные, сдавленные звуки – нечто среднее между рыданиями и хрипами. Казалось, глаза вылезут из орбит. В голове крутилась одна единственная мысль: бежать, бежать отсюда быстрее! С трудом поднявшись, я со всей мочи помчалась через пастбище к дороге, не обращая внимания на боль, пронзающую ногу каждый раз, когда ступня ударяла о землю.

Я бежала, пока хватало дыхания, потом перешла на шаг. Сначала брела по проселочной дороге, затем – по мощеной, идущей вдоль железнодорожных путей, ведущих к шоссе. Один раз присела на бордюр у пруда – перевести дыхание и дать отдохнуть ноющей ноге. Передохнув, подползла на карачках к пруду, улеглась на живот и ополоснула лицо

холодной водой. После этого уселась в джинсах прямо на влажную землю и уставилась в чистые, обещающие покой небеса.

В конце концов я дошла до бензоколонки на шоссе.

Вытащила из кармана мобильный и набрала номер папы. Тот самый, который добавляла в контакты с мыслью: «Я никогда его не наберу. Никогда не позвоню папе».

После двух гудков папа ответил на звонок.

– Пап? Ты можешь за мной приехать?

32

Папа приехал за мной в пижаме, хмурый и напряженный, стискивая ладонями руль. Когда я скользнула на сиденье рядом с ним, он смотрел не на меня, а прямо перед собой. На его скулах играли желваки.

– Ты пила? – спросил он, выезжая на дорогу со стоянки бензоколонки.

Я кивнула.

– Черт возьми, Валери! Ты поэтому мне позвонила? Потому что напилась?

– Нет. – Я откинула голову на спинку сиденья. – Я не пьяная.

– От тебя несет спиртным.

– Я выпила всего пару бутылок пива. Пожалуйста, не говори маме. Пожалуйста! Это ее убьет.

Он бросил на меня взгляд, красноречиво говорящий: «А как насчет меня?». Но вслух этого не произнес. Может, осознал, что не я одна убиваю маму. Он тоже приложил руку к гибели ее чаяний и надежд.

– Не могу поверить, что твоя мама отпускает тебя на вечеринки, – пробормотал папа себе под нос.

– Может, она просто пытается мне доверять?

– Чего ей делать не стоит, – припечатал он, вырывая на шоссе.

Мы ехали молча. Время от времени папа с недовольной гримасой на лице покачивал головой. Я наблюдала за ним, задаваясь вопросом: как мы до этого дошли? Как мужчина, который бережно держал в руках свою новорожденную дочь и нежно целовал ее крохотное личико, может, не дрогнув, выкинуть ее из своей жизни и из своего сердца? Как так вышло, что он способен лишь осуждать и обвинять ее, попавшую в беду и умоляющую о помощи: «Папа, пожалуйста, приди за мной, спаси меня!». Как эта дочь может, глядя на него, не чувствовать ничего, кроме презрения, злости, отвращения и осуждения, потому что именно эти чувства исходили

от него все последние годы и, словно зараза, перекинулись на нее?

То ли из-за алкоголя, то ли из-за ссадины на душе после угроз Троя, то ли из-за всего вместе, но я не смогла сдержать поднявшуюся изнутри ярость. Он – мой отец. Он должен защищать меня или хотя бы беспокоиться, если я прошу забрать меня посреди ночи из какой-то глухомани, звоня с бензоколонки.

– Это почему? – вырвалось у меня прежде, чем я успела себя остановить.

– Почему что? – глянул на меня папа.

– Почему маме не стоит мне доверять? Почему ты постоянно и упорно выставляешь меня плохой?

Я уставилась на его профиль: повернись и посмотри мне в глаза!

Папа не повернулся.

– В последнее время я веду себя очень хорошо, но тебе плевать.

– И все же ты умудрилась сегодня вляпаться в неприятности, – отозвался он.

– Ты понятия не имеешь о том, что сегодня случилось, – вскипела я. – Для тебя и так все ясно: раз дело касается меня, значит, я в чем-то провинилась. Ты мог хотя бы притвориться, что тебе не наплевать на меня. Мог хотя бы попытаться понять.

Папа коротко и зло рассмеялся.

– Я скажу тебе, что я понимаю, – едко произнес он. Тоном, каким говорит в суде. – Я понимаю, что, предоставленная сама себе, ты попадаешь в неприятности. Я понимаю, что хотел провести приятный и спокойный вечер с Брили, а ты опять все испортила.

– Ну прости, что потревожила твою идеальную маленькую жизнь с идеальной маленькой Брили, – фыркнула я. – Прости, что тебя потревожила твоя настоящая семья. Но если ты не...

– Я понимаю, что твоя мама распустила тебя, – оборвал меня папа, и его громкий голос разнесся по салону: – Если бы я был дома, то не отпустил бы тебя ни на какую вечеринку!

Меня аж затрясло.

– Но тебя не было, папа! В том-то и дело. Тебя никогда нет рядом. Даже когда ты был дома, ты все равно был не с нами. Брили – не твоя семья. Я – твоя семья. Я. А Брили просто... дурацкая любовница.

Папа резко крутанул руль, и «лексус» свернул на обочину. Ехавшая позади машина взвизгнула тормозами и засигналила. Водитель медленно объехал нас, сверля папу гневным взглядом. Папа не заметил этого. Он вышел из машины, широким шагом обогнул ее, дернул на себя мою дверцу,

больно схватил меня за плечо и вытащил из машины. Я вскрикнула и чуть не упала. Он притянула меня к себе, стискивая пальцами плечо.

– Послушай меня, юная леди, – процедил он сквозь сжатые зубы. – Пора тебе кое-что уяснить. Ты, черт возьми, жила хорошей жизнью. Ты просто избалованная паршивка. И я по горло сыт тем... – он встряхнул меня и забрызгал мне подбородок слюной, – что ты разрушаешь чужие жизни. Или ты возьмешь себя в руки и будешь вести себя нормально, или я выкину твою задницу из машины. И даже не вздумай огрызаться, поняла меня?

Я смотрела на него округлившимися глазами, прерывисто дыша. Плечо болело, ноги дрожали. Злость испарилась. Ее прогнал страх. Я с трудом кивнула.

Папа слегка расслабился, но еще не закончил. Он продолжал зло и отрывисто говорить сквозь стиснутые зубы:

– Хорошо. А теперь я отвезу тебя к Брили, которая – нравится тебе это или нет – тоже моя семья. И лучше не лезь к ней, пока будешь с нами. Если же ты не сможешь вести себя нормально одну гребаную ночь, то я сразу отвезу тебя домой. У тебя будет всего пять минут на то, чтобы собраться и навсегда убраться из нашей семьи. Точка. И не испытывай мое терпение.

Рядом с нами затормозил серебристый автомобиль, со стороны пассажира опустилось стекло. Из него с интересом и беспокойством выглянула женщина.

– Здесь все хорошо? – спросила она.

Сначала мы с папой даже не пошевелились, застыв и глядя друг другу в глаза в тени подъехавшей машины. Тяжело дыша и гневно раздувая ноздри, папа, наконец, отпустил мое плечо.

– Все нормально, – ответил он, обходя капот.

– Мисс? – обратилась женщина ко мне. – Вы в порядке? Нам вызвать для вас кого-нибудь?

Я с усилием, словно под водой, повернулась и посмотрела на нее.

Женщина молча помахала мобильным, который держала в руке. Ее взгляд метнулся к папе, когда он открыл водительскую дверцу и сел в машину. Часть меня хотела кинуться к ней, нырнуть на заднее сиденье ее автомобиля и умолять увезти меня отсюда. Куда угодно увезти.

Вместо этого я покачала головой и машинально приладила рукав, появившийся под пальцами папы.

– Я в порядке. Спасибо.

– Уверены? – уточнила женщина.

Ее машина начала медленно отъезжать

– Да, – кивнула я.

– Хорошо, – с сомнением отозвалась она. – Доброй ночи.

Она не сводила с меня глаз, пока стекло в ее окне поднималось.

Машина удалилась и исчезла в ночи.

Я прислонилась к папиной машине. Меня трясло и мутило. Сердце бешено стучало в груди. Я сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, потом села в машину и закрыла дверцу. Остальную часть пути мы молчали.

Брили ждала нас на пороге квартиры, закутавшись в пушистый розовый халат. Оглядев меня, она испуганно посмотрела на папу.

– Что случилось?

Папа бросил ключи на столик и прошел в квартиру. Я робко следовала за ним, украдкой осматриваясь. Чувствовалось, что здесь живет папа, хотя его вещей видно не было. Во всяком случае знакомых мне вещей. Они все остались у нас дома. Поэтому тут все что угодно может принадлежать ему. В гостиной преобладала кожаная мебель черного цвета, в углу располагался телевизор с плоским экраном, два гигантских книжных шкафа ломились от книг. На кофейном столике стояли два бокала с недопитым красным вином. Мне представилось, как папа с Брили отдыхают в пижамах и халатах, как они смотрят Леттермана^[14], держась за руки и пригубляя вино перед сном. И тут звонит телефон. Закатила ли Брили глаза, когда он ушел? Пыталась ли его удержать?

За стенкой открылась и закрылась дверца холодильника.

Я застыла столбом в коридоре, ощущая на себе взгляд Брили.

– Идем, – тронула она меня за плечо. Не так, как папа в офисе коснулся ее, выдав их своим нежным жестом. – Я дам тебе пижаму.

Я вошла за ней в небольшую прохладную спальню. Брили указала мне рукой на кровать. Я села, а она принялась искать в комодке пижаму.

– Держи, – протянула она мне одежду. Отошла и, уперев руки в бедра, уставилась на меня. – Он – твой отец. И заслуживает знать, что случилось.

Я опустила взгляд на свои колени.

– Может, тебе легче будет рассказать все мне? – спросила Брили.

Она не пыталась сюсюкать со мной, не нежничала и не касалась меня. Я была ей благодарна за это. Если бы она заправила прядь волос мне за ухо или погладила по спине, то у меня бы сорвало крышу. Брили же просто села рядом со мной на постель и уперлась ладонями в матрас.

– Расскажи все мне, а я передам ему. В любом случае ему нужно знать, что произошло. Ты не останешься здесь, если будешь молчать. Я сама позвоню твоей маме.

Я все ей рассказала. Брили ни разу меня не перебила и не попыталась обнять. Когда я закончила, она встала и пригладила на бедрах халат.

– Можешь переодеться в ванной. Она слева, – сказала Брили и вышла из комнаты.

Вскоре я уже сидела по-турецки на кожаном диване, пила молоко, которое принесла мне Брили, и слушала, как они с папой ругаются в кухне.

– Ему нельзя спускать это с рук, – приглушенно говорила она. – И ты это знаешь.

– Ей страшно. Ты же не можешь этого не понимать. – Папа голоса понижать не стал. – Кроме того, она сегодня не станет меня слушать. Это ясно как день.

Мне хотелось бы порадоваться тому, что я вызвала ссору. Что я внесла разлад в их счастливую семейную жизнь. Вроде как я посмеялась последней. И это после папиных угроз. Однако я не чувствовала радости. Я ощущала лишь усталость и какое-то оцепенение. И еще я чувствовала себя глупой. Невероятно глупой.

– Ей и так в школе приходится тяжело. Он ей ничем не навредил. Да и не учится он в школе. Он ее давно закончил, – сказал папа.

– При чем здесь это, Тед? Он ей угрожал. Он ее до смерти напугал. И у него был пистолет.

– Незаряженный. Мы даже не знаем, настоящий ли он был. К тому же... не нам решать, как поступить. Пусть ее мама разбирается с этим, если она вообще расскажет ей о случившемся. Дженни отпустила ее на вечеринку, пусть сама и улаживает проблему.

– Ей сейчас нужен родитель, Тед.

– Но ты ей не родитель! – взревел папа.

У меня челюсть от такого отпала, и даже стало жаль Брили. Должно быть, она как-то отреагировала на слова папы, потому что он понизил голос и унял свою злость.

– Прости... прости меня. Знаю, ты хочешь, чтобы мы были одной семьей, но сейчас еще слишком рано. Ты не родитель ей. Пока. Я ее отец.

– Тогда води себя соответствующе, – приглушенно отозвалась Брили.

Послышались шаги – шлепанье тапок о паркет в коридоре. В спальне тихо закрылась дверь. В кухне громко вздохнул отец. Снова раздались шаги. Папа вошел в гостиную.

– Утром я отвезу тебя домой, – ровным голосом произнес он. – Ты собиралась переночевать у какой-то девушки? Она не позвонит твоей маме, обнаружив, что тебя нет?

– Я уже позвонила ей на мобильный. Сказала, что ты за мной заедешь,

так как мне нехорошо. Она не будет меня искать.

Папа кивнул.

– Послушай. – Он вздохнул и потер лоб. – Как адвокат я советую тебе сообщить в полицию об угрозах этого парня. Посмотрим, что они скажут. Так у них хотя бы будет твое заявление.

– Я подумаю об этом.

– Подумай хорошенько. – Папа пару секунд помолчал. – И ты должна рассказать о случившемся маме.

– Знаю, – ответила я.

Ни за что не сделаю этого. Эта вечеринка была ее Южной Дакотой. И потом, он прав. Я же не эксперт по стволам. Может, пистолет действительно был липовым. Я в этом не разбираюсь.

Папа повернулся, чтобы уйти.

– Не засиживайся допоздна, – он указал на подушку и одеяло, лежащие рядом со мной на диване. – Рано утром я отвезу тебя домой. У меня завтра дела.

Он выключил напольную лампу, и гостиная погрузилась во тьму.

Я вытянулась на диване и до рези в глазах таращилась в потолок. Боялась тех образов, которые могут прийти при закрытых веках. Многие из них были слишком пугающими. Кто знает, какие из них подкинет мозг. Одно я знала точно: я устала бояться. Но любой путь, какой бы я ни выбрала сейчас для себя, пугал до чертиков.

Стало ясно еще кое-что. Папа никогда не изменит своего мнения обо мне. На переубеждение не стоит тратить силы и время. Он уже все решил.

Ранним утром папа отвез меня домой. По дороге мы не произнесли ни слова. Когда он припарковался у дома, казалось, тот еще спит под серым, не посветлевшим небом.

– Скажи Фрэнки, что я заберу вас в субботу утром, – заговорил папа. – Сходим в кафе или в кино.

– Скажу, – кивнула я. – Но сама, наверное, останусь дома.

Папа помолчал, рассматривая мое лицо. Потом коротко кивнул.

– Я не удивлен.

Вернувшись домой, я дотащилась до своей комнаты, плюхнулась в подушку лицом и отрубилась. Позже за мной зашла мама – пора было ехать на сеанс терапии. Я отмахнулась, пообещав вечером позвонить доктору

Хилеру. Сказала, что мы с Джессикой поздно легли спать и я не выспалась.

Однако после ухода мамы сон не шел. Я перевернулась на спину и уставилась в потолок. Полежав так какое-то время, поднялась и попросила маму отвезти меня к Би.

– Божечки, – воскликнула Би, взглянув на меня, когда я часом позже вошла в ее студию. – Ну и дела.

Больше она ничего не сказала, но, возобновив работу над каким-то украшением, жалостливо покачивала головой и цокала языком.

Би я тоже ничего не рассказала. Хотела, чтобы меня никто не трогал. Хотела просто рисовать и позабыть обо всем на свете.

Я достала с полки черный холст и прикрепила его к мольберту. А потом так долго смотрела на него, что, казалось, вот-вот вернется мама и найдет меня сидящей перед пустым холстом, во тьме которого мне одной видны тысячи картин.

Наконец я взяла кисть и застыла с ней над палитрой. Какой выбрать цвет?

– А ты знала, – проворковала Би, выудив ногтями из коробочки блестящую зеленую бусину и вплетая ее в браслет, – что некоторые ошибочно думают, будто кисти могут лишь красить? Удивительно, какими ограниченными бывают люди.

Я уставилась на свою кисть. И руки вдруг начали действовать самостоятельно, будто не раз уже проделывали подобное. Пальцы перевернули кисть и сжались вокруг щетины в кулак. Я поднесла ручку кисти к холсту и сначала надавила на нее слегка, затем – сильно. Кисть проткнула холст с легким треском, образовав дырку посередине. Я вытащила ее, поглядела на получившееся отверстие и сделала еще одно почти рядом с первым.

Сказать, что я создавала что-то сознательно, было бы неправдой. В голове не пробежало ни единой мысли. Я лишь сознавала, что двигаются руки и что с каждым проколом холста меня охватывает непередаваемое облегчение. Не этого чувства я искала, но именно оно изливалось из меня на полотно.

Получилось десять проколов. Я покрасила их красным и окружила чернотой, сбрызнутой каплями воды – они создали ощущение потоков от слез.

Я откинулась на спинку стула и взглянула на свою работу. Жутковатую, темную и хаотичную. Как лицо монстра. Или это мое собственное лицо? Сложно сказать. Это образ зла или меня самой?

– И того и другого, – отозвалась Би, словно я задала вопрос вслух. – Но

так не должно быть. Боже мой, нет.

И все же в это мгновение я поняла, что нужно делать. Трой в чем-то был прав. Мне нет места ни возле Джессики, ни возле Меган, ни возле Джоша. Мне нет места в ученическом совете. Нет места рядом со Стейси и Дьюсом. Рядом с моими родителями, которые слишком много страдали. Рядом с Фрэнки, который с легкостью сходится с людьми.

Кого я обманываю? Мне и рядом с Ником не было места. Я предала его, внушила ему, что мы верим в одно и то же, что я буду на его стороне несмотря ни на что, даже если он кого-то убьет.

Би ошибается. Я на самом деле и монстр, и печальная девушка. Этих двоих теперь не разделить.

Кисть выпала у меня из руки. Стукнув об пол, забрызгала мои штанины краской.

Я сделала вид, что не слышу Би, кричавшую мне в спину слова ободрения и утешения.

– Ты не можешь сейчас все бросить, – заявила Джессика, недовольно сдвинув брови. На ее лбу образовалась морщинка. – У нас осталась всего пара месяцев на завершение проекта. Нам нужна твоя помощь. Ты согласилась участвовать в проекте.

– А теперь выхожу из него. – Я хлопнула дверцей шкафчика и направилась к стеклянным дверям.

– Да в чем твоя проблема-то? – зашипела Джессика, догнав меня.

На миг я почти увидела, как в ней промелькнула прежняя Джессика, почти услышала эхо ее голоса: «На что уставилась, Сестра смерти?». Мне даже стало легче.

– В этой школе! – процедила я сквозь зубы. – В твоих дурацких друзьях. Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Хочу закончить школу и убраться отсюда. Ты этого не понимаешь? Почему ты постоянно пытаешься сделать меня кем-то, кем я не являюсь? – Я не сбавила шага.

– Господи, когда уже ты наконец перестанешь петь свою любимую песню «я не одна из вас», Валери?! Сколько раз тебе повторять, что это не так? Я думала, мы с тобой подруги!

Я резко остановилась и развернулась к ней лицом. Это было ошибкой. Увидев на лице Джессики обиду, я сразу почувствовала себя виноватой. Но мне нужно было во что бы то ни стало избавиться от нее. От ученического

совета. От Меган. От Алекса Голда, который так страстно желал отделаться от меня, что попросил Джоша понянчиться со мной, а Троя – припугнуть меня на вечеринке. Мне нужно было наконец избавиться от неуверенности, сомнений и боли.

Я могла бы рассказать Джессике правду о произошедшем на вечеринке. Она настолько сильна духом, что убедила Меган меня принять. Такая как она, наверное, запросто вломится в дом к Трою и голыми руками арестует его. Мне представилось, как Джессика заставляет каждого в школе принять меня, хотя бы они того или нет. Достало быть благотворительным проектом «Гарвина» и всегда находиться в центре внимания. Я больше не выдержу.

– Ты ошибалась. Мы не подруги. Я шла тебе навстречу только потому, что винила себя за Список. Твои друзья не хотят видеть меня рядом с собой. И я более не хочу быть рядом с ними. Ник не выносил вашу маленькую компанию. Как и я.

Ее лицо покраснело.

– Если ты еще не заметила, Валери, Ник мертв. Поэтому больше не имеет значения, что он думал. Да и никогда не имело, кроме тех нескольких минут в мае. Но я считала тебя другой. Лучше. Ты спасла мне жизнь! Забыла?

Я сузила глаза в щелки, делая вид, что обладаю равной ей уверенностью.

– Ты так и не поняла? Я не собиралась тебя спасать. Я просто хотела остановить стрельбу. На твоем месте мог быть абсолютно любой.

Лицо Джессики осталось бесстрастным, но дыхание стало прерывистым и тяжелым. Видно было, как поднимается и опадает ее грудь.

– Я тебе не верю, – отозвалась она. – Ни единому слову не верю.

– А ты поверь. Потому что это правда. Заканчивайте свой проект без меня.

Я развернулась и пошла прочь.

Голос Джессики прозвенел мне в спину, когда я почти достигла входных дверей.

– Думаешь, мне легко?

Я остановилась и повернулась к ней. Она стояла на прежнем месте с перекошенным от неконтролируемых эмоций лицом.

– Мне легко? – Джессика бросила рюкзак на пол и медленно пошла ко мне, прижав ладонь к груди. – Как бы не так! Меня все еще мучат кошмары. Я все еще слышу звуки выстрелов. Все еще... вижу лицо Ника каждый раз, когда... смотрю на тебя. – Она заплакала. У нее как у ребенка

задрожал подбородок, но голос был ровным и сильным. – Ты мне не нравилась... раньше. Я не могу этого изменить. Мне пришлось ссориться с друзьями, чтобы они приняли тебя. Пришлось ссориться с родителями. Но я хотя бы пытаюсь...

– Никто не просил тебя этого делать, – заметила я. – Никто не говорил, что ты обязана быть мне подругой.

– Ошибаешься, – отчаянно замотала головой Джессика. – Меня обязало второе мая. Я выжила, и это все изменило.

– Ты сумасшедшая, – ответила я, но мой голос дрогнул и выдал неуверенность.

– А ты эгоистичная, Валери. Если ты сейчас меня бросишь, значит, ты махровая эгоистка.

Она стояла в нескольких шагах от меня, однако я думала лишь об одном – как побыстрее сбежать отсюда, эгоистично это с моей стороны или нет.

Я вышла на улицу. Ввалилась в машину мамы и откинулась на спинку сиденья. На сердце лежала тяжесть. Подбородок подрагивал, горло перехватывало.

– Едем домой, – попросила я маму.

35

– По-прежнему не хочешь говорить? – спросил доктор Хилер, усаживаясь в кресло.

Он протянул мне кока-колу.

Я ничего не сказала. Ни слова не произнесла с тех пор, как он вышел за мной в приемную. Не ответила, хочу ли кока-колу, когда он мне ее предложил, никак не отозвалась, когда он сказал, что сходит за напитками и сразу вернется. Я угрюмо сидела на его диване, откинувшись на подушки и сложив руки на груди.

Мы некоторое время посидели в молчании.

– Принесла мне блокнот? – прервал его доктор Хилер. – Я все еще хочу посмотреть твои рисунки.

Я покачала головой.

– Сыграем в шахматы?

Я подвинулась на диване, чтобы оказаться напротив шахматной доски.

– Знаешь, – неспешно произнес доктор Хилер, переставляя фигуру, – я начинаю думать, что тебя что-то сильно расстраивает. – Он перевел взгляд

на меня и улыбнулся. – Я как-то читал книгу о человеческом поведении. Поэтому мастерски определяю, когда человек расстроен.

Я не ответила ему улыбкой. Опустила взгляд на доску и сделала свой ход.

Дальше мы играли молча и я всю игру обещала самой себе, что ничего не расскажу доктору Хилеру. Что вернусь к старому доброму состоянию покоя и отрешенности, которое убаюкивало меня в больнице. Буду сворачиваться клубочком внутри себя, пока совсем не исчезну. И никогда ни с кем не заговорю. Была лишь одна проблема: с доктором Хилером невероятно сложно молчать. Он слишком заботлив. Слишком безопасен.

– Хочешь поговорить? – спросил он, и по моей щеке скатилась слеза.

– Мы с Джессикой больше не дружим. – Я зло смахнула слезу. – И я даже не знаю, почему из-за этого плачу. Нас настоящими подругами-то нельзя было назвать. Глупо.

– Как так вышло? – Доктор Хилер откинулся в кресле, забыв о шахматной доске. – Она сказала, что такая неудачница как ты не стоит ее дружбы?

– Нет. Джессика никогда бы подобного не сказала.

– А кто тогда сказал? Меган?

– Нет.

– Джинни?

– Я не видела Джинни с первого учебного дня.

– Хм, – покачал головой доктор Хилер и задумчиво уставился на доску. – Значит, ты сама себе это говоришь?

– Она все еще хочет быть моей подругой, – добавила я. – Но я не могу.

– Потому что кое-что случилось, – произнес он.

Я вскинула на него глаза. Он сидел со скрещенными руками и водил указательным пальцем по нижней губе, как делал всегда, когда выуживал из меня информацию. Я вздохнула.

– Случилось. Но я не из-за этого оттолкнула Джессику.

– То есть это просто совпадение?

Покачивая головой, я дала волю слезам.

– Я просто хочу об этом забыть. Хочу, чтобы это никогда не повторилось. Мне все равно никто не поверит, – прошептала я. – Никому до меня нет дела.

Доктор Хилер наклонился вперед и заглянул мне прямо в глаза.

– Мне до тебя есть дело. Мне не все равно.

И я верила ему. Если кого и беспокоит происшествие на вечеринке с Троем, то доктора Хилера. Тот груз, который я спокойно держала на душе

всю неделю, вдруг показался непосильным и даже болезненным. К своему удивлению, я в следующую секунду уже вываливала все начистоту. Молчание больше не приносило успокоения.

Я все рассказала доктору Хилеру. К концу моего рассказа он сидел напряженный, с яростно горящим взглядом. Мы вместе позвонили в полицию и сообщили об угрозе Троя. Нам пообещали разобраться с этим, заметив, что в данном случае мало что можно сделать, особенно если пистолет был ненастоящим. Но никто не смеялся надо мной. Не сказал, что я это заслужила. Не обвинял меня во лжи.

Когда сеанс закончился, доктор Хилер проводил меня до приемной, где меня дожидалась мама, в одиночестве читая журнал.

– Теперь ты должна рассказать о случившемся ей, – сказал доктор Хилер.

Мама с испугом, приоткрыв рот, перевела взгляд с него на меня.

– И с сегодняшнего дня ты будешь в поте лица работать над собой, – предупредил он. – Просто отчитываться передо мной я теперь тебе не позволю. Ты серьезно поработала, но впереди тебя ждет еще больше работы.

Но мне не хотелось работать над собой, и тем более в поте лица. Добравшись до дома, я думала лишь о том, как завалюсь в постель спать.

По дороге я рассказала обо всем маме. В том числе о папиной угрозе на шоссе. Пока я говорила, она выглядела равнодушной и безучастной, а когда я закончила, ничего не ответила. Но стоило нам приехать домой, как она сразу позвонила папе. Поднимаясь вверх по лестнице, я слышала, как мама громко обвиняет папу в том, что он обо всем знал и ничего ей не сказал. Что он поехал за мной, не сообщив ей. Что его нет дома, когда его присутствие необходимо.

Спустя какое-то время хлопнула входная дверь и мама снова заговорила. Я приоткрыла свою дверь и посмотрела вниз. На пороге стоял раздосадованный папа, уперев руки в бедра.

Он был в обычной одежде. Странно. По рабочим дням он до темноты сидит в офисе. Затем я заметила пятна краски на его рубашке. Выходит, у него сегодня выходной и он занят покраской стен в квартире Брили. Обустраивает их уютное гнездышко. Я тихо закрыла дверь и подошла к окну. В машине у дома сидела Брили.

Снова послышалось взволнованное бормотание мамы.

– А что я должен был сделать?! – прогремел в ответ голос папы. Секундное молчание. – Отправь ее обратно в гребаную психушку! Мне плевать, что там этот психотерапевт говорит о прогрессе!

Хлопнула входная дверь.

Я снова подошла к окну. Папа сел в машину к Брили и уехал.

Вскоре после его ухода я почувствовала движение у двери и приоткрыла глаз. К косяку прислонился Фрэнки. Он казался старше своего возраста с короткой стрижкой, в расстегнутой рубашке поверх футболки и выцветших фирменных джинсах. Кожа на его лице была неестественно гладкой, не сходящий со щек румянец придавал ему невинный и вечно смущенный вид. Может, он и правда смущался. Или стыдился. И было чего, учитывая, с чем столкнула его жизнь.

С тех пор как папа от нас ушел, Фрэнки практически переехал жить к своему лучшему другу Майку. Я слышала, как наша мама благодарила маму Майка за понимание и говорила, что ей нужно уладить дела со своей старшей дочерью. Похоже, перемены в брате вызвало проживание с семьей друга. Мама Майка из тех идеальных мамочек, у которых дети не укладывают нагеленные волосы высоким ежиком и уж точно не оказываются в школе на месте стрельбы. Фрэнки – хороший ребенок. Даже я это вижу.

– Хей, – сказал он. – Ты в порядке?

– Да, – кивнула я и села. – Просто устала.

– Они на самом деле собираются отправить тебя в лечебницу?

Я закатила глаза.

– Папа сказал это в сердцах. Хочет отделаться от меня и моих проблем.

– Тебе нужно лечение? Ну, ты немножко того?

Меня это рассмешило. Я тихо засмеялась, отчего заболела голова. Я мотнула ею. Нет. Я не чокнутая. Во всяком случае, мне так кажется.

– Они просто расстроены. Переживут.

– Если тебя все-таки туда отправят... – начал брат и запнулся. Поводил по одеялу пальцем с обгрызенным ногтем. – Я тебе буду писать.

Мне хотелось обнять его. Утешить. Сказать, что ему не придется мне писать, так как я ни за что не вернусь в дурацкую психиатрическую палату. Что я буду держаться подальше от папы и он постепенно успокоится. Хотелось пообещать ему, что наша семья оклемается, что нам даже станет лучше. Но я ничего не сказала. Мне показалось гуманнее промолчать, нежели в чем-либо его заверять. В конце концов, откуда мне знать, как все сложится?

Лицо Фрэнки вдруг просветлело.

– Папа подарит мне квадроцикл! – возбужденно воскликнул брат. – Он сказал мне об этом вчера по телефону. И покажет, как на нем ездить. Правда, здорово?

– Правда, – как можно убедительнее согласилась я. Мне было очень приятно снова видеть улыбку Фрэнки и его радостное лицо, но я ни на грамм не верила, что папа хоть что-нибудь ему купит. Подобный подарок можно ждать от... заботливого, любящего отца... а мы оба знали, что наш отец таким не был.

– Ты тоже сможешь на нем кататься, – предложил брат. – Ну, если ты будешь иногда приходить к папе.

– Спасибо. Повеселимся тогда.

Фрэнки посидел еще немного со мной, явно испытывая при этом неловкость – обычное состояние парней, когда они делают что-то по принуждению. Будь я хорошей сестрой, отпустила бы его, но мне нравилось сидеть рядом с ним. От брата веяло чем-то таким, от чего у меня на душе становилось хорошо. От него веяло надеждой.

Однако вскоре он поднялся.

– Мне пора к Майку. Мы сегодня вечером идем в церковь. – При последнем слове Фрэнки смущенно опустил голову.

Он направился к двери.

– Увидимся, – скованно бросил брат и вышел.

Я завалилась на подушки и уставилась на мчащих в никуда лошадей. Закрыла глаза, и как в детстве, попыталась вообразить себя верхом на одной из них. Не получилось. Почему-то представлялось, как лошади снова и снова сбрасывают меня и я падаю попой на землю. И у этих лошадей были лица – папино, мистера Энгерсона, Троя, Ника. Мое.

Сдавшись, я перевернулась на спину. И, глядя в потолок, наконец-то осознала, что нужно сделать. Я не могу изменить прошлого. Но если я хочу когда-нибудь вновь обрести себя, то должна попроситься с ним. «Завтра, – пообещала себе я. – Завтра же сделаю это».

Хоть я никогда и не была на могиле Ника, я прекрасно знала, где она находится. Во-первых, пару месяцев после стрельбы ее постоянно показывали в новостях. Во-вторых, достаточно наслушалась о ней от других людей.

Я не сказала никому, куда иду. Да и кому говорить? Маме? Она бы расплакалась, запретила мне сюда идти и, возможно, поехала бы за мной, крича на меня из открытого окна машины. Папе? Мы с ним сейчас не особенно общаемся. Доктору Хилеру? Сказала бы, но я не знала, что

соберусь на могилу Ника, когда была на последнем сеансе. Наверное, стоило сказать ему. Возможно, он бы подвез меня и нога не болела бы как проклятая от долгой ходьбы. Друзьям? Я выкинула их всех из своей жизни – так или иначе.

Пройдя несколько рядов ухоженных могил с новенькими отполированными надгробиями и свежими букетами, я нашла могилу Ника между надгробиями его дедушки Элмера и тетушки Мази. Ник рассказывал мне о них.

Я с минуту постояла над могилой Ника. Ветер, только начавший прогонять зиму, вился вокруг лодыжек, продирая до костей. Все было к месту – мое отчаяние, тяжесть на сердце, холод, ветер, серость. Могилам ведь и полагается быть такими? Во всяком случае их всегда такими показывают в фильмах. Мрачными и холодными. Солнце хоть когда-нибудь проглядывает, когда приходишь к месту вечного упокоения любимого человека? Сомневаюсь в этом.

Надгробие Ника блестело. На выгравированных на нем словах лежала густая тень, и все же я могла их различить:

Николас Энтони Левил

1990–2008

Любимый сын

Меня поразили слова «Любимый сын». Крохотные, написанные курсивом, почти невидимые в траве. Будто написанные в извинение.

Я подумала о маме Ника.

Конечно, я видела ее по телевизору, но на экране она казалась другой, не такой, какой я ее помнила. Я знала ее как Ма – так звал ее Ник. Она всегда принимала меня любезно. Всегда держалась в стороне, давая нам с Ником возможность заниматься своими делами. Никогда не давила на нас и никогда не указывала, как нам себя вести. Это было классно. Мне она нравилась. Я часто представляла ее своей свекровью и наслаждалась этой фантазией.

Конечно, Ма хотела, чтобы Ника запомнили «любимым сыном». Конечно, она сделала это насколько возможно сдержанно – шепнула эти слова ему крохотными буквами на надгробии. Мне так и слышался ее шепот: *«Ты был любим, сын. Любим мной. И даже после всего случившегося я помню и нежно люблю тебя. И никогда не забуду».*

В металлической вазе на надгробии стоял букет пластиковых голубых роз. Я наклонилась и коснулась хрупкого лепестка. Интересно, хотелось бы

Нику видеть на своей могиле цветы? Эта мысль ошеломила меня. За три года нашего знакомства я даже не потрудилась узнать, любит ли он цветы. И если его любимый цветок – роза, то не показался бы ему нелепым неестественный голубой цвет? Незнание этого ощущалось страшной трагедией.

Я опустилась на колени, не обращая внимания на прострелившую ногу боль. Протянула руку и провела пальцем по имени Ника. «*Николас*». Я усмехнулась, вспомнив, как дразнила его.

– Николас, – пропела я, юркнув за угол между столовой и кухней с фоторамкой, которую только что стащила с каминной полки. – О, Николас! Иди ко мне, Николас!

– Ты об этом пожалеешь, – отозвался он из гостиной. В его голосе слышался смех.

Ник ненавидел, когда его звали полным именем, но я знала, что он хочет поймать меня не для того, чтобы наказать, а для того, чтобы подурочиться.

– Когда я доберусь до тебя... – Он выпрыгнул из-за угла с криком: – Ага!

Я взвизгнула и с хохотом помчалась через кухню, а затем наверх, к ванной.

– Николас, Николас, Николас! – кричала я сквозь смех.

Ник, смеясь, бежал за мной по пятам.

– Николас Энтони!

– Ну все! – возопил он, кинулся вперед и схватил меня за талию прямо у самой ванной. – Сейчас ты за все заплатишь!

Ник свалил меня на пол, плюхнулся сверху и защекотал до слез.

Как же давно это было.

Я снова провела пальцем по его имени на надгробии. И еще раз. Казалось, ощущение шероховатых букв возвращает мне прежнего Ника – того, который щекотал меня в коридоре на полу возле ванной.

– Я не ненавижу тебя, – прошептала я и повторила, уже громче: – Не ненавижу.

С дерева слева отозвалась на мои слова сойка. Я поискала ее взглядом среди ветвей и листьев, но не нашла.

– Самое время, – произнес голос позади меня.

Вздрагнув, я развернулась и завалилась с колен на задницу.

На бетонной скамейке за моей спиной сидел Дьюс – наклонившись вперед, свесив руки между колен.

– Давно ты тут? – спросила я, приложив ладонь к груди и пытаясь

унять бешено стучащее сердце.

– Я прихожу сюда каждый день с его смерти. А ты?

– Я не об этом спросила.

– Знаю.

Мы с минуту смотрели друг на друга. Дьюс бросал своим взглядом вызов. Так готовый к драке пес сверлит взглядом другую собаку.

– Так чего ты пришла сюда сейчас? – поинтересовался Дьюс.

Я не отвела глаз, принимая его вызов и бросая свой.

– Ты не можешь меня прогнать. И я вообще не понимаю, почему ты во всем винишь меня. Ты был его лучшим другом. И тоже мог остановить стрельбу.

– Но Список вела ты, – заметил Дьюс.

– А ты ночевал у него за два дня до стрельбы, – рывкнула я и, смягчившись, добавила: – Мы целый день можем препираться. Это глупо. И никого не вернет.

Подъехала машина. С заднего сиденья осторожно выбрался пожилой мужчина и с букетом цветов направился к расположенной рядом могиле. Со склоненной головой, почти касаясь подбородком груди, он медленно опустился на колени.

– Копы и мне вопросы задавали, – произнес Дьюс, наблюдая за мужчиной. – Они думали, я причастен к стрельбе, потому что много общался с Ником.

– Правда? Я об этом не слышала.

– Знаю, – с кислой миной ответил он. – Ты же думала только о себе. Бедняжка Валери! Тебя же подстрелили. Ты же горевала. Ты же была подозреваемой. Ты не подумала ни о ком из нас. Ни разу не спросила, как мы. Ты нас бросила.

Я потрясенно уставилась на него. Он прав. Когда Стейси навестила меня, я не спросила у нее, как дела у остальных. Я никому не позвонила. Не написала имейл. Я ничего не сделала. Мне и мысли такой не пришло.

– Боже, – выдохнула я. В голове отчетливо раздался голос Джессики: «А ты эгоистичная, Валери». – Простите. Я не думала...

– Детектив Панзелла практически жил в моем доме, чтоб его. Забрал у меня комп и все гаджеты, – продолжил Дьюс. – Но больше всего меня изводила мысль, что я действительно не знал о плане Ника. Он никогда не говорил со мной об убийстве. Он даже меня не предупредил.

– Меня он тоже не предупредил, – почти шепотом отозвалась я. – Мне так жаль, Дьюс.

Кивнув, он пошарил в кармане, вытащил сигарету и неспешно

закурил.

– Я чувствовал себя идиотом из-за того, что ничего не знал. Все думал: может, я зря считал нас хорошими друзьями? И винил себя. Если бы я знал, то мог бы что-нибудь сделать. Помочь Нику. А сейчас... не знаю. Может, он не сказал нам ничего, чтобы мы не были замешаны в этом.

Я насмешливо фыркнула.

– Если он хотел, чтобы мы не были замешаны в этом, то лажанулся.

– Точняк, – тихо рассмеялся Дьюс.

Пожилой мужчина с трудом поднялся на ноги, запахнул поплотнее куртку и направился к своей машине. Я проводила его взглядом.

– Помнишь, как мы вместе ездили в «Serendipity»? В водный парк? – спросила я.

– Да уж, – фыркнул Дьюс. – Ты в тот день нас достала. Все время ныла. То тебе холодно, то ты есть хочешь. Капала нам на мозги и капала. И совершенно не давала Нику повеселиться.

– Угу. – Я бросила взгляд на надгробие Ника. «*Николас Энтони*». – В конце дня вы слиняли от нас и мы со Стейси вас обыскали. А когда наконец нашли, вы поедали печенье в компании двух блондинок с Маунт-Плезант...

– Они были секси, – разулыбался Дьюс.

Я кивнула.

– А ты помнишь, что я сказала Нику, когда мы вас нашли?

Дьюс отрицательно покачал головой. Улыбаясь. Свободно опустив руки.

– Я сказала, что ненавижу его. Так и сказала: «Я ненавижу тебя, Ник». – Я нагнулась, подняла сухой лист и начала крошить его пальцами. – Думаешь, он знает, что я это не всерьез сказала? Он ведь не умер с мыслью, что я его ненавижу? Это было вечность назад, и мы в тот день помирились. Но иногда я пугаюсь: вдруг он помнил те мои слова? Вдруг в день стрельбы... когда я пыталась его остановить, он вспомнил их и поэтому себя убил? Считая, что я ненавижу его.

– Может, ты и ненавидишь его.

Поразмышляв над этим, я покачала головой.

– Я его очень сильно любила. – Я горько рассмеялась и снова покачала головой. – И в этом моя роковая вина. – Так сказал бы Ник, будь я страдальцей из его любимых трагедий Шекспира.

Послышался шорох одежды. Дьюс передвинулся на край скамейки и похлопал по ней. Я поднялась и села рядом с ним. Он взял меня за руку. На нем были перчатки. Его тепло передалось моим пальцам и

распространилось по всему телу.

– Думаешь, он сделал это для меня? – тихо спросила я.

Дьюс задумался, затем плюнул себе под ноги.

– Думаю, он сам ни хрена не понимал, зачем это делает.

Такую возможность я не рассматривала. Может, я не знала о плане Ника, потому что он сам еще ничего не планировал?

Дьюс отпустил мою ладонь – без его тепла она тут же снова замерзла – и обнял меня одной рукой. Ощущение было странноватым, но не неприятным. Дьюс был близким другом Ника, и мне чудилось, что я чувствую руку Ника, его тепло. Я положила голову на плечо Дьюса.

– Можно у тебя кое-что спросить? – задал он вопрос.

Я кивнула.

– Если ты его очень сильно любила, то почему не приходила сюда?

Я задумчиво покусала губу.

– Мне не верилось, что он здесь. Куда бы я ни посмотрела – везде виделся он. Казалось невозможным, чтобы хоть какая-то частичка его была здесь.

– Знаешь, он ведь был моим лучшим другом, – сказал Дьюс.

– И моим.

– Знаю. – Его голос слегка напрягся. – Ладно, неважно.

Мы некоторое время посидели молча, глядя на могилу Ника. Небо потемнело, ветер усилился и листья вихрились вокруг моих лодыжек. По ногам бегали мурашки. Когда я задрожала от холода, Дьюс убрал руку и поднялся.

– Мне пора.

Я кивнула.

– Увидимся.

После ухода Дьюса я посидела еще пару-тройку минут. Смотрела на надгробие Ника, пока не заслезились глаза, а пальцы на ногах не занемели от холода. Наконец я встала и смахнула с надгробия лист.

– Прощай, Ромео, – произнесла тихо.

Я шла прочь, дрожа и не оглядываясь, хотя знала, что больше никогда не приду на могилу Ника. Он был *«любимым сыном»* Ма. Вырезанные на граните слова ничего не говорили обо мне.

У нашего дома стояла полицейская патрульная машина. За ней –

автомобиль папы и выдавший виды красный джип. Меня ледяной волной окатил ужас. Я доплелась до дома и вошла внутрь.

– Слава богу! – закричала мама, бросилась из гостиной ко входной двери и обняла меня за шею. – Слава богу!

– Мам?.. Что?..

За ней из гостиной вышел офицер в форме. С недовольным видом. Последовавший за ним папа выглядел мрачнее тучи. Я заглянула в гостиную и увидела доктора Хилера. Он сидел на диване, уставший и хмурый.

– Что происходит? – спросила я, отстраняясь от мамы. – Доктор Хилер? Что-то случилось?

– Мы уже собирались звонить в «Эмбер алерт»^[15], – дрогнувшим от ярости голосом произнес папа. – Господи, что будет дальше?!

– В «Эмбер алерт»? Зачем?

Ко мне подошел полицейский.

– Вряд ли тебе понравится, если тебя будут ловить как убежавшего из дома подростка, – заявил он. – Учти на будущее.

– Убежавшего подростка? Я никуда не убегала. Мам...

Офицер направился к двери, и мама последовала за ним, благодаря его и извиняясь. На его плече трещала рация, и я не слышала большую часть их разговора.

Доктор Хилер поднялся, натянул куртку и подошел ко мне. На его лице отражались одновременно растерянность, грусть, злость и облегчение. Мне на ум снова пришли мысли о его семье. Я опять нарушила его семейный покой и уют? Мечтает ли его жена, чтобы я навсегда убежала?

– Была на могиле? – очень тихо спросил он.

Ни мама, ни папа его не услышали.

Я кивнула. Он кивнул в ответ.

– Увидимся в субботу, – сказал он. – Тогда и поговорим.

Затем он так же тихо поговорил в дверях с мамой – теперь извинения слышались с обеих сторон, – пожал папе руку и вышел.

Офицер добежал до полицейской машины. Доктор Хилер сел в свой джип и уехал безо всяких фанфар.

– Мне пора возвращаться, – сказал папа маме. – Дай знать, если тебе понадобится что-нибудь. И я остаюсь при своем мнении. Ей необходима помощь, Дженни. Той, что она получает, недостаточно. Из-за нее мы все страдаем.

Он посмотрел на меня. Я отвела глаза.

– Я услышала тебя, Тед, – вздохнув, отозвалась мама. – Услышала.

Папа мягко похлопал ее по плечу и вышел за дверь.

Мы с мамой молча смотрели друг на друга в опустевшем коридоре.

– Ну и шоу ты устроила, – с горечью произнесла она. – Снова. К нам даже репортеры пожаловали. Снова. Доктору Хилеру пришлось их разгонять. Я поверила тебе, Валери, и посмотри, что опять случилось. Может, твой отец прав. Дай тебе палец, и ты руку откусишь.

– Прости. Я же не знала. Клянусь, я не убегала из дома. Я просто прошлась.

– Тебя не было полдня, Валери. Ты никому не сказала куда идешь. Я думала, тебя похитили. Или сделали что похуже. Думала, тот парень, Трой, выполнил свою угрозу.

– Прости. Я правда не хотела вас пугать.

– Чушь, – раздался голос сверху.

Мы обе посмотрели на второй этаж. Там стоял Фрэнки – в футболке и боксерах, с всклокоченными волосами.

– Фрэнки, – хотела остановить его мама, но он ее оборвал.

– Папа прав. Она только создает всем проблемы.

– Я попросила прощения. Что еще мне сделать? Я не хотела создавать никаких проблем. Я пошла на кладбище, заговорила с Дьюсом и потеряла счет времени. Я должна была позвонить. Простите.

– С Дьюсом Барнсом? – испуганно взглянула на меня мама.

Я опустила глаза.

– О, Валери, он же один из них, – выдохнула она. – Из таких как Ник. Неужели ты ничему не научилась? Ты столько всего пережила, а теперь снова шляешься с мальчишками в поисках новых неприятностей?

– Да ничего подобного.

– У меня сегодня были футбольные пробы, – крикнул сверху Фрэнки. – Но я не смог на них пойти, потому что мама с папой из-за тебя сходили с ума. Боже, Валери, я пытался быть на твоей стороне, но ты думаешь только о себе. Ты считаешь, что вы с Ником были жертвами. Но даже теперь, когда Ника нет, ты продолжаешь делать близких несчастными. Это невыносимо. Правильно папа говорит. Ты невыносима. Меня достало то, что моя жизнь вращается вокруг тебя. – Он ушел в свою комнату и громко хлопнул дверью.

– Очень мило, – указала мама на место, где только что стоял Фрэнки. – Почему ты не даешь нам хотя бы день провести спокойно? Я тебе доверилась, а ты...

– А я не сделала ничего плохого! – почти прокричала я. – Я погуляла, мам! Я не портила тебе день. Ты сама испортила его своим недоверием.

Мама ошеломленно распахнула глаза и открыла рот.

– Когда до вас дойдет наконец?! Я ни в кого не стреляла! Я не делала этого! Перестаньте обращаться со мной как с преступницей. Я сыта по горло тем, что вы вините во всем меня!

В комнате Фрэнки со скрипом приоткрылась дверь, но сам он не выглянул.

Я прикрыла веки и глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться. Последнее, чего мне сейчас хотелось, – еще сильнее расстроить брата.

– Я сходила попрощаться с Ником, – ровным тоном продолжила я, открыв глаза и взглянув на маму. – Радуйся. Его больше нет в моей жизни. Может, хоть теперь ты сможешь мне доверять.

Мама закрыла рот и опустила руки.

– Что ж, – произнесла она после долгого молчания, – по крайней мере ты в безопасности.

Она повернулась и поднялась по лестнице, оставив меня в одиночестве у входной двери. Наверху со щелчком вновь закрылась дверь Фрэнки.

Да. В безопасности.

Фрэнки стал в будни жить с папой, а на выходные возвращаться домой. Мама божилась, что это не из-за меня, но после устроенной им сцены, конечно же, в это не верилось. Брат даже ушел не попрощавшись. Я чувствовала себя виноватой. Никогда не хотела причинить боль Фрэнки. Никогда не хотела, чтобы его жизнь вращалась вокруг моей. Но похоже, у меня как-то само собой получается ранить других.

К тому времени как весна вошла в полную силу, Фрэнки подстригся под стать футбольным игрокам и нацепил очки. Вот уж не думала, что он может выглядеть настолько мужественно.

Он мало со мной общался. Лишь коротко сообщал о том, как поживают папа с Брили, когда мамы не было рядом.

– У папы новая машина, – говорил он. Или: – Брили милая, Вал, дай ей шанс. Она слушает панк, приколись? Ты можешь представить маму слушающей панк?

Я делала вид, будто мне плевать на то, что происходит между папой и Брили, но однажды, пока брат был в душе, залезла в его рюкзак, достала мобильный и пошарила в фотографиях. Нашла снимки папы с Брили, уселась на пол и разглядывала их до рези в глазах.

Развод был практически оформлен, однако я заметила, что мамин адвокат Мэл частенько заходит к нам по вечерам. Порой – с горячими сэндвичами и бутылкой вина. И еще я заметила, что в дни его прихода мама наносит макияж. А потом радостная и воодушевленная сидит с ним за кухонным столом, смеется и касается пальцами его руки.

Мне это неприятно, и я стараюсь не думать об этом, но время от времени задаюсь вопросом: каким отчимом будет Мэл? Однажды я подняла эту тему. Зардевшись, мама ответила:

– Я еще не развелась с твоим отцом, Валери.

Но ушла при этом с мечтательным выражением лица, поглаживая кольцо и нежно улыбаясь, прямо как Золушка наутро после бала.

Хотя мы с Дьюсом искренне поговорили на могиле Ника, в школе между нами ничего не изменилось. Мы по-прежнему не общались. Не встречались перед уроками на трибунах. Не обедали за одним столом. Я уболтала миссис Тейт разрешить мне обедать вместе с ней в ее кабинете, пообещав просматривать в это время университетские каталоги.

Настало время года, когда уроки в школе кажутся скучными и нескончаемыми. Сидишь в классе, слушаешь доносящийся из открытых окон веселый птичий щебет и чудится, будто время тянется как резиновое и часы громоздятся один на другой.

И домашка с приближением выпускного кажется глупой. Словно нас заставляют заполнять время. Разве мы уже не выучили того, что нам нужно знать? Неужели нельзя нас просто отпустить на улицу и дать поиграть как в детстве? Старшеклассники этого не заслуживают?

Второе мая пришло и ушло, ничем не ознаменовавшись. Утром мы провели минуту молчания, после чего по интеркому вместе с утренними сообщениями перечислили имена жертв. В ближайших церквях провели ночную молитвенную службу. Но большинство людей прожило этот день совершенно обычно, не вспоминая о былой трагедии. И это всего лишь через год.

Все обсуждали выпускной. Вечеринку после него. Убийственные семейные посиделки в его честь. Что они наденут, как будут держать шапочки, чтобы те не свалились с головы, как подшутят над мистером Энгерсоном.

Такова школьная традиция. Каждый выпускник, пожимая на сцене руку директору, вкладывает в нее что-нибудь маленькое и незаметное. В один год это были орехи. В другой – монетки. В третий – мячики-попрыгунчики. Энгерсон вынужден все, что ему дают, класть в карман, и в конце церемонии его карманы сильно оттопыриваются под напором

огромного количества мячиков, монеток или орехов. По слухам, в нынешнем году ребята хотели надавать ему презервативов, но чирлидерши развернули против этого целую кампанию. Девчонки выступали за колокольчики, чтобы директор при малейшем движении звенел. Мне понравилась идея с колокольчиками. Хотя, как по мне, лучше бы ему ничего не давать. Бедняге Энгерсону и так досталось от нашего выпуска. Можно его и пожалеть. Просто пожать руку и все.

Когда же стихали разговоры о выпускном, начиналась болтовня об университетах. Кто будет учиться здесь? Кто собирается за границу? Кто вообще не будет никуда поступать? А вы слышали, что Джей Пи хочет вступить в «Корпус мира»? Какой еще «Корпус мира»? Чтобы заболеть малярией и помереть? Или чтобы местные боевики отрубили ему башку в хижине, скрытой банановыми зарослями?

Подобные разговоры не смолкали.

Каждый день за обедом миссис Тейт изводила меня вопросами о моих планах на будущее.

– Валери, еще не поздно получить стипендию для обучения в муниципальном колледже, – говорила она с болезненной гримасой на лице.

– Нет, – мотала я головой.

– Тогда что ты собираешься делать? – в конце концов сдалась она.

Я думала об этом не раз, уж поверьте. Что делать после окончания школы? Куда идти? Как жить? Остаться дома и дожидаться свадьбы мамы и Мэла? Переехать к папе, Брили и Фрэнки и попытаться наладить отношения, которые совершенно не нужны папе? Устроиться на работу и снять квартиру? Найти себе соседку по комнате? Влюбиться?

– Лечиться, – ответила я.

На полном серьезе. Мне нужно время, чтобы просто-напросто излечиться душой. А позже можно будет задуматься о будущем. Когда «Гарвин» спадет с моих плеч, точно тяжкий груз, и начнут забываться лица одноклассников. Троя. Ника. Когда начнет забываться запах пороха и крови.

Казалось, все шло нормально, своим чередом. До одной дождливой пятницы.

В коридорах пахло влажной скошенной травой. Из-за нависших над землей грозowych туч создавалось ощущение наступившего вечера. Прозвенел последний звонок, и в школе стояла оживленная суeta. Как обычно, я держалась в стороне от нее, сама по себе, дожидаясь момента, когда зачеркну очередную день в календаре – день, приближающий меня к выпускному.

Я стояла у своего шкафчика. Меняла учебник математики на учебник

естествознания.

– Как зовут ту девчонку, которая пыталась покончить с собой? – спросила находящаяся неподалеку девушка.

Я навестила уши и обернулась.

– Ты о чем? – поинтересовалась ее подруга.

– Ты не слышала? – округлила та глаза. – Пару дней назад себя пыталась убить старшеклассница. Наглоталась таблеток или перерезала запястья. Не помню. Какая-то Джинни.

Я ахнула и громко спросила:

– Джинни Бейкер?

Девушки растерянно посмотрели на меня.

– Что?

Я подошла к ним.

– Старшеклассница, которая пыталась покончить с собой. Ты сказала, ее зовут Джинни. Джинни Бейкер?

– Точно! – щелкнула пальцами девушка. – Ты ее знаешь?

– Да.

Я поспешно вернулась к своему шкафчику и закинула в него учебники. Хлопнула дверцей и направилась в административный корпус. Миновав секретарей, ворвалась в кабинет миссис Тейт. Она подняла на меня встревоженный взгляд.

– Я только что узнала о Джинни, – выпалила я, пытаясь отдышаться. – Вы не могли бы подкинуть меня к больнице?

В вестибюль психиатрического отделения больницы «Гарвин Дженерал» я вышла из лифта, прикусив ладонь. Меня подташнивало от страха. Казалось, оплошай я хоть чуть-чуть – и ко мне тут же кинутся из-за угла санитары, повяжут смирительной рубашкой, затащат в мою бывшую палату и заставят ходить на чеканутые групповые сеансы терапии. Заставят слушать идиотские высказывания доктора Дентли: «Позвольте мне повторить то, что я слышал, мисс Лефтман. Позвольте составить свое мнение о вас».

Я подошла к стойке регистрации. На меня подняла взгляд коротко подстриженная медсестра. Странно, но я не узнала ее. То ли пока я лежала тут, сознание затуманивали таблетки, то ли она новенькая. Скорее, верно последнее, так как медсестра тоже не выказала узнавания.

– Да? – спросила она с таким настороженным и подозрительным выражением лица, какое свойственно всем медсестрам психиатрического отделения. Будто я задумала испортить ей рабочий день, подготовив побег пациента.

– Я пришла навестить Джинни Бейкер.

– Вы член ее семьи? – Медсестра копалась в бумагах на своем столе, словно меня рядом нет.

– Сводная сестра, – солгала я, удивившись, с какой легкостью это сделала.

Медсестра оторвала взгляд от своих бумажек. Судя по выражению ее лица, она мне не поверила. Но что она могла сделать? Потребовать у меня тест ДНК? Вздыхнув, медсестра кивком указала себе за плечо.

– Палата 421, слева, – сказала она и вернулась к бумагам.

Я прошла мимо ее стойки в коридор, надеясь не столкнуться с кем-нибудь, кто прекрасно знает, что я не падчерица семьи Бейкер. Особенно с доктором Дентли. Глубоко вздохнув и не давая себе времени передумать, я вошла в палату 421.

Джинни лежала на кровати с приподнятым изголовьем, в окружении мониторов, с капельницей в руке. Она слепо смотрела на экран телевизора. На прикроватном столике перед ней стоял большой пластиковый стакан с полосатой согнутой трубочкой. Рядом с постелью сидела ее мама. Она тоже смотрела телевизор, по которому шло какое-то мелодраматичное дневное ток-шоу. Они не разговаривали. И похоже, обе сегодня не причесывались.

Миссис Бейкер первая заметила меня, когда я вошла в палату. Узнав, напряглась и слегка приоткрыла рот.

– Простите, что отвлекаю вас, – пропищала я.

На меня взглянула Джинни.

Боже, как же изуродовано ее лицо. Как мне ее жаль. Вид ее поврежденных скул и разодранных губ сильно шокирует.

– Что ты здесь делаешь? – тихо спросила она.

– Простите, что отвлекаю вас, – повторила я. – Можно с тобой поговорить?

Мама Джинни поднялась и встала за спинкой стула, словно отгораживаясь от меня. Казалось, она в любой миг схватит свой стул и начнет им отбиваться. Джинни посмотрела на маму и перевела взгляд на меня. Они обе промолчали. Я шагнула вперед.

– Я лежала в палате 416, – сказала я, почему-то посчитав это важным. – Лучше находиться на этой стороне коридора, потому как начиная с палаты 450 лежат те, кто страдает бессонницей.

В этот момент раздался знакомый голос и скрип подошв дешевых туфель. Сейчас меня вышвырнут отсюда. Как же не вовремя он пришел! Я еще не знала, что скажу Джинни, но мне необходимо было с ней поговорить.

– Как сегодня дела у Джинни? – спросил вошедший за моей спиной.
Доктор Дентли.

Прощупывая на запястье Джинни пульс, он без умолку болтал о том, каким чудесным был сеанс групповой терапии, и интересовался, как Джинни себя чувствует и как она спала. Он далеко не сразу заметил, что обе Бейкер все еще таращатся на меня. Заметив, обернулся.

На его лице отразилось удивление.

– Валери? Что ты здесь делаешь?

– Здравствуйте, доктор Дентли. Я навещаю Джинни.

Он отвернулся от Джинни и, положив ладонь мне на спину, мягко подтолкнул меня к двери.

– Учитывая обстоятельства, думаю, тебе не следует здесь находиться. Мисс Бейкер нужно время...

– Все в порядке, – прервала его Джинни, и доктор Дентли перестал выталкивать меня из палаты. Мы с ним посмотрели на нее, и она кивнула: – Я не против ее присутствия.

Оба – и доктор Дентли, и мама Джинни, – наверное, решили, что она спятила. У доктора Дентли, может, даже мелькнула мысль отправить ее в крыло для шизофреников.

– Правда, – заверила Джинни.

– И тем не менее, – недовольно прогремел доктор Дентли, – мне необходимо тебя осмотреть...

– Я подожду в коридоре, – тут же ответила я.

Джинни встревоженно кивнула. Судя по ее виду, она ни на секунду не хотела оставаться наедине с доктором Дентли.

Я вышла из комнаты, чувствуя облегчение: мне позволили остаться. Усевшись на полу возле палаты, слушала доносящийся из нее голос доктора.

Вскоре раздались шаги, и в коридор вышла мама Джинни. Увидев меня, она на мгновение остановилась. Если бы я не смотрела на нее, то вообще бы не заметила ее замешательства. Миссис Бейкер прочистила горло, опустила взгляд и пошла дальше. Она выглядела такой уставшей, словно годы не спала. Словно за всю жизнь ни разу не выпалась. Словно если ее положить в палату 456 – к Рональду, который любит всю ночь напролет отщипывать с локтей шелушащуюся кожу и петь старомодные

песни, – то она будет чувствовать себя как дома.

Миссис Бейкер почти прошла мимо меня, но внезапно остановилась.

– Я этого не предвидела, – сказала она с непроницаемым лицом и отвела взгляд. У нее был тусклый и глухой голос, будто голосовые связки тоже устали и не справлялись со своей работой.

Я уставилась на нее, не зная, стоит ли мне отвечать.

– Полагаю, я должна поблагодарить тебя за то, что ты остановила стрельбу, – бесцветно добавила она и пошла прочь по коридору. Глянув на пост медсестры, толкнула двойные двери и вышла.

Миссис Бейкер полагает, что должна меня поблагодарить... но все же не сделала этого. Тем не менее мне хватило и произнесенных слов.

Вскоре, насвистывая, из палаты вышел доктор Дентли.

Я поднялась.

– Доктор Хилер говорит, у тебя все хорошо. Надеюсь, ты принимаешь свои лекарства.

Я не ответила. Но доктор Дентли и не ждал от меня ответа. Он, не задерживаясь, пошел дальше, бросив на ходу через плечо:

– Ей нужен отдых, поэтому долго у нее не сиди.

Сделав пару глубоких вдохов, я снова вошла в палату.

Джинни вытирала глаза салфеткой. Я бочком прошла к стулу, стоящему подальше от кровати, и села.

– Он такой кретин, – сказала Джинни. – Я хочу уйти отсюда, а он меня не отпускает. Говорит, я представляю угрозу для самой себя и по закону обязана оставаться здесь. Идиотизм.

– Угу. Тех, кто совершил попытку самоубийства, они держат здесь не меньше трех дней. Но большинство остается на больший срок, потому что их родители напуганы. Твоя мама напугана?

Джинни насмешливо фыркнула и шмыгнула носом.

– Напугана – слабо сказано. Она в панике.

Мы с минуту помолчали, таращась в телевизор, по которому шел познавательный тележурнал. Во весь экран показали фотографию темноволосой девушки-знаменитости. Она не выглядела ни гламурной, ни счастливой. Она выглядела как любой другой подросток. Мне подумалось, что она немного похожа на меня.

– Когда Ник переехал сюда, мы сразу подружились, – ни с того ни с сего выдала Джинни. – Мы с ним вместе учились в девятом классе.

– Правда? – Ник никогда не рассказывал о дружбе с Джинни Бейкер. – Я этого не знала.

Она кивнула.

– Мы каждый день болтали. Он мне нравился. Был смышленным. И милым. Этим он меня и привлек. Он был очень милым.

– Знаю. – Неожиданно нашлось то, что нас с Джинни объединяет. Я не единственная видела в Нике что-то хорошее. Это видел еще один человек. Несмотря на свое изуродованное лицо.

Джинни опустила голову на подушку и закрыла глаза. Из-под ее век струились слезы, но она не пыталась их вытереть. Посидев в тишине, я наклонилась, выдернула салфетку из стоящей на стуле коробки и осторожно приложила ее к щеке Джинни.

Джинни вздрогнула слегка, но глаз не открыла и меня не остановила. Осмелев, я стала вытирать ее щеки, чувствуя под влажной салфеткой шрамы. Осушив ее лицо, откинулась на спинку стула.

– В конце года я начала встречаться с Крисом Саммерсом, – хрипло заговорила Джинни. – Крис взбесился, увидев, как я говорю с Ником. Он потерял голову от ревности. Наверное, с этого все и началось. Если бы я никогда не дружила с Ником, Крис бы не обратил на него внимания. А так он постоянно его доставал.

– Джинни... – начала я, но она покачала головой.

– Мне пришлось прекратить общение с Ником. Пришлось, потому что Крис никак не успокаивался. «Почему ты хочешь дружить с этим чмом?» – передразнила она Саммерса.

– Но это не ты, а Крис... – опять было начала я, и опять Джинни меня прервала.

– Я все думаю... если бы я не дружила с Ником... или если бы осталась его другом и запретила Крису цепляться к нему... может, стрельбы... – лицо Джинни перекосилось, и она не закончила предложения. – А теперь они оба мертвы.

Фотографии в тележурнале сменились снимком неизвестного мне рэпера. Он показывал на камеру какой-то жест, и на его шее висел здоровенный золотой знак доллара.

Джинни наконец открыла глаза, шмыгнула носом и уставилась на этого рэпера.

– Ты ни в чем не виновата, Джинни, – сказала я. – Не ты устроила все это. И я... сожалею о Кресе. Знаю, он тебе очень нравился.

Другими словами, в Кресе Джинни тоже видела что-то хорошее. И это делало ее лучше меня. Получается, Крис с Ником имели больше общего, чем отличного – оба пошли на поводу у дурных инстинктов.

Джинни отвела полные слез глаза от экрана телевизора и посмотрела на меня.

– Я хотела умереть с той минуты, как Ник сделал это со мной. – Она показала на свое лицо. – Ты не представляешь, сколько операций уже провели и сколько еще ждет меня впереди. Когда Ник начал стрелять, я не хотела умирать. Я молилась о том, чтобы он меня не убил. А теперь жалею, что он меня не прикончил. Стоит выйти на улицу, как все начинают шушукаться. «Какая жалость, – говорят они, думая, что я их не слышу. – Она была такой красавицей». *Была.* В прошедшем времени. Красота, конечно, не главное, но... – Джинни снова умолкла, однако я и так поняла ее мысль: быть красивой не главное, главное – не быть уродливой.

Я не знала, что сказать. Она была такой открытой со мной, такой храброй. Я опустила взгляд на свои джинсы и ткнула пальцем в разрез, видневшийся на штанине.

– Знаешь, – продолжила Джинни, – я не помню всего, что случилось в тот день. Но помню, что ты не стреляла. Я сказала об этом полиции. Пошла в полицейское управление вместе с Джессикой. Родители пришли в бешенство. Наверное, им было легче винить в случившемся живого человека. Они твердили мне, что я многого не знаю, что у меня могут быть провалы в памяти. Но я точно знаю, что ты ни в кого не стреляла. Видела, как ты побежала к Нику, чтобы его остановить. Видела, как ты опустилась на колени, пытаюсь помочь Кристи Брутер.

Я выписала пальцем круг в дырке на джинсах.

Джинни откинулась на подушки и устало прикрыла веки. Она сильно вымоталась душевно.

– Спасибо, – поблагодарила я очень тихо, глядя на свои джинсы, а не на нее. – И прости. Мне безумно жаль, что с тобой такое случилось. Тебе, наверное, не станет от этого легче, но я все еще считаю тебя красивой.

– Спасибо, – отозвалась Джинни.

Ее дыхание выровнялось, и она начала погружаться в дрему.

Мой взгляд упал на газету, лежащую на стуле, на котором до этого сидела мама Джинни. Огромными буквами кричал заголовок:

**ЖЕРТВА СРЕЛЬБЫ СОВЕРШИЛА ПОПЫТКУ СУИЦИДА.
ДИРЕКТОР ПОДТВЕРЖДАЕТ – В ШКОЛЕ «ГАРВИН» ПО-ПРЕЖНЕМУ
УСИЛЕННО ЗАБОТЯТСЯ О СПОКОЙСТВИИ И ЗДОРОВЬЕ УЧЕНИКОВ**

Статейка, конечно же, написана Анджелой Дэш.

Мне в голову пришла идея. Я схватила газету, сложила ее маленьким квадратом и сунула в задний карман.

– Я пойду. Тебе нужно поспать, а мне – кое-что сделать, – сказала я

Джинни и робко добавила: – Вернусь позже.

– Да, это было бы хорошо, – не открывая глаз, ответила Джинни.
Я направилась к двери.

40

– Думаю, тебе стоит это сделать, – сказал доктор Хилер, вылив полчашки кофе в раковину, расположенную в крохотной кухоньке при его кабинете.

Из больницы я отправилась напрямик к нему, не зная, куда еще идти, и понимая, что мне необходимо с кем-то поговорить. У доктора Хилера было «окошко» между двумя пациентами, и он уделил мне несколько минут. Я ходила с ним по офису, пока он собирал оставленные клиентами банки из-под газировки и подготавливал нужные бумаги.

– Напиши что-нибудь. Не обязательно текст с извинениями. Просто представь другим свой класс.

– В стихах?

– Стихи – хорошая идея. Но вообще – как угодно. – Доктор Хилер направился из кухни в кабинет.

Я шла за ним по пятам.

– И предложить выступить с этими стихами, ну или с чем-то другим, во время церемонии вручения дипломов?

– Ага. – Он смахнул кучку чипсов со стола в мусорную корзину.

– Мне.

– Тебе.

– Вы не забыли, что я – Сестра смерти? «Девушка, которая всех ненавидит». И которую все любят ненавидеть.

Доктор Хилер замер, потом наклонился вперед.

– Вот поэтому-то тебе и стоит это сделать. Ты – не та девушка, Вал. И никогда ею не была. – Он кинул взгляд на часы. – Меня ждут дела...

– Да, хорошо. Спасибо за совет.

– Это не совет, – ответил он, выходя за дверь. – Это твое домашнее задание.

41

– Можешь подождать меня здесь? – спросила я маму. – Я скоро

вернусь.

– Здесь? У редакции газеты? – удивилась она, глядя через лобовое стекло на кирпичное здание с надписью «Сан-Трибюн». – Что тебе здесь понадобилось?

– Мне нужно кое-что для школьного проекта, – ответила я. – Для памятного проекта. Хочу получить информацию от работающего тут репортера.

Наверное, тревожные колокольчики у мамы в голове не просто звонили, а гремели набатом. Не успела она вернуться с работы, как я попросила забрать меня из офиса доктора Хилера (а это было внеплановое посещение) и отвезти в редакцию «Сан-Трибюн», объяснив свое поведение коротко: «Обещаю, потом все тебе расскажу».

Мама не поверила ни в какой проект, но, видно, так радовалась тому, что за нами не следует полиция и на мне нет наручников, что решила на меня не давить.

– Мам, все хорошо, – уверила я ее, положив ладонь на дверную ручку. – Доверься мне.

Она одарила меня долгим взглядом, потом протянула руку и убрала мои волосы за плечо.

– Я тебе доверяю.

– Скоро вернусь, – улыбнулась я.

– Делай что нужно, – ответила мама, откинувшись на спинку сиденья. – Я тебя подожду.

Я выбралась из машины и вошла через двойные двери в вестибюль редакции «Сант-Трибюн». Сидящий у входа охранник без слов указал на журнал регистрации посетителей. Когда я расписалась в нем, он перевернул журнал и прочитал мое имя.

– Вы по какому вопросу?

– Мне нужно поговорить с Анджелой Дэш.

– Она вас ожидает?

– Нет. Но она много обо мне пишет, скорее всего, захочет со мной побеседовать.

На его лице было написано сомнение. Тем не менее он снял трубку телефона и что-то в нее пробубнил.

Через несколько минут ко мне неспешно вышла коренастая брюнетка в чересчур облегающей юбке и вышедших из моды сапогах. Она открыла дверь, впуская меня в редакцию.

– Валери Лефтман, – представилась я.

– Я знаю кто ты, – отозвалась Анджела Дэш грудным, немного

похожим на мужской голосом и устремилась вперед по коридору.

Мне пришлось ее догонять.

Репортерша свернула в маленький темный кабинет, освещенный лишь монитором компьютера. Я последовала за ней. Она уселась за стол.

– Сколько же раз я пыталась с тобой поговорить! – сказала она, уставившись в экран и неистово стуча пальцами по мышке. – Однако заботливые родители слишком оберегают тебя.

– Я только недавно узнала, что они отслеживают мои звонки. Но я все равно не стала бы с вами разговаривать. Тогда я почти ни с кем не говорила. Даже со своими заботливыми родителями.

Анджела вскинула на меня безразличный взгляд.

– Что тебя привело ко мне сейчас? Ты наконец-то готова говорить? Потому что если это так, вынуждена тебя огорчить: в тебе теперь нет никакой необходимости. История со стрельбой исчерпала себя. Кроме минуты молчания и попытки суицида в ней больше нет ничего нового. Старые новости нас не интересуют.

Эта репортерша выглядела совсем не такой, какой я ее себе представляла, зато вела себя именно так, как я и думала. Это придало мне храбрости. Я расстегнула молнию на сумочке, вытащила газету, которую забрала из больницы, и кинула ее на стол.

– Перестаньте писать подобные вещи. Пожалуйста.

Палец Анджелы Дэш замер на компьютерной мышке. Она сняла с носа очки, протерла стекла краем футболки, водрузила очки на место и недоуменно моргнула.

– Прости, что?

Я указала на газету.

– Вы пишете неправду. Все не так, как вы рассказываете в своих статьях. Из-за вас люди думают, что все наладилось и в школе сплошная дружба да любовь, но это не так.

Анджела закатила глаза.

– Я никогда не писала, что у вас там сплошная дружба да любовь...

– Из-за вас Джинни Бейкер выглядит какой-то суицидальной психопаткой, которая никак не может пережить случившееся, в то время как остальные давно живут своей жизнью, – продолжала я. – Это ложь. Вы даже не говорили с Джинни Бейкер. Ни разу. Вы разговаривали лишь с одним человеком – мистером Энгерсоном. И распространяете ложь, которую он хочет чтобы вы распространяли. Он боится потерять работу, поэтому делает вид, что в «Гарвине» все тип-топ.

Анджела Дэш уперла локти в стол, наклонилась ко мне и

самодовольно усмехнулась.

– Распространяю ложь? И где же ты сама берешь информацию? – спросила она.

– Из собственного опыта. Я учусь в этой школе каждый день. Я вижу, как люди относятся друг к другу. И Джинни Бейкер – не единственная, кто продолжает страдать. То, что мистер Энгерсон видит на самом деле, и то, что ему хочется видеть, – совершенно разные вещи. Вы никогда не были в нашей школе. Ни разу. Никогда не были у меня дома. Никогда не были на нашем футбольном матче, соревнованиях или танцах. Вы даже в больницу к Джинни не заглянули.

Анджела поднялась.

– Откуда тебе знать, где я была, а где нет?

– Перестаньте писать, – повторила я. – Перестаньте писать о нас. О «Гарвине». Оставьте нас в покое.

– Я приму к сведению твой совет, – с фальшивой любезностью ответила репортерша. – Но прости уж, если все-таки сначала я буду слушать своего редактора, а потом тебя.

Я впервые обратила внимание на то, какой приземистой она выглядит за своим столом, – человек, всегда представлявшийся мне гигантом, облеченным огромной властью.

– Мне нужно закончить статью. Может, подумаешь о написании своей собственной книги, раз тебе хочется видеть «правду»? Сама не умеешь писать – есть люди, пишущие за других.

В эту секунду я осознала: миру будет поведена та история о «Гарвине», которую хочет поведать ему мистер Энгерсон. Анджела Дэш – ленивая и глупая репортерша, которая все напишет под его дудку. Правда о «Гарвине» никогда не будет услышана, и я ничего не могу с этим сделать. А может, кое-что и могу?

Я поторопилась на улицу, к ожидающей меня в машине маме.

– Получила нужное для проекта? – спросила она, внимательно разглядывая мое лицо.

– В общем-то да. Думаю, я получила как раз то, что нужно.

Я не знала, поздно ли уже возвращаться в ученический совет или нет, но решила: попытка – не пытка. До конца учебного года осталась всего пара недель, и мне хотелось поделиться с Джессикой задумкой, связанной с

памятным проектом.

Я нерешительно вошла в кабинет, морально подготовившись встретиться со всеми членами совета, но в комнате, склонившись над кипой бумаг, сидела одна Джессика.

– Привет, – поздоровалась я от двери.

Она подняла глаза.

– Где все? Я думала, у вас собрание идет.

– О, привет, – отозвалась Джессика. – Собрание отменили. Стоун заболела. А я готовлюсь к экзамену по математике. – Она потерла локти и посмотрела на меня с прищуром. – Хотела прийти на собрание? Я думала, ты бросила заниматься проектом.

– У меня есть идея для выступления на церемонии.

Я пересекла кабинет и села за стол рядом с Джессикой. Вытащила лист с набросанным в общих чертах планом, над которым корпела всю ночь, и протянула ей. Она взяла его и начала читать.

– Да. – На ее губах медленно расплывалась улыбка. – Да. Это очень хорошо. Это здорово, Вал! – Она искоса глянула на меня. – Тебя не подбросить?

– Подбрось, – улыбнулась я.

Нашей первой остановкой был дом мистера Клайна. Маленький, уютный коричневый домик с заброшенными клумбами и сидящим на крыльце тощим рыжим котом.

Джессика заехала на подъездную дорожку и заглушила двигатель.

– Готова? – спросила она.

Я кивнула.

К этому невозможно быть готовой, но сделать это необходимо.

«Разгляди то, что есть на самом деле, – напомнила я себе. – Разгляди действительность».

Мы вышли из машины и поднялись по ступенькам. Кот, жалобно мяукнув, шмыгнул в кусты. Я позвонила в дверь.

В доме зашла лаем маленькая собачонка, кто-то тщетно пытался ее утихомирить. Наконец дверь приоткрылась и из-за нее выглянула блеклая женщина с растрепанными волосами, в огромных очках. Узкоглазый малыш рядом с ней посасывал леденец.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – спросила она.

– Здравствуйте, – нервно поздоровалась я. – Миссис Клайн? Я – Вал...

– Я знаю кто ты, – бесцветным тоном прервала она. – Что вам нужно?

В ее голосе звучал лед, и с меня сразу слетела напускная храбрость. Джессика бросила на меня взгляд и, должно быть, увидев на моем лице

испуг, вышла вперед.

– Простите за беспокойство, – извинилась она. – Не могли бы вы уделить нам несколько минут? Мы работаем над проектом, который касается и вашего мужа.

– Над памятным проектом, – не подумав, добавила я. Лицо тут же вспыхнуло. Мне стало жутко стыдно. Зачем я упомянула о том, что ее муж мертв? Чтобы эта стойкая женщина с малышом еще острее почувствовала свое одиночество?

Она долгое мгновение молча смотрела на нас. Видимо, взвешивала все «за» и «против». А может, боялась, что я принесла пистолет и пристрелю ее, оставив ее детей сиротами.

– Хорошо, – согласилась она. Отворила дверь пошире и отступила в сторону, пропуская меня с Джессикой в дом. – Но у меня есть только несколько минут.

– Спасибо, – выдохнула Джессика.

И мы прошли в маленькую загроможденную гостиную.

Сорок минут спустя мы были в доме Эбби Демпси. Джессике это посещение далось нелегко, так как Эбби была ее подругой и Джессика не видела ее родителей с похорон. А уже через час мы разговаривали со старшей сестрой Макса Хилла Ханной, расположившись на садовых стульях в их семейном гараже.

В опустившихся сумерках мы сидели в больничной палате Джинни Бейкер. Джинни плакала, перед ней лежала гора скомканных салфеток. У нее был плохой день. Она хотела домой. Но вчера вечером Джинни разбила карманное зеркальце и осколками пыталась перерезать запястья. Некоторое время ей придется провести в больнице, что ей категорически не нравилось. В приемной мы побеседовали с мамой Джинни.

К восьми часам вечера мы жутко проголодались, но нам осталось съездить в последнее место. Джессика остановилась на бензоколонке, и мы подкрепились сухими колбасками и чипсами. Я позвонила маме, сказала, что буду дома чуть позже, и чуть не разрыдалась от счастья, когда она ответила: без проблем, только будь осторожна. После стрельбы я ни разу не слышала от нее подобным слов.

– Может, это не такая уж и хорошая идея, – сказала я.

Мы сидели на стоянке бензоколонки. Меня слегка подташнивало от жирной еды.

– Шутишь? – Джессика закинула в рот сырный чипс. – Идея обалденная! И мы почти закончили. Не сомневайся в себе.

– Я вот думаю... может, мы принесем этим больше боли, чем помощи?

Может...

– Ты просто боишься ехать домой к Кристи Брутер. Я не виню тебя в этом, Вал. Но мы все равно к ней поедem.

– Но именно из-за нее все случилось. Мой плеер...

– Это не из-за нее все случилось. Все случилось из-за Ника. Или судьбы. Или еще бог знает чего. Неважно. Мы к ней едем.

– Я не уверена.

Джессика смяла пустой пакет из-под чипсов в ком и бросила его на заднее сиденье. Повернула ключ зажигания, и двигатель ожил.

– Я уверена. Мы едем, – заявила она и вырулила со стоянки, не оставив мне выбора.

Мы ехали к Кристи Брутер.

– Болит только иногда, – сказала Кристи.

Она сидела на диване между родителями и на меня вообще не смотрела. Не мне ее винить. Я сама с трудом заставляла себя смотреть на нее.

– Да и не то чтобы болит. Просто возникает странное ощущение в теле. Самое обидное, что я больше не смогу играть в софтбол. И поэтому стипендия, которую мне предложили, аннулирована. К тому же меня раньше тренировал папа, а теперь...

– А теперь он рад, что тренировал свою дочь все эти годы, – прервал Кристи отец, накрыв ее колено ладонью. – И счастлив, что она жива и может пойти учиться в университет.

Мама Кристи издала тихий звук, нечто похожее на «аминь», и коснулась пальцем уголка глаза. Миссис Брутер была немногословна. Она сидела молча возле Кристи, время от времени похлопывая дочь по колену и согласно кивая ее словам. На ее губах подрагивала не очень убедительная улыбка. Когда отец Кристи сказал, что молится только об одном – чтобы у его дочери была долгая и счастливая жизнь и совершенно не важно при этом, будет она играть в софтбол или нет, – миссис Брутер снова кивнула.

– Ты... – вырвалось у меня, после чего я замешкалась. Хотелось спросить: «Ты винишь меня? Теперь ты еще сильнее меня ненавидишь? Ты жалеешь, что Ник меня не убил? Я снюсь тебе в кошмарах?». Я сглотнула.

Мистер Брутер, наверное, почувствовал мою нерешительность и неловкость. Он наклонился вперед, расслабленно положив руки на колени, и посмотрел мне прямо в глаза.

– После пережитого мы много чего поняли о прощении, – произнес он. – Мы не хотим, чтобы из-за этой трагедии сейчас кто-то страдал. Кто угодно.

Кристи опустила взгляд, Джессика придвинулась ко мне.

– Есть герои, которые погибли ради своей школы, – тихо сказал мистер Брутер. – И герои, которые чуть не погибли. Герои, которые остановили стрельбу. Герои, которые набрали номер скорой помощи, чтобы спасти Кристи, и которые закрывали ее рану ладонями, когда она истекала кровью. Герои, которые потеряли любимых. Мы благодарны всем этим героям из «Гарвина».

Джессика коснулась моей руки.

Я ощущала себя окруженной теплом. И – боже, как такое возможно? – гордилась собой.

Когда я, вымотанная, вернулась домой, мама с Мэлом смотрели в гостиную телевизор.

– Поздновато ты, – заметила мама.

Она сидела с ногами на диване, в обнимку с Мэлом. Такой умиротворенной я не видела ее никогда, даже в пору ее объятий с папой.

– Я уже начала волноваться.

– Прости, – извинилась я. – Проект нужно завершить до конца года.

– Ты закончила его? – спросил Мэл.

К своему удивлению, я поняла, что не против его вопросов. В конце концов Мэл – хороший парень. И мама с ним стала чаще улыбаться, что делало его в моих глазах не просто хорошим, а замечательным.

– Я закончила сбор информации, – ответила я. – Провела все интервью.

Мэл одобрительно кивнул.

– Я оставила для тебя ужин, – сказала мама. – Он в духовке.

– Нет, спасибо. Мы с Джесс перекусили. Пойду лучше лягу спать. – Я прошла за диван и чмокнула маму в щеку, чего не делала много лет.

Мама явно удивилась.

– Спокойной ночи, мам. – Я направилась к лестнице. – Спокойной ночи, Мэл.

– Спокойной ночи, – громко отозвался Мэл, заглушая голос мамы.

Я чуть не вприпрыжку ворвалась в кабинет доктора Хилера на наш последний сеанс терапии.

– Кажется, я нашла себя, – с улыбкой до ушей сообщила я, плюхнувшись на диван и открыв банку колы.

– Нашла себя? – с такой же широкой улыбкой отозвался доктор Хилер. Сел в свое кресло и по обыкновению закинул ногу на подлокотник.

– Ага. Звучит глупо, но, по-моему, разговоры со всеми этими людьми напомнили мне о том, какой я была.

– И какой же ты была? Какой ты себя вспомнила?

– Для начала, – я вскочила и заходила по кабинету, – мне нравилось учиться в школе. Очень нравилось. Нравилось общаться с друзьями, гулять с ними, ходить на бейсбольные матчи и все такое. Я была умной и целеустремленной. Я хотела поступить в университет.

– Хорошо, – кивнул доктор Хилер, приложив к губам указательный палец. – Я со всем этим полностью согласен.

Перестав мерить шагами кабинет, я уселась на диван. Внутри меня бурлила энергия.

– И Список ненависти я вела на полном серьезе. Я действительно злилась. Я вела его не для того, чтобы доставить удовольствие Нику. Конечно, я злилась не так сильно, как он. Я даже не осознавала, насколько он зол. Но я тоже злилась. Издевки, насмешки, прозвища... родители, вся моя жизнь... казалось, все запутано и бессмысленно. Меня это бесило. Может, в то время у меня даже проявлялись суицидальные наклонности, просто я этого не замечала.

– Возможно, – согласился доктор Хилер. – И у тебя были причины злиться.

Я снова вскочила.

– Вы понимаете? Я не в шутку вела Список. Не от нечего делать. – Я отвернулась и посмотрела в окно. Машины на стоянке окутывал туман. – Во всяком случае не для показухи, – продолжила я, глядя на капельки воды на капотах автомобилей.

– Понимаю. Но ты научилась делать сальто-мортале назад?

– Еще нет.

– Правда? А я научился.

– Не-а. Вы обманываете.

– И мне это хорошо удастся, – улыбнулся он. – Я горжусь тобой, Вал. И это не ложь.

Мы, как всегда, склонились над шахматной доской. И как всегда, он меня обыграл.

– Знаю, ты не хочешь, чтобы я сильно радовалась этому, – сказала миссис Тейт. На столе перед ней лежал недоеденный пончик. От чашки кофе поднимался пар. Кабинет миссис Тейт сегодня утром благоухал приятными ароматами. Такими запахами должно сопровождаться пробуждение – насыщенными, душистыми, успокаивающими. – Но я ничего не могу с собой поделать. Это просто потрясающие новости.

– Это не новости, – сонно отозвалась я с кресла, стоящего напротив ее стола. – Мне понадобятся эти каталоги. Позже.

– Конечно же! – радостно кивнула миссис Тейт. – Конечно же, позже! Кому тебя винить? Позже – прекрасное время. Насколько позже?

– Не знаю, – пожала я плечами. – Мне нужно время на размышление. Но вы правы, университет раньше всегда входил в мои планы и случившееся не должно их менять.

Теперь я точно знала, кем никогда не являлась, и решительно настроилась вспомнить себя такой, какой была. И стать ею снова.

Миссис Тейт открыла шкафчик для документов и достала несколько толстых каталогов.

– Не могу передать тебе, Валери, как я счастлива слышать это и как я тобой горда. – Она ослепительно улыбнулась. – Держи. Тут есть из чего выбирать. Не забывай, что можешь обращаться ко мне с любыми вопросами. Вдруг тебе потребуется помощь в выборе университета.

Она протянула мне каталоги, и я приняла их. Какие тяжелые! Но это приятная тяжесть. Она куда приятнее тяжести прошлого.

«Кто будет отвечать за грех кровавый?»

Шекспир

Признаюсь, телекамеры слегка нервировали меня. Их было так много! Мы ожидали телевизионщиков – по правде говоря, даже надеялись на их присутствие, – но в таком количестве? Горло пересохло и саднило при разговоре.

Май выдался жарким, и мантия липла к ногам, когда дул ветерок. Церемония вручения дипломов, как обычно, проходила на улице – на обширном газоне с восточной стороны школы. «Когда-нибудь, – пугала нас администрация, – церемонию перенесут в большой актовый зал,

способный вместить всех и укрыть от непредсказуемой погоды Среднего Запада». Но не сегодня. Сегодня мы следовали традиции. Наш злосчастный выпуск 2009 года не решились этого лишить. Нам традиции нравились.

Родители заняли места сбоку, почти в самом конце рядов, Фрэнки – между ними.

Мама сидела с мрачным лицом и постоянно бросала враждебные взгляды на телеоператоров. Я почувствовала прилив благодарности к ней. За весь год мама не подпустила ко мне ни одного журналиста и ни одной телекамеры. Единственный репортер, с которым я говорила, – Анджела Дэш. И то по собственному желанию. Осознание было сродни шоку: несмотря на все свои обвинения и недоверие ко мне, мама не только защищала мир от меня, но и защищала меня от мира. Какие бы чувства ни терзали ее, под ними всегда теплилась любовь.

Папа выглядел несчастным, сидя между мамой и Брили, но каждый раз как наши взгляды встречались, на его лице мелькало облегчение. Непритворное облегчение. Я видела в его глазах надежду и ясно понимала: что бы мы ни наговорили друг другу за этот год, в конце концов мы друг друга простим. Даже если никогда не забудем сказанного. Нам всего лишь нужно для этого время.

Брили изредка наклонялась к папе и шептала ему что-то на ухо. Он улыбался в ответ. Здорово, что у него есть чему улыбнуться. Жаль, Мэл с мамой не пришел. С ним бы и она улыбалась.

Фрэнки сидел со скучающим видом – притворным, скорее всего. В следующем году уже не я, а он будет ходить по коридорам «Гарвина», убегать от бдительного мистера Энгерсона и торчать в кабинете миссис Тейт. Уверена, у брата все будет хорошо. Несмотря на произошедшее.

Доктор Хилер тоже пришел. Он сидел за мамой и папой, обнимая жену. Я представляла ее совершенно другой. Настоящая, она не отличалась ни красотой, ни шармом. Ее лицо не выражало ни бесконечного великодушия Мадонны, ни милосердной доброты. Она часто поглядывала на часы, щурилась на солнце и один раз рывкнула что-то в мобильный. Воображаемая, она нравилась мне куда больше. Очень хотелось верить, что счастливые семьи существуют. В особенности хотелось, чтобы такая семья была у доктора Хилера.

За доктором Хилером буйствовал пурпур. Там расположилась Би, уложившая волосы в высокую прическу и украсившая ее множеством пурпурных побрякушек. Эти украшения позвякивали при каждом ее движении. Би надела тончайший пурпурный костюм, а ее пурпурная сумка была размером с небольшой чемодан. Она улыбалась мне, прекрасная и

безмятежная, как картина.

Поднявшийся на сцену Энгерсон попросил тишины и начал церемонию. Он произнес короткую речь о стойкости и терпении, но похоже, толком не знал, что сказать о нашем выпуске. Заготовки из былых выступлений не подходили. Что он мог сказать родителям, которым не забыть прошлого, детей которых лишили будущего, детей которых уже не вернуть? Что он мог сказать остальным? Нам, чья жизнь омрачена случившимся в некогда любимой обители образования? Не останется счастливых воспоминаний о школьных годах – произошедшее навсегда их затмило. Не состоятся встречи выпускников – они бы принесли только боль.

Вскоре Энгерсон уступил место Джессике, уверенно поднявшейся по ступенькам на сцену. Ровным умиротворяющим голосом она рассказала о высших учебных заведениях – банальные вещи, ни у кого не вызывающие слез. Затем она опустила голову и надолго замолчала. По рядам прошла волна неловкого покашливания и ерзанья. Казалось, Джессика молится. Может, она и правда молилась. Энгерсон разволновался и пару раз махнул ей рукой, побуждая продолжить или уйти со сцены. Наконец Джессика подняла голову. Выражение ее лица смягчилось. Перед нами стоял не бесстрастный президент ученического совета, а девушка, которая поглаживала мою руку, когда отец Кристи Брутер говорил о прощении.

– В памяти нашего класса, – начала Джессика, – навсегда запечатлена одна дата. Второе мая 2008 года. Ни один выпускник нашего класса не сможет прожить этот день, не вспомнив того, кого он любил и кого больше нет. Не вспомнив того, что он видел и слышал в то утро. Не вспомнив боли, потери, смятения и горя. Не вспомнив того, как научился прощению. Нам никогда этого не забыть. Ученический совет выпуска 2009 года преподносит «Гарвину» мемориал в память... – у Джессики надломился голос. Замолчав, она опустила голову, чтобы успокоиться. Когда она подняла ее и снова заговорила, у нее покраснел нос и дрожал голос. – В память о жертвах того дня. О тех, кого мы никогда не забудем.

Меган поднялась и прошла к накрытому простыней предмету, стоявшему на траве рядом со сценой. Она схватила простыню за край и дернула на себя. Та соскользнула, открыв бетонную скамью ослепительно белого цвета и вырытую перед ней яму. Возле ямы лежала сырая земля и стоял металлический ящик с открытой крышкой – капсула времени. Со своего места я видела, что ящик полон разных вещей: гирлянд из помпонов, мягких игральные костей, фотографий.

Джессика кивнула мне, я встала и на ватных ногах поднялась по

ступенькам на сцену. Джессика сначала отошла, освобождая мне место, а потом вдруг шагнула ко мне и обняла. От жара, исходящего от нее, моя мантия еще больше прилипла к телу. Мне было все равно.

Вспомнилось, как Джессика шла ко мне по коридору в тот день, когда я хотела бросить проект. Она смотрела на меня со слезами и отчаянием, прижав ладонь к сердцу, с чувством говоря: «Я выжила, и это все изменило». «Ты сумасшедшая», – ответила я тогда. А сейчас, обнимая ее на сцене в наш выпускной, завершив вместе с ней проект, я поняла, о чем она говорила. Джессика права. Тот день действительно все изменил. Мы стали подругами не по желанию, а по необходимости. Можете считать меня ненормальной, но мне казалось, что мы стали подругами, потому что *должны* были ими стать.

Я больше почувствовала, чем увидела вспышки камер. Услышала тихий бубнеж репортеров. Мы с Джессикой разомкнули объятие. Я вышла вперед и прочистила горло.

Я увидела своих бывших друзей – Стейси, Дьюса, Дэвида, Мэйсона. Увидела Джоша, Меган и даже Троя, сидевших сзади со своими родителями. Я увидела всех – беспокойное людское море тревоги и грусти, в котором каждый человек несет свою боль и свои собственные истории. И ни одна из этих историй не может быть менее трагичной или менее торжественной, чем остальные. Ник в каком-то смысле был прав: мы все иногда должны выигрывать. Но он не понимал того, что проигрывать мы тоже должны. Потому как без одного не бывает другого.

Миссис Тейт, глядя на меня, грызла ноготь. Мама прикрыла глаза. Похоже, она затаила дыхание. На секунду мелькнула мысль: может, последовать инстинктивному порыву и принести сейчас перед всеми извинения? Формально. Всему миру. Может, им нужнее не то, что я собираюсь им дать, а извинения, которые я им задолжала?

Джессика взяла меня за руку, коснувшись плечом моего плеча, и в тоже мгновение я заметила Анджелу Дэш. Репортерша, склонив голову, строчила что-то в блокноте. Я опустила взгляд на лист со своей речью.

– В «Гарвине» мы в этом году столкнулись с тяжелой реальностью. Людская ненависть. Вот наша реальность. Люди ненавидят друг друга, таят обиды, злятся и желают возмездия. – Я бросила взгляд на мистера Энгерсона, сидящего на самом краешке стула и готового, если потребуется, прыгнуть и остановить меня. Моя уверенность поколебалась, и снова Джессика поддержала меня, сжав мою ладонь. – В новостях нам сообщают, что ненависть более не является нашей реальностью.

Анджела Дэш откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди и

позабыв о блокноте и ручке. Она сверлила меня взглядом, некрасиво сжав губы. Я моргнула, сглотнула и заставила себя продолжить.

– Не знаю, возможно ли избавить людей от их ненависти. Даже таких как мы – людей, своими глазами видевших, к чему ненависть может привести. Нам всем больно. И эта боль еще не скоро уйдет. И наверное, мы усерднее других будем каждый день искать новую реальностью. Лучшую реальность.

Я посмотрела за своих родителей, на доктора Хилера. Сложив руки на груди, он потирал указательным пальцем нижнюю губу и едва заметно кивнул мне. Я шагнула в сторону. Джессика, не отпуская моей руки, наклонилась к микрофону.

– Мы знаем, что изменить реальность возможно, – сказала она. – Это сложно, многие не хотят даже пытаться, но это возможно. Вы можете изменить реальность ненависти, открывшись другу. Спаси врага.

Джессика с улыбкой взглянула на меня. Я грустно улыбнулась в ответ. Останемся ли мы подругами? Увидимся ли мы когда-нибудь после сегодняшнего дня?

– Но чтобы изменить реальность, вы должны быть готовы слушать, учиться и слышать. Главное – слышать. Как президент выпуска 2009 года я прошу вас навсегда запомнить имена тех, кто погиб второго мая, и услышать, какова была их реальность.

Я прочистила горло.

– Многие из них погибли, потому что стрелок... – Я умолкла, не в силах поднять глаза на доктора Хилера, который наверняка вытирает слезы и подбадривающе мне кивает, – ... мой парень Ник Левил, а вместе с ним и я считали их плохими людьми. Мы видели только то, что нам хотелось видеть, и мы... – Я вытерла уголок глаза. Джессика отпустила мою руку и начала поглаживать меня по спине. – Мы с Ником... мы не знали... кем были эти люди и как они жили. Не знали их реальности.

Джессика снова наклонилась вперед.

– Эбби Демпси, – произнесла она, – была завзятой наездницей. У нее была лошадь по кличке Ницше, и она каталась на ней каждое субботнее утро. Этим летом она должна была участвовать в юниорском родео. Она страстно этого ждала. Эбби была моей лучшей подругой, – хрипло добавила Джессика. – В память об Эбби мы положили в капсулу времени прядку из гривы Ницше.

Джессика отодвинулась, и я выступила вперед. Пальцы, сжимающие листы с речью, дрожали, и я все еще не могла поднять глаза. Но мне стало легче, когда я вспомнила лица всех родителей, с которыми мы с Джессикой

пообщались. Всех родителей, перед которыми я наконец-то лично извинилась. Всех родителей, которые приняли мои извинения. Кто-то из них простил меня, кто-то – нет. Кто-то ответил, что я не должна перед ними извиняться. Мы плакали вместе с ними, и они с радостью делились с нами историями о своих детях. Большинство из них, скорее всего, присутствуют сейчас на церемонии.

– Кристи Брутер, – начала я, – принята в университет Нотр-Дам и собирается изучать психологию. Она хочет работать с людьми, пережившими психологическую травму, и уже пишет в соавторстве книгу о том, как находилась на волоске от смерти. Кристи положила в капсулу времени софтбольный мяч.

К микрофону снова наклонилась Джессика.

– Джефф Хикс утром второго мая шел из больницы, где впервые увидел своего новорожденного брата. Он опаздывал в школу, но был счастлив, что в его семье появился еще один мальчик. Джефф предложил назвать брата Дэймоном, в честь своего любимого футболиста. В память о Джеффе родители назвали малыша Дэймоном Джеффри. В память о Джеффе мы положили в капсулу времени браслет для новорожденных с руки Дэймона.

– Джинни Бейкер... – Я глубоко вздохнула. Так много хотелось рассказать о Джинни. О Джинни, которая столько страдала и все еще продолжает страдать. Ее нет сейчас на церемонии, потому что она пыталась закончить начатую Ником работу. Пыталась наказать себя за травлю Ника, считая себя ее виновницей. – В два года Джинни победила в детском конкурсе талантов. Ее мама говорит, что Джинни обожала участвовать в разных конкурсах и в шесть лет уже умела крутить гимнастическую ленту. Джинни решила... – я еле сдержала слезы, – не класть ничего в капсулу времени. – Я опустила голову.

Мы с Джессикой по очереди рассказали присутствующим о Лин Йонг, Аманде Кинни, Максе Хиллсе и остальных. Вдова мистера Клайна громко рыдала, когда мы в память о нем опустили в капсулу времени четвертак, символизирующий его привычку бросать четвертаки в учеников, правильно ответивших на уроке. Его дочка неподвижно сидела, уткнувшись лицом в мамино платье.

Закончив речь, я спустилась по ступенькам вниз и заняла свое место, стараясь не встречаться ни с кем взглядом. Все вокруг всхлипывали и оглушительно сморкались.

Джессика стояла на сцене одна. С покрасневшим носом и ярко горящими глазами. Ее светлые волосы колыхались на ветру тончайшей

паутинкой.

– Остались еще двое, – сказала она в микрофон.

Я нахмурилась и начала загибать пальцы, подсчитывая тех, о ком мы должны были рассказать. По-моему, мы никого не забыли.

Джессика сделала глубокий вдох.

– Ник Левил, – произнесла она, – любил Шекспира.

У меня перехватило дыхание. Когда она поговорила с родителями Ника? Зачем? Прищурившись, я глянула на мемориальную скамью. И точно, последним в списке жертв указывалось имя Ника. У меня вырвался всхлип, и я зажала рот ладонью. В этот раз я не смогла сдержать слез и они лились из глаз водопадом, когда Джессика опустила в капсулу времени потрепанный томик «Гамлета» – тот самый, из которого Ник столько раз зачитывал мне отрывки.

Я едва слышала Джессику, говорящую:

– Валери Лефтман – герой. Она храбрее всех, кого я знаю. И пуля – меньшее из зол, с которыми ей пришлось столкнуться в этом году. Валери в одиночку спасла меня и остановила стрельбу второго мая 2008 года. Без нее все сложилось бы гораздо хуже. И я безмерно счастлива называть ее своей подругой. Валери передала для капсулы времени блокнот со своими рисунками.

Джессика показала мой черный блокнот и положила его на «Гамлета». Моя реальность и отдушина Ника – одно поверх другого.

Джессика поблагодарила всех и заняла свое место. Сначала стояла тишина, но потом – точно постепенно закипающая вода – редкие аплодисменты переросли в шквал рукоплесканий. Несколько человек, не совладав с собой, хлопали, забравшись на стулья.

Я повернулась и окинула всех взглядом. Мама с папой аплодировали, смахивая со щек слезы. Доктор Хилер стоял и своих слез не вытирал.

Мистер Энгерсон поднялся на сцену, чтобы вести церемонию. Жизнь продолжалась.

Я подумала об открытом чемодане, лежащем на моей постели. О своих почти собранных вещах. О нашей с Ником фотографии на Голубом озере, спрятанной между комплектами нижнего белья. О книге «Дар страха»^[16], которую вручил мне доктор Хилер со словами: «Береги себя». О пачке телефонных карт, которые папа безмолвно сунул мне в руку в прошлую субботу, когда заехал за Фрэнки. Об университетских каталогах, взятых у миссис Тейт.

Подумала о поезде, в который сяду завтра утром, сама не ведая, куда отправляюсь. О том, как мама, скорее всего, будет плакать на станции,

вновь умоляя меня остаться или хотя бы не уезжать без четкого плана. И как папа, скорее всего, почувствует облегчение, когда я буду становиться все меньше и меньше в окне удаляющегося вагона. И как я его за это не буду винить.

Я многое могу пропустить, находясь в отъезде. Поженятся ли в мое отсутствие мама с Мэлом? Устроится ли Фрэнки на свою первую работу – к примеру, спасателем в местный бассейн? Пропущу ли я новость о беременности Брили? Пройдет ли все это мимо? И буду ли я считать, что близкие заслужили прожить эти счастливые мгновения без меня?

– Ты уверена в задуманном? – спросил меня доктор Хилер на последнем сеансе терапии. – У тебя достаточно денег?

Я кивнула.

– И ваш номер.

Думаю, мы оба понимали, что я никогда его не наберу – даже если проснусь в темноте и затхлости дешевого хостела с ноющей ногой и звучащим в ушах голосом Ника. Даже если мозг наконец-то позволит вспомнить расплывчатый образ Ника, пускающего себе пулю в висок прямо перед моим затуманенным взором. Даже для того, чтобы пожелать ему веселого Рождества, поздравить его с днем рождения, попросить о помощи или сказать, что я в порядке.

Доктор Хилер обнял меня, положив подбородок на мою макушку.

– У тебя все будет хорошо, – прошептал он то ли себе, то ли мне.

Вернувшись домой, я собрала свои вещи и оставила чемодан на постели, возле любимых лошадей – как всегда, конечно же, неподвижных.

Скажи что-нибудь

новелла

Двенадцатый класс

Лета не хватило. Да и не могло его хватить. Даже если бы оно длилось целую вечность – а бывали дни, когда родители напряженно следили за мной, ожидая, что я выкину какой-нибудь посттравматический фортель, и лето реально казалось мне бесконечным, – его все равно было бы недостаточно.

Похороны.

Цветы.

Лимузины.

Люди, постоянно прячущие глаза за темными очками.

Репортеры.

Поддавливающие нас везде и всюду телевизионные камеры.

И плюшевые медвежата. Так много плюшевых медвежат, что в дождь ими прованивал воздух. Со своим заплесневевшим мехом они походили на гниющие трупы, на раненные в бою фигурки из папиных исторических миниатюр.

Летом я в школу не возвращался. Слышал, что некоторые ребята ошивались у школьного крыльца и трибун, чтобы «помнить». Но не я. В последний учебный день, когда прозвенел последний звонок, я так бежал из школы прочь, что меня заносило на ступеньках. Гребаный одиннадцатый класс. Что б ты провалился.

Я тысячи раз проигрывал в голове случившееся тем утром. Вспоминал его, желая того или нет. Почему парням хотелось напоминать себе о стрельбе, было выше моего понимания. Я всеми силами пытался ее забыть. Забыть, что видел, что слышал, что знал. Если бы я позволил себе вспомнить все, что знал, все, чего не рассказал, меня бы сожрало чувство вины. Пусть эти больные засранцы обо всем помнят, мне же дайте забвения.

Однако лето прошло, начался новый учебный год. И мне придется вернуться в «Гарвин» и проучиться в нем весь двенадцатый класс. Эта мысль была ненавистна. Я сидел за столом в пустой кухне, пытаюсь внутренне успокоиться.

Раздались неспешные и ровные шаги отца, поднимающегося из

подвала. Пахнуло растворителем, которым он всегда стирал с ладоней краску по завершении работы над очередной сценой битвы. Папа помешан на военных сражениях и большую часть своей жизни создает, разрушает и пересоздает миниатюрные батальные сцены на старом столе для пинг-понга в нашем подвале, возводя горы и холмы из папье-маше и здания из палочек от мороженого.

У отца потрясающие миниатюры. Я провел в подвале множество часов, наблюдая за тем, как он кропотливо наносит зубочисткой синюю и коричневую краску на униформу солдат, воображая хаос битвы и запах серы на поле.

Теперь такой хаос мне знаком не понаслышке.

Теперь запах серы стоит у меня в носу. Почему лето не продлилось хотя бы настолько, чтобы я избавился от этого запаха?

– Первый учебный день, – провозгласил отец очевидное, моя руки в раковине. – Выпускной класс. Как быстро летит время.

Я неопределенно хмыкнул. Передо мной стояла тарелка с хлопьями, и я таращился на образующиеся на поверхности молока пузырьки.

Папа вытер руки и налил себе кофе в кружку-термос, которую мама оставляла для него перед уходом на работу, прежде чем сесть за руль школьного автобуса.

– Нервничаешь?

Я снова неоднозначно хмыкнул и передернул плечами. Что за вопрос? Конечно, нервничаю. Безумно нервничаю.

Папа поставил кружку на стол – из прорезей на крышке поднимались завитки пара – и положил руку на мое плечо.

– Постарайся, чтобы этот день прошел хорошо, насколько это возможно, – сказал он.

– Постараюсь, – выдавил я и даже заставил себя проглотить ложку кашеобразных хлопьев. – Все будет нормально.

Папа ушел, и вскоре на крыльце слышались шаги Мейсона. Он открыл дверь, не постучав.

– Здорово, Дэвид. Готов идти? – Мэйсон вытер со лба пот рукой. – На улице, блин, жарче, чем в стрип-клубе. – Наклонившись, он помахал пальцами перед стоящим в гостинной аквариумом, распугивая рыб.

Я взял тарелку и вылил остатки молока в раковину.

– Как будто ты знаешь, насколько жарко в стрип-клубе.

– Приятель, это ты ни черта не знаешь, как мы с Дьюсом провели лето. Заперся у себя в доме, как монашка в монастыре.

– Заливай больше. – Я направился в спальню за рюкзаком. – Ни в

какой стрип-клуб вы не ходили. Стейси бы вас обоих за это прибила. Дьюса за то, что он пошел, тебя – за то, что ты взял его с собой.

Мы вышли из дома и поплелись по тротуару. Мэйсон тут же зажег сигарету, глубоко затянулся и выпустил дым уголком губ.

– Стейси не помрет, если не будет кое-чего знать о своем верном малыше Дьюсе, – отозвался он. – Он встречается с ней, а не женился на ней. У нас, парней, свои потребности. Надо это понимать.

– Ну да, – фыркнул я. – Вы же люди «с особыми потребностями».

Мэйсон пихнул меня кулаком в руку и затянулся сигаретой.

Мимо с ревом проехал автобус. Из открытых окон выплеснулся гомон. Он звучал до странности обычно, как в любой другой первый учебный день. Но уж точно не как в первый учебный день после злосчастной стрельбы в «Гарвине», устроенной больным ублюдком и моим другом Ником Левилом.

– Нет, серьезно, – продолжил Мэйсон, когда рев автобуса стих, – где ты был? Такое ощущение, будто я тебя вечность не видел.

– Дома торчал. Родители все лето переживали из-за меня.

– Оуу, крофка Дэвид фсе лето профел под маминым крылыфком? Как мило!

Мейсон протянул руку, чтобы погладить меня по головке. Я уклонился и отбил его руку ладонью.

– Ничего подобного. Кроме того, дома была Сара.

– О! Сексуальная студенточка вернулась на каникулы домой? У нее сиськи-то выросли?

– Фу... не знаю.

– Когда уже ты, приятель, достигнешь половой зрелости?

– Никогда, если для этого придется пялиться на грудь сестры. Ты извращенец. Твоя сестра Эми знает, что ты такой извращенец? Кому-то пора ее предупредить.

Мэйсон остановился и с серьезной миной уставился на меня.

– Это ничего, брат Тук^[17]. Я буду твоим другом, даже если ты никогда не познаешь девчонок.

– Отвали, – толкнул я его в плечо.

Мэйсон шутил, но я такие шутки находил не смешными.

Педик.

Пидор.

Гомик.

Принцесса.

Сколько раз меня обзывали так, а то и похуже? Сколько раз Крис

Саммерс бил меня в грудь кулаком, сбивал кепку с моей головы, больно щипал? *«Не лей слезки из-за этого, пидорок. Это же шутка. Ты шуток не понимаешь? Я думал, у геев с чувством юмора все в порядке. Как там тебя зовут? Дэвид Джуди? У тебя даже фамилия девчачья. Что случилось? Животик бо-бо? У тебя сегодня ПМС? Может, тебе с этим поможет твой дружок?...»*

Я постарался отмахнуться от воспоминаний о том, что делал и говорил Крис Саммерс. Он больше никого не обзовет пидорком. Он мертв.

Мэйсон потер ушибленное плечо.

– Блин, приятель, я просто шутил.

– Извини, – пробубнил я.

Мы несколько минут шли молча, затем я спросил:

– Как думаешь, они устроят какое-нибудь... ну, не знаю... собрание по этому поводу?

Мейсон сделал последнюю долгую затяжку и щелчком отправил окурок на тротуар. Спустя четыре шага я раздавил его подошвой.

– Не-а. Думаю, они не захотят об этом вспоминать. Сделают вид, будто ничего и не было. У Бриджет отец работает строителем. Она сказала, что они все там отремонтировали и покрасили. Столовая теперь сама на себя не похожа.

Мы свернули со Старлинг-стрит и ступили на футбольное поле, заросшее после лета. Перед нами возвышалась школа – гудящий энергией людской муравейник. У тротуара лениво урчали автобусы, из них гурьбой вываливались девятиклассники, одетые в новенькую накрахмаленную одежду. Машины резко тормозили, сигналили, объезжали одна другую в поисках свободного места. Стоящий на тротуаре мистер Энгерсон направлял учеников. Мне вспомнилось, как его передразнивали Ник и Вал: «Мальчики и девочки, поступайте сегодня разумно. Ученики, давайте проявим наш школьный дух и будем вести себя как леди и джентльмены».

– Дьюс и Стейси, – указал Мейсон на целующуюся на трибунах парочку.

Они сидели на нашем обычном месте, в дальнем от школы конце, там, где нас не мог засечь Энгерсон. Рядом пристроились Лиз с Ребеккой. Раньше здесь встречались все наши друзья. Но в этом году мы будем не в полном составе.

Естественно.

Ник мертв.

Валери... никто не знал, что в эти дни происходит с Валери.

Мы размашистым шагом пересекли поле и стали подниматься к

друзьям на трибуну. Мэйсон принялся громко и пошло стонать.

– О, Дьюс! – противненько затянул он. – О, Дьюс, я вся горю из-за тебя! Из-за тебя мне в голову лезут непристойные мысли!

Дьюс отлепился от Стейси.

Стейси вытерла размазавшийся по подбородку блеск для губ и показала Мэйсону средний палец.

– Это предложение? – приподнял брови Мэйсон. – Оригинально.

Стейси закатила глаза.

– Привет, Дэвид, – поздоровалась она со мной.

Дьюс в знак приветствия кивнул.

– Привет, – ответил я.

Мы уселись, ощущая некоторую неловкость. Ребята все лето провели вместе, радуясь жизни. А я в одиночестве сидел дома, снова и снова прокручивая в голове случившееся второго мая, смотря новости по телевизору и прекрасно сознавая: полиция ищет информацию, которую я могу, но слишком боюсь ей дать.

– Подстригся. – Стейси провела ладонью по ежику моих волос.

– Смахиваешь на сержанта-инструктора строевой подготовки, – усмехнулся Дьюс.

Он встал, прошел мимо меня и начал спускаться с трибун. Все последовали за ним. На дорожке Дьюс развернулся и отдал мне честь:

– Есть, сэр! Так точно, сэр!

– Очень смешно, – проворчал я.

Дьюс с Ником были лучшими друзьями, а Дьюс вел себя так, словно Ник просто забил на уроки, делов-то. Меня же сковывал ужас, возрастающий с каждым шагом, приближающим меня к двойным дверям школы.

Может, Крис Саммерс был прав насчет меня? Может, я слишком чувствительный? Может, я веду себя как девчонка?

Дьюс болтал о чем-то, но я не слышал его, когда Стейси вдруг судорожно вздохнула.

– Не может быть! – ахнула она. – Вал?

Я поднял взгляд. На тротуаре, потерянная и испуганная, стояла Валери Лефтман – лучшая подруга Стейси. Бывшая лучшая подруга Стейси.

– Привет, – робко сказала Валери.

Сердце подпрыгнуло и кувыркнулось в груди, как всегда бывало при встрече с ней. Я обошел Стейси и обнял Вал. Однако, чувствуя общую напряженность и злость, поспешно выпустил ее из рук, отступил и опустил взгляд.

В ушах шумело, и я едва слышал вопрос Стейси о ранении и ответ Вал. Затем Дьюс прицепился к Вал с могилой Ника и мое сердце упало. Тон Дьюса был циничным и жестким, обвиняющим.

Ник... Вал должна была знать о его плане. Так все думали. И винули ее.

Она должна была знать, хотя и уверяет, что ничего не знала.

Но есть тот, кто знал.

Тот, кто знал и ничего не сказал.

Одиннадцатый класс

1. *Алгебра: как можно сочетать буквы и цифры?!!*
2. *Кристи Брутер*
3. *Дурацкие проблемы родителей. Ты женился на ней! Научись с ней ладить!!*
4. *Лак для волос*
5. *Джинни Бейкер*

Вал стала свидетельницей одного из самых постыдных мгновений моей жизни.

Я был новеньким в школе, только летом переехал в Гарвин. Если вам интересно мое мнение, то самое худшее, что вы можете сделать для своего ребенка, – это перевести его в другую школу в одиннадцатом классе. Особенно если это такой ребенок, как я, – тихий, застенчивый, пугливый. Шансы на то, что я примкну хоть к какой-нибудь популярной группке ребят, практически равнялись нулю.

У нас шел урок физкультуры. Настоящее позорище, так как я еще не оброс мышцами, как большинство ребят, и даже некоторые девчонки были более зрелыми, чем я, – крупнее и выше. Я напоминал неуклюжее нечто, только что вылупившееся из яйца, а двое парней в моем классе выглядели так, словно бреются с самого рождения, – Крис Саммерс и его футбольный дружок Джейкоб Кинни. Мне дня хватило, чтобы понять: для девчонок из нашей школы существует только два мужчины – Крис и Джейкоб.

Стояла осень, и наш тренер Рэдфорд завел свою любимую песню – «нужно пользоваться прекрасной погодой». Это означало, что он будет мучить нас на улице, а не в зале, заставляя для разогрева наяривать круги по футбольному полю и автобусной петле. Там, где запросто можно наглотаться мошкеры и вывихнуть лодыжку в луже грязи за переносными туалетами.

– Четыре круга, – крикнул тренер, пока мы выстраивались у линии старта. – И познергичней!

Он подождал, пока все займут свои места. Крис, Джейкоб и еще паратройка парней протолкались вперед, астматики переместились назад, я оказался где-то в середине.

Я неплохой бегун. В детстве какими только видами спорта не занимался. Плюс в беге мне помогает худоба. Но после девятого класса я перестал ходить в спортивные секции. В старшей школе общая масса ребят начинает делиться на разные группы и категории – качки, тупицы, умники, художники и прочее. Если тебя не приняли сразу в кружок спортсменов, можно забыть о спорте, как бы ты ни был хорош. Не верьте, если кто-то говорит обратное. Это горькая правда.

Тренер глянул на часы, свистнул и мы сорвались с места. Сначала все бежали очень быстро, чтобы кому-то – тренеру, Крису или Джейкобу – что-то доказать. Что мы не сопляки? Или что мы не такие сопляки, как парни, бегущие позади нас?

Погода действительно выдалась что надо. Небо было ясным и чистым, светило солнце, пели птицы и даже лужа грязи за туалетными кабинками подсохла. Но круче всего была растяжка у девчонок на футбольном поле. Мы чуть шеи себе не свернули и чуть не попадали, врезавшись друг в друга, в надежде увидеть растяжку ягодиц.

В общем, все было нормально. Пока мы не пошли на последний круг.

Рэдфорд болтал на дорожке с тренером девчонок. Мы к этому времени рассредоточились, кто-то выдохся и уже не бежал, а шел, Крис с Джейкобом сильно опередили остальных.

Я достиг поворота, граничащего с футбольным полем, и, стараясь изо всех сил не отставать, побежал по траве. Легкие горели огнем, но я хотел доказать себе: я справлюсь, я не хуже атлетов, даже если не один из них. Я настолько ушел в свой собственный мир, что увидел Криса с Джейкобом, только когда практически догнал их.

– Эй, Джуди! – позвал Крис. – Это взаправду твоя фамилия? Чувак, у меня так маму зовут!

Я проигнорировал его.

– Джуди! Иди сюда!

Я обежал его по широкой дуге, тяжело дыша и пересиливая боль в икрах. Резко свернул с футбольного поля, с трудом поднялся по холму до автобусной петли, обогнал еще двух бегунов и достиг асфальта.

– Еще круг, – бросил мне Рэдфорд и вернулся к разговору с тренером девочек.

Начав следующий круг, я даже не думал о Крисе и Джейкобе. Я откашливался, руки и ноги ломило. Но я гордился собой, на душе было хорошо.

Крис с Джейкобом по-прежнему стояли у футбольного поля.

– Эй, по-моему, я велел тебе подойти, – заявил Крис при моем приближении.

Они оба встали у меня на пути. Только-только выровнявшийся пульс вновь участился.

– У меня вовсю сигналит гей-радар, – съязвил Джейкоб, и они оба заржали.

– Оставьте меня в покое, – ответил я. Надеюсь, жестко.

Но они стояли плечом к плечу, преграждая мне путь.

– Ты слышал это девчачье хныканье? – спросил Крис Джейкоба.

– Ага. Голосок как у девочек в ПМС. У тебя месячные, Джуди?

– Хватит вам, парни. Пропустите меня. – Мне претило умолять, но иначе я никак не мог отделаться от них.

– Я велел тебе подойти, но ты не подошел. Знаешь, что случается с пидорками, когда они не делают того, что им велено? – глумился Крис.

Я промолчал.

– Их наказывают. Упал и отжался. Десять раз.

У меня поникли плечи.

– Ладно тебе, Крис, отпусти меня, – по-настоящему взмолился я, глядя ему в глаза.

– Отжимайся, сучонок, – не унимался Крис.

– Покажи свои крутые мышцы девочкам. Или парням. Они ведь больше тебе по вкусу? – добавил Джейкоб, так сильно ущипнув меня за бицепс, что я дернулся в сторону.

Они знали, что я не умею отжиматься. Видели, как я выполняю упражнения на физкультуре. У меня руки как веточки.

Я медлил, потирая руку. Почти все парни прошли круг, несколько девочек обернулись и смотрели на нас.

– Знаешь, я ведь могу придумать другое наказание, – сказал Крис. – Но оно тебе не понравится. – Он повернулся к Джейкобу. – Как думаешь, прытко ли он побежит, если мы закинем его шорты на поле?

– Ладно, ладно, – согласился я и принял позу для отжиманий. Сразу начали дрожать руки.

– Отсчет пошел! Раз! – рявкнул Крис, и я согнул локти в неглубоком отжимании. – Ниже! Два!

Я опустился чуть ниже к земле. К кончику носа скатилась капля пота.

Я выдохнул.

– Ниже! Три!

Ослабшие руки не выдержали веса, и я грохнулся грудью о землю.

– Поднимайся, девчонка! Ну!

Джейкоб ткнул меня кроссовкой, и я оттолкнулся от земли.

Они продолжили издеваться надо мной – четыре, пять, шесть, семь отжиманий, – и каждый раз руки подводили меня и я падал, утыкаясь носом в траву. Восемь, девять.

– Последнее! Десять! – выкрикнул Крис.

За миг до того, как я рухнул на траву, он забросил под меня носком кроссовки собачье дерьмо. Увернуться у меня не вышло, и я упал грудью прямо на него. Крис с Джейкобом покатались со смеху.

Я сел, кривясь от отвращения. Прилипшее к футболке дерьмо свалилось в траву, оставив на ткани вонючее пятно. Крис с Джейкобом ржали как ненормальные. Они раскраснелись и прослезились от смеха. Услышав двойной свисток, они, смеясь, побежали к тренеру.

подавив рвотный позыв, я сплюнул несколько раз в траву и поднялся на ноги. Меня трясло от стыда и злости.

Тогда-то я ее и увидел. Миниатюрную девушку с длинными черными волосами и встревоженными темными глазами, смотрящую на меня сквозь сетку футбольных ворот. Она была очень хорошенькой. Ее не портили даже гневно сжатые губы. Девушка ничего не сказала. Подождала, когда остальные девчонки поднимутся по холму к автобусной петле, а потом медленно вышла из-за ворот и последовала за ними.

* * *

Позже, в компьютерном классе, она шлепнула свои учебники на стоящий рядом стол.

– Ненавижу этого парня, – вместо приветствия сказала она.

– Какого? – спросил я, вынув из ушей наушники.

– Криса Саммерса. Парня, который прицепился к тебе на физкультуре.

У меня вспыхнуло лицо. Вблизи она была еще симпатичнее, несмотря на подведенные черным глаза и порванную одежду. И приятно пахла.

– Мы просто дурачились, – солгал я и почувствовал себя дураком. Естественно, она в эту чушь не поверит.

– Мой парень? Ник Левил? – произнесла она с вопросительной интонацией.

Я кивнул.

– Крис постоянно его достает. И Джейкоб. Все они. Вчера они закинули его учебник алгебры на крышу переносного туалета. Нику из-за этого влетело. Они у нас звезды футбола и ведут себя как золотая молодежь. Учителям не докажешь, что они – хулиганы. Энгерсон заявил, что Ник сам забросил учебник на крышу туалета, чтобы привлечь к себе внимание.

Она села за компьютер и начала печатать.

– Кажется, я знаю его, – ответил я. – Ника Левила. Он живет на моей улице.

Девушка прищурилась, прикусила губу и внимательно на меня посмотрела.

– Почему бы тебе не погулять с нами как-нибудь после школы? – предложила она. – Знаешь, где Голубое озеро?

Я кивнул.

– Мы туда почти каждый день ходим. Стейси и Дьюс. Знаешь их? И Мэйсон Маркум.

Опять кивнул.

Я знал их, но друзьями мы не были. Дьюс – из тех жестких парней, которые всегда злобно зыркают глазами и в ярости молотят кулаками по стенам. Мэйсон Маркум жил в паре домов от меня.

– Хорошо, – согласился я. – Как-нибудь приду.

Миссис Буррофс закрыла дверь в класс и велела всем приступать к заданию. Мы надели наушники и начали работать. Через несколько минут Валери постучала по моему плечу черными ногтями. Я вынул один наушник.

– Крис с Джейкобом еще получают свое. Закон кармы, детка, – улыбнулась она.

Я улыбнулся в ответ.

Да. Закон кармы.

Двенадцатый класс

Скажи что-нибудь, – билась в голове мысль. Снова и снова, по кругу. – Скажи что-нибудь, скажи что-нибудь, скажи что-нибудь.

Но что я должен сказать? И кому? Каждая прошедшая минута, каждая прошедшая секунда все больше отдаляла меня от того ужасного дня. В определенный момент простое умалчивание о чем-либо превращает тебя в виновного. Как я отвечу на первый вопрос, который возникнет у любого

человека: *«Почему? Почему ты ничего не сказал?»*.

У нас с Валери не оказалось ни одного совместного урока. Впервые с перехода в «Гарвин» я был лишен возможности ждать с нетерпением хотя бы одно занятие в день. Занятие, где я мог бы смотреть на Валери. На то, как она сидит, закинув ногу на ногу и зацепившись носком верхней ноги за лодыжку нижней, переплетая их чуть ли не кренделем. Или как она закатывает глаза на что-то сказанное учителем. Ее словно не существовало. Ник словно и ее убил тоже.

Однако обед у нас был в одно время. И в первый учебный день, когда мы все собрались за нашим столом в глубине столовой – я, Мэйсон, Дьюс, Бриджет и Джоуи, – я разволновался, увидев, что Вал стоит в очереди вместе со Стейси. Я сел напротив Дьюса, рядом с пустым стулом, на котором раньше сидела Вал.

– Где твой обед? – спросил Мэйсон.

– Не хочу есть, – передернул я плечами.

– Чего это? – удивился Дьюс, забрасывая в рот горсть жареной картошки.

– Я могу оплатить твой обед, – предложила Бриджет, достав и расстегнув сумочку.

У моих родителей действительно было туго с деньгами, но я не поэтому не ел. Я не ел, потому как еда всегда шла насмарку. Только купишь себе что-то, как Крис Саммерс швырнет козьявку в твой бургер или жвачку – в пюре, или уронит тебе на колени открытый пакет шоколадного молока. Он раньше постоянно «развлекался» с едой Ника. И я, будучи дерьмовеньким другом, всегда радовался, что Крис цепляется не ко мне. Лучшим способом держаться подальше от линии огня была голодовка. Поэтому я не ел.

И не ем до сих пор.

Хотя Криса уже нет.

Словно в наказание самому себе.

– Нет, спасибо, – пробормотал я.

Бриджет убрала сумочку под стол.

– Вон они, – указал Мэйсон Дьюсу, и они свернули шеи, оглядываясь на кассу, где Валери и Стейси оплачивали свой обед.

– Да что ж такое-то, блин. Не, я с этим сегодня не хочу иметь дела, – отозвался Дьюс спустя секунду. Закинул в рот еще жареной картошки, вытер ладони о джинсы и встал. Передвинул свободный стул за стоящий позади столик, снова сел и продолжил обедать. – В этой столовой становится тесновато.

Я не успел сообразить, что происходит, как уже подошли Стейси и Валери. Стейси скользнула на стул, стоявший между мной и Дьюсом, а Валери осталась стоять, держа в руках поднос и перенеся вес на здоровую ногу. У нее было уставшее и бледное лицо.

– Оу, – очнулась Стейси. – Эм... Вал, у нас тут... все места заняты. – И облокотилась на руку Дьюса.

Меня затошнило от отразившегося на их лицах мерзкого превосходства.

Я начал подниматься. К черту тупую игру, которую они все тут затеяли. Валери – наша подруга. Но стоило мне подняться, как Дьюс пнул мой стул и злобно уставился на меня. Я прекрасно знал, что означает такой взгляд. Дьюс не играл. Он не желал видеть Валери за нашим столом.

Вместо того чтобы предложить Валери свое место, вместо того чтобы вступить за нее, я повел себя как обычно. Сел обратно, опустил взгляд в стол и смотрел в одну точку, пока глаза не заслезились и не пришлось моргнуть.

Бриджет завела о чем-то разговор. Я был в ярости. Мне хотелось опрокинуть долбаный стол вверх тормашками, чтобы за ним больше никто не сидел. Но вместо этого я делал вид, будто внимательно слушаю то, чего на самом деле не слышал.

Краем глаза я заметил, как Валери отошла от стола, и виновато проводил ее взглядом. Она вышла из кафетерия с подносом в руках.

Я чувствовал себя подонком.

И мне было горько. Я мог провести с Валери целых двадцать минут, но прошляпил и эту возможность.

После этого я только изредка то тут, то там встречался с Валери в коридоре. И всегда боялся заговорить с ней, боялся, что она спросит, почему я позволил Дьюсу так с ней обращаться. Было стыдно. Я снова у нее на глазах прогнулся под кого-то, кто сильнее и злее меня. Как в тот раз, после которого мы подружились.

Ко второму месяцу учебы Валери стала для меня просто еще одним лицом в толпе «Гарвина». Казалось, я больше не знаю ее. Особенно после того как увидел ее болтающей с Джессикой Кэмпбелл – девчонкой из волейбольной команды, которая вела себя так, словно она лучше других. Я стоял у туалета возле спортивного зала, а Вал с Джессикой шли к крылу искусств. Они походили на символ инь и янь: Валери, одетая во все черное, с распущенными и растрепанными волосами, придавленными лямкой рюкзака, и Джессика в своей белой волейбольной форме, с идеально шелковистыми светлыми волосами, маятником качающимися у нее за

спиной.

Увиденное не укладывалось в голове. Я думал, Валери ненавидела эту девушку. Я знал, что ее ненавидел Ник. Я думал, он ненавидел ее из-за Валери.

Я завернул в спортивное крыло школы. В гимнастический зал на тренировку после уроков направлялась команда баскетболистов. Я давно не бывал тут и не пришел бы, не попроси меня миссис Хелмсли отнести бумаги тренеру Рэдфорду. Учителя вечно дают мне подобные поручения. Мама говорит, это из-за того, что я «такой хороший, заслуживающий доверия мальчик». Но я знаю, они это делают по той же самой причине, по которой мной помыкают задиры: я уступчивый. Скажи мне что-то сделать – и я это сделаю. Все это знают.

Я поплелся в кабинет тренера Рэдфорда. Его там не оказалось, поэтому я положил бумаги ему на стол и пошел обратно. Уже пройдя половину спортивного крыла, я вздрогнул от неожиданно раздавшегося у фонтана смеха. И повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Джейкоб Кинни сдернул с Дуга Хобсона шорты.

Шорты Дуга упали на пол, а боксеры застряли на коленях. Кучка баскетболистов разразилась хохотом, кто-то даже, гогоча, упал на пол. Парочка проходивших мимо девчонок прыскала от смеха в ладони. Дуг Хобсон торопливо прикрылся рюкзаком.

– Очень смешно, – сказал он, и его голос эхом отскочил от стен. – Снова меня подловили.

С Дуга, наверное, уже сотню раз стащили шорты в этом крыле. Это уже стало чуть ли не традицией «Гарвина».

Традицией, конечно же, введенной Крисом Саммерсом.

Я понимал, что должен что-то предпринять. Заступиться за него. Помочь бедолаге. Но вместо этого развернулся и поспешил убратсья оттуда подальше.

На улице прислонился к кирпичной стене и сделал несколько глубоких вдохов. Я ощущал себя полным дерьмом из-за того, что сбежал, и пытался подавить поднимающуюся внутри волну страха.

Закрыв глаза, я старался не слышать звука выстрелов и криков, смеха Криса Саммерса, перемежающегося воем сирены, громкими полицейскими командами и бесконечными «эй-педик, эй-педик, эй-педик», – саундтрека к моим кошмарам. Я заставил себя открыть глаза, вытереть пот со лба и верхней губы. Руки дрожали. «Эй, Джуди, иди сюда!».

До меня доносились скрип закрывающихся автобусных дверей и дребезжание отъезжающих автобусов. Я отлепился от стены, поднял

лежащий между ног рюкзак и забросил его на плечо. Вышедший из дверей Дуг Хобсон резко затормозил, чтобы не врезаться в меня.

– Не стой в дверях, – бросил он угрюмо и пошел прочь.

– Эй, – позвал я, но он не остановился. Я позвал громче: – Эй!

Он глянул через плечо. Его скулы пошли красными пятнами, челка промокла от пота.

– Что?

Я поспешил догнать его.

– У нас совместный четвертый урок, да? У мисс Васкес.

– Не знаю, – скривился Дуг.

Он пошел дальше, и я заметил пятна пота на его футболке. Бедняга весь взмок на нервной почве. Мне пришлось ускориться, чтобы идти в ногу с ним.

– Я видел, что произошло, – сказал я с бьющимся где-то в горле сердцем и указал за плечо. – У фонтана.

– Рад за тебя. Дать тебе в следующий раз билет на место в первом ряду?

– Джейкоб – придурок, – добавил я.

Дуг развернулся, хотел что-то сказать, но, видимо, передумал. Передернул плечами и натянул на голову капюшон.

– Это просто шутка, – отозвался он.

Я ему не поверил. Сколько раз я так же пожимал плечами и находил ту же отговорку? Сколько раз Крис Саммерс сам это говорил? *«Это же шутка. Остынь, педик»*.

Шуточки... Мы должны быть пайньками и смеяться над ними? Ник не принимал издевательства за шутки. Теперь всем это ясно как божий день. Как они могли так легко об этом забыть?

Трибуны пустовали. Я направился к Старлинг-стрит. Мэйсон не дождался меня. Скорее всего, снова укатил домой с Дьюсом. Я застегнул молнию на куртке. Ну и хорошо. Компания мне не нужна. Стоит оказаться среди людей, и мозг заводит одну и ту же пластинку: *скажи что-нибудь, скажи что-нибудь, скажи что-нибудь*.

* * *

Мой брат Брэндон сидел на крыльце в одних боксерах. Мама больше не разрешает ему курить дома, поэтому он выходит дымить на улицу. Глаза у него были налиты кровью, веки опухли. Он зевнул, почесывая коротко

стриженный затылок.

Я демонстративно посмотрел на свое запястье, будто сверяясь со временем, хотя часов не ношу.

– Рановато поднялся, Спящая Красавица. Всего полчетвертого пополудни.

Брат показал мне средний палец приложенной ко лбу ладонью, затем опустил руку и, прищурившись, глянул на меня.

– День в школе удался, Пи-Ви^[18]? Научился завязывать шнурки?

– Сам придумал эту шутку или бабуля научила, умник?

Я поднялся на крыльцо, и Брэндон ткнул мне костяшкой пальца в лодыжку.

– Этому меня тоже бабуля научила, сопляк.

Рассеянно потирая ногу, я заметил машину отца.

– Папа дома?

Брэндон выпустил облачко дыма, и оно поплыло вверх.

– Вернулся где-то с час назад.

– Почему?

– Наверное, мало работы. Откуда я знаю? Я не нянька ему.

Я вошел в дом и бросил рюкзак на кухонный стол. Вот поэтому-то у нас никогда нет денег. Мама работает водителем школьного автобуса, папа пашет на заводе. Они и так-то не много зарабатывают, но когда на заводе дела идут туго, отца отправляют домой без денег. В «Гарвине» у тебя или есть деньги, или их нет. У таких, как Джессика Кэмпбелл, Джинни Бейкер и Джейкоб Кинни, деньги есть. У таких, как я, Мэйсон и Дьюс, – нет.

Правда, финансовый статус почти не имеет значения, если тебя зовут «гомиком класса». Старшеклассники «Гарвина» со своими скудными умишками считают, что быть геем хуже, чем быть бедняком.

Я точно знал, где найду отца, поэтому взял себе газировки и сбежал по лестнице в подвал. Папа сидел на стуле, склонившись над своим разбомбленным городом – миниатюрой Дрездена.

– Хей, приятель, как школа?

– Нормально. – Я открыл банку и отпил газировки.

Папина рука замерла. Он вскинул на меня взгляд.

– Точно?

– Все как обычно. Скучно. Бессмысленно. Муторно. – Протянув руку, я указательным пальцем сдвинул с дороги крохотную взорванную машину.

Папа напряженно за мной наблюдал.

– Остался всего один год, – сказал он. – Даже меньше. Потом ты поступишь в университет и будешь жить дальше. Ну, забудешь о плохом...

В ушах зазвенело. *Забудешь*. Знал бы он, как сильно я хочу об этом забыть. Но он не знает, потому что я ему ничего не рассказал. Я никому ничего не рассказал.

Скажи что-нибудь.

– Пап...

– Ммм, – рассеянно отозвался он, располагая солдата за разрушенной кирпичной стеной.

– Я... – горло сковало.

«Это же шутка, Джуди. Не будь тряпкой. Ты слишком серьезно все воспринимаешь. Необязательно со всякой ерундой бежать к психологу».

Папа замер, держа солдата в воздухе над стеной.

– Что?

Скажи что-нибудь.

– Я... – сглотнув, я сжал губы. – Мне кажется, тебе стоит добавить там дыма.

Папа помедлил, внимательно разглядывая меня, затем посмотрел, куда я указываю.

– Хм. Хорошая идея! Спасибо!

– Не за что, – отозвался я. Когда наконец в ушах перестанет звенеть? – Всегда рад помочь.

Одиннадцатый класс

17. Злобные глазищи Теннайл.

18. БТБС

19. Реклама с женскими прокладками – ФУ!

20. Джессика Кэмпбелл!!!

– Эй, принцесса, где твоя диадема?

Я поспешно прошел из душевой к своему шкафчику, крепко держа обвязанное вокруг бедер полотенце. По собственному горькому опыту я знал: стоит на секунду потерять бдительность, и Крис Саммерс найдет способ сорвать его с тебя.

– Хочешь занять ее у меня? – насмешливо спросил я. Это моя новая стратегия: перестать сносить его дерьмовые выходки и цеплять его так же, как он меня.

Саммерс ухмыльнулся, в уголках его глаз образовались морщинки.

– Слышал это? – толкнул он плечом Джейкоба. – Наша девочка растет. Даже зубки в ход пускает.

– Я слышал, пидорки часто дерзят, – усмехнулся Джейкоб.

Крис повернулся к нему и спросил, будто меня рядом нет:

– И что будем делать с этой дерзкой девчонкой?

Я обтирался полотенцем, на моей тощей безволосой груди еще не высохли капли воды.

– Не знаю, – с деланно невинным видом ответил Джейкоб.

– Может, выставим ее в коридор? – предложил Крис.

– Убедившись для начала, что она не слишком сильно одета.

– Да ладно вам, парни, – пробормотал я. У меня участился пульс. Как быстро испарилась моя бравада...

– Не переживай, – мягко и дружелюбно сказал Крис. Задумав подлянку, он всегда говорил таким тоном. – Мы же не на улицу тебя выставим. Просто немного подурочимся.

И они оба кинулся ко мне. Я напрягся, отчаянно вцепившись в полотенце. Крис ухватил пальцами один мой сосок, Джейкоб другой, и они разом так больно их сжали, что показалось, будто с меня живьем содрали кожу. Я вскрикнул, но мой голос заглушил их смех.

– Кончайте с этим, придурки, – раздался рядом голос, и Крис дернулся назад, к кому-то подошедшему к нему со спины.

Послышался шорох. Открыв глаза, я увидел, как Крис толкнул Ника Левила. Ник упал на задницу, стукнувшись спиной о шкафчики. Вокруг нас начали собираться школьники – посмотреть, что происходит. Я поспешил убраться подальше, молясь, чтобы никто не заметил расцветающие на моей груди фиолетовые синяки.

Ник поднялся и согнул колени, приняв боевую стойку. У этого тощего парнишки не было ни единого шанса против двух «шкафов», но он не сдавался и готовился себя защищать. Я же продолжал отступать, еще больше унижая себя этим.

– Защищаешь свою подружку, чмо? – спросил Джейкоб. – Как мило.

– Вы обзываете всех геями, а сами в раздевалке не можете руки держать при себе, – ответил Ник. – Может, это вы храните маленький секрет?

Крис шагнул вперед и отпихнул Ника. Тот снова ударился спиной о шкафчики.

– Остынь, чмо. Я не знал, что у вас с Джуди роман. Думал, ты крутишь шашни с костлявыми уродливыми трупаками с жиденькими волосенками.

Лицо Ника перекосилось от злости, он бросился на Криса, но в этот момент в раздевалку зашел тренер Рэдфорд.

– Эй, эй! – крикнул Рэдфорд, кинувшись к ним.

Они оба застыли.

– Всем разойтись. Левил и Саммерс, вы идете со мной.

– Он первым начал, тренер, – заявил Крис, и Джейкоб бешено закивал. Как только у него от этого башка не отвалилась?

Рэдфорд повернулся к Нику, вопросительно приподняв брови. Ник вытер рот рукавом, его взгляд метнулся от меня к тренеру и обратно. Я открыл рот, но не смог выдать ни слова – история моей гребаной жизни.

– Угу, – наконец отозвался Ник. – Вы же все равно не поверите в виновность ваших драгоценных футбольных звезд.

Он пошел за тренером.

Все вышло не так плохо для Ника – может потому, что он проигрывал в драке с Крисом, когда появился Рэдфорд, а может потому, что учителя устали от его драк. Может, директор понял: если отстранение Ника от занятий до сих пор никак не помогало, то и никогда не поможет. Может, он махнул на Ника рукой и ждал лишь, когда тот закончит двенадцатый класс и навсегда покинет «Гарвин». Какова бы ни была причина, Энгерсон ограничился субботним наказанием и разрешил Нику вернуться на уроки.

– Да пофиг, – сказал Ник.

В тот день мы вместе возвращались домой. Он подкинул носком камень с асфальта, и тот, перелетев через дорогу, угодил в водосточную канаву.

– Я уже привык к субботним занятиям. Им впору назвать в мою честь парту, за которой я торчу по субботам.

Мы остановились у подъездной дорожки его дома.

– Увидимся позже, – неловко, глупо сказал я.

Из головы не шли мысли о том, что Ника наказали за то, что он защищал меня, что это наказание предназначалось мне. Ведь это я решил дать Саммерсу отпор, но всего через пять секунд после стычки с ним поджал хвост. Я должен был хотя бы поблагодарить Ника, но благодарить его – значит, признать то, чего не хочется признавать.

– Пойдешь с нами сегодня на озеро? – крикнул мне Ник на полпути к дому. – Дьюс принесет пивка.

– А Валери... – начал я и покраснел. – Ты уверен, что никто не будет против? Ну, против моего прихода?

– Почему кто-то должен быть против? – с удивлением посмотрел он на меня.

– Хорошо.

Хоть один пятничный вечер не придется сидеть с отцом, приклеивая зубочистки к газете или занимаясь хрен знает чем другим. Не придется

терпеть насмешки Брэндона из-за отсутствия друзей и жалостливое заступничество Сары.

– Приходи к шести, – сказал Ник, открыл дверь с порванной сеткой и исчез во мраке дома.

* * *

Я зашел к Нику без пятнадцати шесть, не в силах скрыть своего лихорадочного нетерпения и молча ругая себя за это. Меня колбасило от переполнявших эмоций: я увижу Валери вне школы! Я надеялся, что от меня не слишком разит одеколоном, а то я чуть не вылил на себя весь флакон. Надеялся, что у меня не горят побритые скулы и подбородок, как у какого-то ботана-малолетки. Надеялся, что она увидит меня в хорошем свете.

Ник открыл дверь и впустил меня, приклеившись ухом к телефону. Проморгавшись в темноте, я разглядел светловолосый затылок сидящей на диване женщины. Она смотрела телевизор, ела что-то и вытирала пальцы о полотенце, висевшее на окне вместо занавески.

Ник знаком позвал меня за собой, и мы спустились в его подвал-спальню.

– У-ху, – угукал он в телефон. Спустя пару минут нажал на отбой и объяснил: – Вал.

Я постарался не выказать охватившего меня разочарования. Валери позвонила не мне, потому что я не ее бойфренд. Я мог мечтать о ней сколько влезет, но она была девушкой Ника.

– Она сегодня придет?

Я взял джойстик от плейстейшена и от нечего делать начал нажимать на его кнопки, хотя телевизор был выключен.

– Ага, – ответил Ник, кидая в карман какие-то вещи с комода. – Дьюс заедет за ней домой к Стейси. – Он повернулся ко мне. – Она тебе нравится?

Я похолодел. Это так очевидно?

– Кто? Вал? Она классная, – попытался незаинтересованно выдать я.

– Да, она классная, – согласился Ник.

Он отвернулся и принялся снова шарить в комоде. Я с облегчением выдохнул ему в спину.

– Есть в ней что-то такое... Хрупкость... Нежность... И ум. Всегда думал, что если буду с кем-то встречаться, то через месяц помру от скуки,

но с ней все по-другому.

– Оу, – отозвался я. В горле застрял комок.

– В семье у нее, правда, хрень творится. Родители постоянно скандалят. Отец – успешный адвокат, к людям относится так, будто они мешаются у него под ногами. Мои родичи, конечно, не лучше, но мы хотя бы не притворяемся примерной семьей. Ее же родители только пыль всем в глаза пускают. Боятся показать себя такими, какие они есть. Боятся людского мнения.

Я сел на постель Ника, представляющую собой брошенный на пол матрас. Взгляд остановился на потрепанном красном блокноте, лежащем поверх груды книг в пластиковой корзине. Я уронил джойстик и нагнулся за блокнотом.

– Но Валери не такая, как они, – заметил я, открыл блокнот и пролистал.

– Знаю. Потому она мне и нравится. Она настоящая. Мы с ней одинаково мыслим.

Ник замолчал. Я перевернул еще несколько страниц в блокноте. Это был список, написанный двумя почерками чернилами всех цветов.

– Что это? – спросил я.

Ник издал неопределенный звук – нечто среднее между кашлем и смехом.

– Ничего особенного. Список. Вообще-то это вещь Вал.

– Номер тридцать два: *люди, таращащиеся на тебя слишком долго во время разговора с тобой*. Номер тридцать три: *Жирнюха Эллен*, – вслух прочитал я, фыркнул от смеха и поднял взгляд на Ника. – Эллен Масс? Вал зовет ее жирнюхой Эллен?

Ник кивнул и пожал плечами.

– Она же жирнюха, – просто ответил он.

Я продолжил читать, пролистав еще пару страниц.

– Номер восемьдесят девять: *слоновьи ляжки КБ*. Кто такая КБ?

– Кристи Брутер. Девчонка из команды по софтболу. Я ее не знаю, но Валери ее ненавидит. Готов идти?

– Значит, это список ненависти? Забавно.

– Что-то в этом роде.

– И кто еще в нем? Кроме Эллен и Кристи.

– Куча народу. Любой, кто хоть раз нас взбесил. – Ник выудил из-под подушки расческу и провел ею по волосам. – Люди, которые это заслужили.

– В нем должен быть Крис Саммерс, – вырвалось у меня. Просто

вырвалось – и все. – Он должен быть в самом верху списка.

Ник кинул расческу на кровать.

– Поверь, он там есть, – хмуро ответил он.

Я перевернул несколько страниц в поисках имени Саммерса.

– Понятия не имел, что Вал ведет список, – пробормотал я. – Так забавно. Номер сорок четыре: *шмотки фирмы Hollister*. Номер сорок пять: *люди, говорящие аббревиатурами – оmg! lol!* – Я засмеялся.

– Видишь? Ты просекаешь что к чему. Поэтому и нравишься Вал, – заметил Ник.

Меня окатило волной надежды, которая тут же схлынула. Я нравлюсь Валери, но она никогда не полюбит меня. Во всяком случае не так, как Ника. Да и за что меня любить? Во мне все не так. Я чересчур тощий и чересчур женственный. Всегда неуверенный в себе. Я никогда не приглашу девушку на свидание. Никогда не пойду против таких парней, как Крис Саммерс. Я с трудом сглотнул застрявший в горле ком.

– Можно и мне добавить в список пункт? – спросил я.

Ник бросил взгляд на блокнот, замешкался, словно не желая, чтобы я это делал. Словно блокнот был личной вещью только их двоих. Однако после кратковременного замешательства Ник подошел к комоду, отыскал на нем ручку и кинул ее мне.

– Конечно.

Я схватил ручку и перелистал страницы до конца списка. Может, Крис уже в нем и есть, но таких, как он, и десять раз добавить мало.

Нажимая на ручку так, что она в нескольких местах прорвала бумагу, я написал: *104. Крис Саммерс*.

Двенадцатый класс

На первом уроке Джин-Энн достала всех своим негодованием из-за ученического совета.

– Нет, ну ты можешь поверить в то, что они ее приняли? – шипела она каждому, кто ее слушал, с возмущением таращась на всех своими размазеванными глазами. Почти никто не мог поверить ее словам, о чем бы она там ни говорила.

Я не обращал на нее внимания – мне плевать на маленькие жизненные трагедии Джин-Энн. Но тут она развернулась на стуле и сказала сидящей рядом со мной Лизи Блэкберн:

– Ну как ее можно было принять в ученический совет после того, что натворил в прошлом мае ее бойфренд? Моя мама в шоке от этого. Уверена,

она с жалобой позвонит в администрацию школы.

До меня, наконец, дошло, о ком идет речь. И внезапно я сильно озабочился маленькой жизненной трагедией Джин-Энн. Разговор мог идти только о Валери.

Больше я не слышал ничего из сказанного мистером Деннисом – он вещал что-то о тектонических плитах, – потому что думал только о словах Джин-Энн. Они были нелепицей. Валери приняли в ученический совет?

Вал?

Девушку, которая ненавидела – и теперь у всего мира есть тому доказательство – чуть ли не каждого человека из ученического совета? Девушку, которая в одиннадцатом классе по дороге в столовую каждый день шептала мне о гадостях, которые ей делала Джессика Кэмпбелл? Девушку, которая плакала на моем плече в тот день, когда Кристи Брутер подставила ей в столовой подножку, из-за чего она испачкала кетчупом рубашку?

Это невозможно.

Я подловил Валери на перемене после второго урока.

– Привет, Дэвид. – Она чуть прихрамывала, выглядела взвинченной, кожа вокруг ногтей была обкусана.

– Привет.

Я не знал, что теперь чувствую к Валери, но ладони при встрече с ней все еще бешено потели. Мы не разговаривали с ней с первого учебного дня. Дьюс сделал наше общение практически невозможным. Он не запретил разговаривать с ней, но ясно дал понять: заговоришь с Валери и можешь искать себе новых друзей.

Если бы люди узнали обо мне правду – о том, что я знаю и о чем не рассказываю, – я бы не нашел ни единого друга и начал опасаться за свою жизнь.

Скажи что-нибудь, – всплыло в голове, но я сразу отбросил эту мысль.

– О тебе сегодня утром болтала Джин-Энн Сплиттерн, – начал я.

Лицо Валери тут же приняло настороженное выражение.

– Обо мне многие болтают, – пробормотала она. – Я к этому уже привыкла.

– Она сказала, что ты вступила в ученический совет. – Это прозвучало как обвинение.

Валери остановилась.

– Я не вступала в него.

Она выглядела такой отчужденной и холодной, будто даже не узнавала

меня. Может, в каком-то смысле так оно и было. Я знал Валери больше года, и за это время видел, как она из нежной девушки с иссиня-черными волосами и пронизывающим взглядом превратилась в девушку, словно окунувшуюся во тьму. В девушку с вечно настороженным лицом. Я видел, как Ник меняет ее – внешне и внутренне – и почти не узнавал ту, которая пригласила меня в компьютерном классе потусоваться на Голубом озере с ее компанией.

– Я так и думал. Джин-Энн врушка. Как и остальные.

Однако оказалось, что врушка – Валери. Пусть официально она и не вступила в ученический совет, пусть не развешивала по школе постеров, не произносила речей и не избиралась, но между тем она все-таки стала его частью. Спустя несколько дней после нашего разговора я заметил, что Валери после уроков зашла в кабинет миссис Стоун, и подсмотрел в крохотное пуленепробиваемое окно двери, как она садится между Джессикой Кэмпбелл и Джошем Пэйном. Я видел это своими собственными глазами.

Валери стала одной из них.

Я повернул за угол злой как черт, чувствуя себя преданным. Казалось, я все потерял и у меня совершенно ничего не осталось. Ничего, кроме гнетущей душу вины.

Остановившись у своего шкафчика, из-за обуревающих меня чувств я даже не сразу осознал, что вижу приоткрытую дверцу. В нем кто-то копался? Я распахнул дверцу настежь. Внутреннюю ее сторону перечеркивала черная надпись маркером: «Пидор!».

Я лихорадочно обшарил взглядом коридор, почти ожидая увидеть позади себя Криса Саммерса, пихающего плечом Джейкоба Кинни и хохочущего вместе с друзьями. Глупо, знаю, Крис Саммерс мертв, и коридор, конечно же, пуст.

Почему я думал, что с его смертью издевки прекратятся? Как я мог поверить в то, что кто-то изменился? При мне Джейкоб Кинни сдернул с Дуга Хобсона шорты. Все так же как и раньше. А я умудрился убедить себя в том, что каким-то чудом избегу подобного отношения.

104. Крис Саммерс.

104. Крис Саммерс.

104. Крис чтоб его Саммерс.

Разум перенес меня в день стрельбы. Я стоял в дверях, и в ушах звенели выстрелы и крики.

И голос: «Он стреляет! Бегите!».

Этот голос.

Я прислонился лбом к холодному металлу соседнего шкафчика и закрыл глаза. *«Нужно убираться отсюда! Он стреляет! Бегите!»*

Моя ладонь медленно сжалась в кулак. Я ударил им по дверце, сначала слабо, потом сильнее, проходясь костяшками по слову «Пидор!».

Я отлепился от шкафчика, с такой силой хлопнул дверцей, что, отскочив, она снова открылась, и пошел прочь. Плевать. Пусть видят надпись.

Проходя по коридору, я не стал заглядывать в кабинет ученического совета, где Валери общалась с ребятами, половина из которых всего несколько месяцев назад была занесена в ее Список ненависти.

Я знал, что мне не убежать от этой моей... проблемы. Знал, что она не только во мне самом, не только в Крисе Саммерсе или Нике Левиле и преследующих меня издевательствах. Но все же с каждым шагом набирал скорость и вскоре уже на полном бегу выскочил из дверей школы на пустую стоянку. Я пронесся весь путь до дома и вломился в него, задыхаясь и хватая ртом воздух, словно выскочивший из огня человек. Рубашка и кофта прилипли к вспотевшему телу.

– Дэвид? – позвала мама из кухни.

Не обращая на нее внимания, я пересек скудно освещенную гостиную, где устроился в мягком кресле Брэндон, и прошел по удручающе темному коридору в ванную. В голове мелькнуло, что вся моя жалкая жизнь смахивает на этот коридор. Пинком закрыв дверь, я бросился к унитазу. Меня вывернуло, несмотря на совершенно пустой желудок.

Пидор!

Я не тот, кем меня обзывают, но как убедить в этом других, если я скрываю страшную правду?

Одиннадцатый класс

54. Люди, считающие, что тебя можно оскорблять, прикрываясь словами: *«это же шутка»*

55. Энгерсон

56. Столовая

57. ДОМАШКА

Валери менялась настолько плавно и целиком, что другие могли этого не замечать. Вал и Ник даже внешне стали походить друг на друга. Иногда они обменивались одеждой. Ник снимал с себя на стоянке после уроков рубашку, и Вал, скомкав, засовывала ее в рюкзак. На следующий день она

приходила в школу в его рубашке, утыкалась носом в воротник и вдыхала его аромат.

Они даже говорили об одном и том же. И кажется, все больше озлоблялись и ожесточались.

– Ненавижу эту сучку, – однажды в столовой сказала Валери и указала вилкой с наколотой на нее картофелиной фри в сторону какой-то десятиклассницы. – На, поешь, – подвинула она ко мне свой поднос.

– Кто это? – спросил я, с удовольствием жуя картошку.

– Понятия не имею. Она из БТБС. А это все, что мне нужно знать.

– БТБС?

– Мы с Ником так называем похожих на нее. Богатых Тощих Барби-Сучек.

Не прошло и пяти минут, как показался Ник с розовым пропуском, выдаваемым при опоздании, и энергетическим напитком. Отхлебнув из банки, он указал через плечо на ту же самую девушку.

– Ненавижу эту сучку, – сказал он, садясь с нами. – БТБС.

Одним человеком... Они стали одним человеком.

Подобное случалось нередко, но с приближением конца года участилось. Вал притихла и замкнулась в себе, словно находилась в вечной печали. Она казалась очень несчастной и очень злой, и я не понимал, почему ей так хочется быть с Ником, если он так влияет на нее. Я мог бы сделать ее счастливой.

Одиннадцатый класс подходил к концу, и мы все с нетерпением ждали окончания занятий и перехода в выпускной класс.

Однажды, когда весна только-только начала согревать своим теплом воздух, я после уроков зашел к Нику и с удивлением обнаружил у него своего брата вместе с его дружкой Джереми Уотсоном. Моя сестра Сара называла Джереми «прирожденным лузером», а мама не желала видеть его в нашем доме – она божилась, что стоит ему ступить на наш двор, как у нас что-нибудь пропадает.

Они отъезжали от дома Ника, и Брэндон через пассажирское окно показал мне средний палец. Ник стоял на крыльце.

– Я не знал, что ты общаешься с моим братом.

– Я и не общаюсь. – Ник пошел в дом. – Он приехал с Джереми.

От Ника пахло сладковатым дымком. Так же пахло в спальне моего брата. Я никогда не курил травы, но идиотом не был. Джереми специализировался на «дури».

– Ты где пропадаешь? Вал говорит, ты часто прогуливаешь школу.

Я последовал за ним по теперь уже знакомой лестнице в его спальню.

– В школе полно шутников, – ответил Ник. – Их так много, что обхохочешься. – Он фыркнул, сел на запертый чемодан, вытянул перед собой ноги и откинул голову на бетонную стену. – И скоро этим шутникам будет не до смеха.

Я нахмурился, пытаюсь понять, о чем Ник говорит, но решил, что он обкурился и несет глупости.

– Вал беспокоится, – сказал я.

– Переживет, – отмахнулся Ник. – Уж в чем-чем, а в этом я уверен.

Он взял потрепанную гитару и пробежался пальцами по струнам. Я нагнулся и поднял Список ненависти, лежавший на полу рядом с кроватью. Бывая у Ника дома, я обычно просматривал его. Меня он забавлял. Почему-то читая его, я чувствовал себя ближе к Валери, словно это я, а не Ник, делю с ней секрет.

Однако в этот раз, перелистывая страницы, я заметил кое-что странное. Некоторые пункты были зачеркнуты красной ручкой.

~~20. Джессика Кэмпбелл~~

~~67. Теннайл~~

~~5. Джинни Бейкер~~

~~43. Джейкоб Кинни~~

Все, кого ненавидели Ник и Вал, были вычеркнуты один за другим.

Складывалось ощущение, будто Список ненависти стал... списком дел. Я поймал на себе взгляд Ника – темный и жесткий. Его глаза блестели, губы кривились в усмешке. Он словно бросал мне вызов: «Ну, спроси, почему эти имена зачеркнуты!». По спине пробежал холодок. Я закрыл блокнот и включил видеоигру.

Если бы я не знал Ника, то задался бы вопросом, не задумал ли он чего. Но если бы он что-то задумал и скрывал это от меня, то Валери обязательно знала бы о его планах. И она бы мне о них рассказала.

Она бы его остановила.

Возможно, я просто пытался себя в этом убедить.

Двенадцатый класс

На этот раз они стащили с Дуга штаны в обеденное время в коридоре возле хорового зала. Из него как раз выходили девушки, поющие в хоре – те же самые, которые прыскали в ладони при похожей сцене в спортивном крыле. Сейчас они тоже смеялись. Джейкоб гоготал, брызжа слюной и тыча в них пальцем:

– Опять тебя подловил!

Значит, теперь это игра? Все дело в этих девчонках? Дуг просто пешка, инструмент для флирта Джейкоба.

Школьники, идущие на урок, хихикали, оглядываясь на Дуга. Тот выронил коробку с завтраком, чтобы удержать трусы. Вся еда вывалилась на пол. Хорошо хоть Джейкобу не удалось сдернуть с него боксеры. Они лишь приспустились слегка, но живот Дуга закрывала рубашка. В последнее время он носил только длинные рубашки.

Джейкоб пошел за девчонками, но его тупой смех продолжал звенеть даже когда он завернул за угол. Я наклонился, поднял сэндвич и протянул Дугу.

– Держи.

Он не поднимал глаз. Смотрел на пол, на пакеты с чипсами и печеньем – обед первоклашки.

– Все это ерунда, – пробормотал Дуг, грубо выхватил у меня из руки сэндвич и сунул его в рюкзак.

Прозвенел звонок, но мы оба его проигнорировали.

– Врежь ему в следующий раз, – посоветовал я, а сам подумал: «Отличный совет, Дэвид. Ты же у нас такой храбрый. Настоящий боец! Прямо зверь!». И добавил, споря с собой: – Я бы с удовольствием ему врезал.

– Он этого не стоит, – отозвался Дуг и направился к столовой, сжав в кулаке лямки потрепанного рюкзака. – К тому же это просто шутка.

– Не смешная, – заметил я. – И ты что-то тоже не смеешься.

Дуг развернулся и пошел задом наперед.

– Я не собираюсь делать глупости, если ты беспокоишься об этом. Я не одержимый убийством псих, как Ник Левил. – Он снова развернулся и исчез в столовой.

* * *

После уроков мы с Валери вышли из школьных дверей одновременно. Она была одна и выглядела чистой и свежей. Наконец-то снова начала заботиться о своей внешности?

– Привет, – поздоровался я.

– Привет.

Сжав губы, Валери нервно оглядела стоянку.

– Как у тебя дела? – спросил я. Было такое ощущение, будто мы не знакомы. И мне это ощущение не нравилось.

– Ты о чем? – тут же насторожилась она.

Я пожал плечами.

– Как жизнь? Ладно, забудь.

– Жизнь... – фыркнула Валери и продолжать не стала.

Мы постояли пару минут, чувствуя неловкость. Вал провожала взглядом подъезжающие и отъезжающие машины.

– Все еще ездешь с мамой?

– Ну, моя последняя поездка на автобусе плохо закончилась.

Я это помнил. Сойдя со школьного автобуса в прошлом году, она, разъяренная, прибежала к трибунам и показала мне свой сломанный плеер. Я сказал, что его можно починить. А потом подъехал Ник и все навсегда изменилось. Все.

Скажи что-нибудь.

– Так ты... это... теперь дружишь с Джессикой Кэмпбелл? – спросил я.

Валери нетерпеливо притоптывала ногой.

– Тебя это беспокоит?

– Нет. Просто... по мне, так практически ничего не изменилось. Ну, я имею в виду этих парней и девчонок. А я думал...

Она повернулась ко мне.

– Думал, что после случившегося все станут добрее? Я тоже так думала.

– Но они не стали. Джейкоб Кинни постоянно сдергивает штаны с Дуга Хобсона.

– Джейкоба нет в ученическом совете, если ты ведешь к этому.

– Да нет, я не об этом. Если хочешь быть в ученическом совете – дело твое. Я просто говорю, что некоторые люди по-прежнему...

– Не хочу, – прервала меня Вал.

Порыв ветра бросил прядку волос ей на лоб, та зацепилась за бровь, но Валери не стала смахивать ее.

– Я не хочу быть в ученическом совете. Я просто в нем есть, вот и все. Прости, если это воспринимается как жуткое предательство по отношению к тебе, Нику или... всем остальным. – Она покачала головой. – Я должна там быть. Ты спрашивал, как моя жизнь? Я пытаюсь ее вернуть, но половину времени даже не осознаю, что она вообще у меня есть. И порой мне кажется, что Джессика совершенно не такая, какой мы ее себе пред... – Ее глаза заблестели. Вал умолкла. – Мама приехала, – обронила она и ушла прежде, чем я успел попрощаться.

Папа опять был дома, когда я вернулся. Я спустился к нему в подвал, где он разбирал и перестраивал старый окоп.

– Привет, дружище. Как школа? – спросил он.

Я сел на стул напротив него.

– Школа как школа, – ответил я.

Такой ответ он слышал от меня большую часть моей жизни. Но, должно быть, голос выдал меня, потому что папа откинулся на спинку стула и вытер руки о полотенце.

– И? – уточнил он.

Скажи что-нибудь, – требовал разум. – Скажи ему, что случилось в тот день. Скажи, что происходит сейчас.

– Пап, как думаешь, люди могут измениться?

– Люди или какой-то конкретный человек?

– Люди вообще. Например, старшекласники в моей школе. Те, кто там... ну, ты сам знаешь.

Папа уронил полотенце, его лоб пересекли морщины.

– Что-то происходит? – беспокоился он.

Да, что-то происходит. Погибли люди, а всем, по-видимому, плевать. Все ведут себя так, будто дело было только в Нике, будто только у него были проблемы. Он был психом, они – нормальные, вот что они думают. Но они ошибаются. Я знал Ника. Знал Ника, который вступился за меня в раздевалке и подрался с Крисом Саммерсом. Он не был сумасшедшим. Он отчаялся. Я думал, что знаю Криса Саммерса, но, как оказалось, это было не так, и я не могу рассказать всем о том, что случилось на самом деле, и открыть правду, потому как слишком боюсь за себя.

От беспокойства морщины на лбу отца углубились, в глазах отразился страх. Мне вспомнилось, как я бросился к нему второго мая – полицейские удерживали родителей, пока сами прочесывали школу. Как отец стоял на дорожке в пахнущей заводом спецодежде и как рыдал, обнимая меня и сотрясая рыданиями мое тело. «Я так боялся, – давился он слезами. – Так боялся, что с тобой что-то случилось».

Я не мог снова так с ним поступить. Он не заслуживал этого страха.

– Нет, ничего не происходит, – ответил я. – Это был гипотетический вопрос. Для сочинения, которое я пишу на тему свободы воли.

– А, – отозвался папа и вернулся к работе. – Думаю, при желании и немалых усилиях люди могут измениться. Но большинство даже не хочет

пытаться. Большинству легче принять свои плохие качества, чем бороться с ними. Изменение – это тяжелая работа. Спроси у любого курильщика.

Я откинулся на спинку стула и, наблюдая за работой папы, размышлял над его словами. Джейкоб Кинни никогда не изменится. Зачем это ему? Гораздо проще верховодить школой – чтобы популярные девчонки тебя обожали, а все остальные боялись, – чем пытаться стать хорошим человеком.

Я подумал о словах Дуга: «это просто шутка», «все это ерунда». И о том, как Валери меня отшила и вела себя так, словно я ей враг. Я подумал о не стертой с дверцы моего шкафчика надписи: «Пидор!».

Но больше всего мои мысли занимали перечеркнутые красной ручкой имена и то, как все были потрясены, когда людей с этими именами застрелили.

Когда кого-то из них застрелили.

Потрясены были все. Кроме меня.

Одиннадцатый класс

113. РозовыйРозовыйРозовыйРозовыйРозовый

114. Джессика! Сучка!! Кэмпбелл!!!

115. Жирные бока Теннайл

С приближением мая всегда трудно сосредоточиться на школьных уроках. Наконец-то светит солнце, и единственное, чего хочется, – сидеть на улице, слушать музыку и, может быть, пускать по воде Голубого озера камешки.

Но в мае одиннадцатого класса заставить себя идти в школу было просто нереально. Думаете, за девять месяцев Крису Саммерсу надоело меня третировать и он нашел себе занятие получше? Как бы не так! Мартышка, и та бы устала прыгать месяцами вокруг одного и того же мяча. Крис же за зиму только вошел во вкус. Он обзывал меня «пиратом-педрилой» и подговорил своих дружков вякать что-нибудь соответствующее, проходя мимо меня в коридоре: «Разрази меня гром, я слышал, Ник Левил прохаживается к шкафчику Дэви поглазеть на его тыл! Йо-хо-хо!».

Однажды я прогулял школу и поехал на велике к Голубому озеру. Стоял солнечный день, озеро сверкало, пуская блики в глаза. Было так мирно.

Пока я не услышал этот звук.

Хлопок, будто от выстрела.

Говорят, за выстрел можно принять выхлоп машины. Чушь собачья. Выстрел похож на выстрел, и ты сразу понимаешь, что именно услышал минуту назад. Во всяком случае я понял это сразу. Остановился на велосипеде, уперев ногу в землю, и наострил уши, не зная что делать.

Но потом услышал голоса и смех за навесом – тем самым, где мы обычно встречались со всеми на озере. У туалетов стояла знакомая машина. Черная крутая тачка. Брэндон мне еще из нее фак показал. Машина Джереми.

Я развернул велосипед в сторону голосов и оставил его рядом с машиной. Прошел через навес и увидел сидящего на камне Джереми. У него на коленях лежал пистолет.

– Ты чего здесь делаешь? – донеслось от озера.

Я обернулся. Ник стоял с банкой в руках.

Джереми сунул пистолет под ногу и повернул ко мне голову.

– Эй, Пи-Ви! – не вынимая изо рта сигарету протянул он. – Прогуливаешь уроки, как большой мальчик? Милашка!

Я сделал несколько шагов вперед.

– Что у вас тут?

От тревоги в моем теле напрягся каждый нерв. В глубине глаз Ника таилось какое-то темное и сильное чувство, как тогда в подвале, когда я увидел перечеркнутые имена в Списке ненависти. Только сейчас его взгляд заставил меня серьезно занервничать.

– Ничего особенного, – отозвался Ник. – Тусим, как обычно.

– И кое в чем практикуемся, – добавил Джереми хриплым голосом. – У нас тут сегодня своя школа. Только безо всяких придурков. Школа корректировки поведения. – Он засмеялся. – Урок вот-вот начнется. Твое поведение не нужно подкорректировать, Пи-Ви?

Я скорчил мину и, проигнорировав его, обернулся к Нику.

– Давно не виделись.

– Оставь его, – сказал Ник Джереми. – Дэвид – нормальный парень. – Он подошел к нам, и я заметил в самом центре банки, которую он держал в руке, рваную дыру. – Я приду завтра в школу. Нужно кое с чем разобраться.

– С чем? – Я все глядел на банку в его руке.

Ник, прищурившись, посмотрел на озеро.

– Неважно, – ответил он. Замолчал. Потом спросил: – Ты когда-нибудь думал об этом, Дэвид?

– О чем?

– О них. О Крисе Саммерсе, Эбби Демпси, Джейкобе Кинни и

двуличной сучке Джинни Бейкер? Когда-нибудь задавался вопросом, почему они себя так ведут? Как думаешь, если бы у нас было все то, что есть у них – машины, деньги, любящие мамочки и папочки, огромные дома, – мы бы были такими, как они? Или у них это что-то врожденное и они бы вели себя так вне зависимости от того, все ли у них есть или ничего? Я к тому, что... может, они просто... плохие люди? Ошибка природы?

– Никогда не думал об этом. – Мне опять стало как-то не по себе. Когда, интересно, Ник стал человеком, с которым чувствуешь себя так неуютно?

Ник смял банку и бросил на камни у наших ног.

– Да. Наверное, ты мыслишь не так, как мы. Ты – хороший парень.

– Мы узнаем, – заговорил Джереми. – Узнаем, насколько они ущербные людишки. Да, Пи-Ви?

– Оставь его, – повторил Ник.

– Что? – изобразил саму невинность Джереми. – Пи-Ви знает, что я просто языком мелю. Знаешь что, Пи-Ви? Приезжай после к моему двоюродному брату в Уорсо. Мы собираемся порыбачить. Ты любишь рыбалку?

– После чего? – уточнил я, не уверенный в том, хочу ли услышать ответ.

– Не обращай на него внимания, он обкуренный, – сказал Ник. – Нужно отвезти его домой, а то несет разный бред. Ты тоже уезжай.

Мне не хотелось уезжать. Казалось, если я сейчас уеду, это будет означать, что я согласился на что-то опасное. Словно я стал частью секрета, которого толком не знаю, но знаю достаточно, чтобы бояться. Но быть замешанным в чем-то, чем тут занимаются Ник и Джереми, тоже не хотелось. Я чувствовал себя с ними не в своей тарелке. Поэтому взял велик и укатил. А когда они остались позади, ощутил облегчение.

* * *

Не знаю почему, но я чувствовал необходимость проверить, как дела в школе, и убедиться, что там все нормально. Вместо того чтобы поехать домой, я покатил прямо в «Гарвин».

Уроки уже закончились, и Валери сидела на трибуне, выводя черной ручкой на джинсах слово «БОЛЬ». Похоже, она разрисовывала себя целый день. Ее джинсы покрывали слова и рисунки, разрезы и скрепки. Она была

ходячей голой эмоцией.

– Я тоже хочу порисовать, – сказал я, сев рядом с ней. Достал из блокнота ручку и накарябал на ее колене смайлик.

Валери тут же зачеркнула глазки смайлика крестиками.

– Ого, да ты не в настроении, – поддразнил я ее.

– Джессика Кэмпбелл... – Вал покачала головой. – Неважно. Не знаю, почему я никак не забуду на это. И почему она не перестанет меня доставать. Хочет ненавидеть меня? Пусть. Но почему бы тогда не вести себя так, будто меня не существует? Зачем вечно цепляться ко мне?

Я пририсовал смайлику «ирокез» и гневно сведенные брови над зачеркнутыми глазами.

– Не знаю. Может, она просто плохой человек.

Валери посмотрела на меня, ее ручка застыла над джинсами.

– Забавно, мы с Ником вчера как раз говорили об этом же.

Двенадцатый класс

Через десять дней выпускной, и все только и говорят об окончании школы. Второго мая провели минуту молчания. Если не считать этого, то кажется, все забыли, что в нашем классе не будет хватать выпускников. Не прошло и четверти часа после минуты молчания, как Джейкоб Кинни – вроде как лучший друг трагически погибшего Криса Саммерса – взялся за старое.

– Эй, Дэв-а-лина, – позвал Джейкоб, когда мы возвращались на уроки. – Может, найдешь себе на выпускной блестящую розовую шапочку? С цветами!

К черту его.

Всего десять дней, и я больше никогда не услышу этого подонка. Никогда не откликнусь на «принцессу» и не буду бояться того, что кто-то увидит на обложке моего учебника по математике нарисованный ручкой член. Я буду свободен.

Но потом они опять сдернули штаны с Дуга Хобсона. Прямо за дверью раздевалки – их любимое место. Не знаю, что вызвало мой срыв. То ли накопившаяся за годы издевательств злость, то ли выражение лица Дуга, который делал вид, что ему смешно, хотя ему совсем не было весело. Своим смехом он показывал, будто сам участвует в шутке. Будто контролирует совершенно не контролируемую ситуацию.

– Повзрослей уже наконец, – сказал я, вплотную подойдя к Джейкобу. Я даже чувствовал запах у него изо рта.

Он перестал ржать, но ухмылка не сошла с его губ.

– Чего это ты вылез, педик? Я думал, тебе такое понравится. Бесплатное шоу. Тебе даже не пришлось угощать его обедом.

Достало! Достало все это выслушивать, достало на все это смотреть, достало все это терпеть. Я не задумался ни на секунду. Кулак сам собой рванул вперед и вмазал Джейкобу по скуле.

Джейкоб грохнулся на пол, а я в шоке уставился на свою ладонь. Мать честная, я только что свалил с ног Джейкоба Кинни! Но едва эта мысль мелькнула у меня в мозгу, как Джейкоб уже вскочил и кинулся на меня. Я попытался увернуться, но был слишком медлителен, к тому же его дружки обступили меня, не давая сбежать. Джейкоб с такой силой ударил меня кулаком в подбородок, что моя голова откинулась назад. Я потерял равновесие и отступил, чтобы его восстановить. Затем снова бросился на Джейкоба. Через секунду мы катались по полу, и я, зажмурившись, молотил руками как бешеный, не обращая внимания на то, куда попадаю кулаками. Джейкоб матерился и обзывал меня, бил по скулам, плечам, груди. Я продолжал колотить его, пока кто-то не подхватил меня под руки и не оттащил от него.

Открыв глаза, я увидел Джейкоба всего в нескольких футах от меня. Он кричал и пытался вырваться из хватки тренера Рэдфорда.

– Успокойся, – сказали мне в ухо.

Захотелось сдохнуть. Меня удерживает девчачий тренер! Женщина! Теперь я выглядел еще большим хлюпиком.

– Он первый в драку полез, – возмущенно заявил Джейкоб.

Приятно было видеть его окровавленную рожу. Надеюсь, эта кровь не только моя, но и его.

– Достало это все! – крикнул я так громко, что голос сорвался. – Ему все сходит с рук! Он ничему не научился! Ник столько людей застрелил, а он не изменился! Погиб его лучший друг! Его друг!

Я выглядел психом, говорил путанно и непонятно и лучшее, чего мог добиться, – это попадания в список «Потенциальных стрелков» Энгерсона, за которыми нужно присматривать, но остановиться не мог.

– Он – плохой человек! Он просто плохой человек!

* * *

Из школы меня забрала мама. Ей пришлось найти водителя, который подменил бы ее на работе. И она так расстроилась, что у нее дрожал голос.

– Отстранен от занятий, – сказала она, когда мы вышли из школы. – Повезло, что тебя не исключили. Ты говорил о стрельбе! Устроил драку! Да что с тобой такое?

Я стиснул зубы, отчего болью прострелило скулу. Мама ни о чем не знала. Естественно! Я же ей никогда ничего не рассказывал. Ни об издевательствах и прозвищах. Ни о том, что видел Ника и Джереми на Голубом озере за день до стрельбы. Ни о том, что случилось второго мая в столовой. Она совершенно ничего не знала.

Скажи что-нибудь. Просто скажи.

Но я так долго молчал, что не знал, с чего начать. Слова казались слишком сложными, история слишком длинной. Мне никогда в жизни не было так стыдно.

Вернувшись домой, я сразу пошел в свою комнату. Мама кричала из кухни: «Из дома ни ногой! К счастью, тебе дадут закончить школу!». И вопрошала, смерти мне захотелось или я обкурился чего.

– Это было ошибкой, – крикнул я в ответ. – Ошибкой! – И хлопнул дверью, слыша в ушах голос Ника: «Может, они просто... плохие люди? Ошибка природы?».

Я плюхнулся на постель, схватил ноутбук и поискал «Гарвин-Каунти Сан-Трибюн» и репортершу, которая зарабатывала на нашей школе после стрельбы.

Скажи что-нибудь. Скажи.

Я взял мобильный и набрал номер, высветившийся на экране ноута.

– Здравствуйте. Это Анджела Дэш? Вы та, кто пишет статьи о стрельбе в школе «Гарвин»? Да, у меня есть для вас новость. Один человек знал о предстоящем убийстве, но ничего не сказал. И этот человек не Валери Лефтман. Вам следует проверить других друзей Ника Левила.

Я нажал на отбой, положил мобильный на грудь и уставился в потолок. Если у меня не хватает смелости признаться во всем самому, может, кто-то найдет меня и выудит правду.

Одиннадцатый класс

201. Джейкоб Кинни

202. Джессика Кэмпбелл и ее БТБС-клуб!!! Сдохните наконец и осчастливьте всех своей смертью!

203. Родители и их семейные проблемы. Повзрослейте!

204. Все они. ВСЕ!!! ОНИ!!!

Второе мая. Обычное майское утро. Мама убежала на свой автобус еще до того, как я вылез из постели. Папа трудился в подвале и слушал по радио песню своих золотых деньков группы Pearl Jam. Брэндон спал. Мы с Сарой уныло ели хлопья. Сара через две недели заканчивала школу, а меня ждал еще один год унылого поедания хлопьев.

За мной зашел Мэйсон, и мы потопали в школу. От влажной травы тут же промокли кроссовки. Перед нами вился дымок от сигареты Мэйсона.

– Я не выдержу еще двадцать дней, – сказал он. – Я нахрен брошусь вон с того моста, если еще хоть минуту посижу на уроке мировой истории.

Рядом остановилась черная крутая тачка. За рулем сидел Джереми. Пассажирское стекло опустилось, и с заднего сидения донесся детский плач. На нас взглянул Ник – бледный, скрывавший глаза за солнцезащитными очками.

– Вас подбросить? – спросил он.

Как бы сильно Мэйсон ни любил дымить по утрам и как бы ни бесил оглушительный детский плач, отказываться от такого предложения мы не собирались. Мы втиснулись на заднее сиденье рядом с автокреслом. Ребенок заголосил еще громче.

– Заткнись, Дилан, черт тебя подери! – крикнул Джереми, поднял стекло и нажал на газ. – Эта сучка по гроб жизни мне должна за то, что сегодня спихнула его на меня.

Ник пробормотал что-то, чего мы не расслышали за детским ревом, и они с Джереми засмеялись. Эти двое были под кайфом. Я чувствовал запах травки и видел в боковом зеркале, как странно улыбается Ник.

– Готовы к последнему учебному дню? – обернулся к нам Ник, сверкая своей жутковатой улыбкой.

– Осталось еще двадцать дней, – промямлил я.

Он некоторое время смотрел на меня из-за своих темных очков, затем отвернулся.

– Ничего, дружище, скоро все закончится, – наконец сказал он.

– Скорее чем вы думаете, – добавил Джереми и снова засмеялся.

Я глянул на Мэйсона, но тот смотрел в окно. Его, похоже, не пугало странное поведение Ника и Джереми. Неудивительно, он ведь не видел списка с зачеркнутыми именами. Или пистолета на озере.

Джереми остановился на Старлинг-стрит, перед футбольным полем. Я видел сидящих на трибунах Стейси и Дьюса.

– Нужно отвезти мелкого паршивца в садик, – сказал Джереми. – И закупить еды в дорогу. После сегодняшнего буду отсиживаться. А вы вылезайте.

Мэйсон открыл дверцу, и мы вышли из машины. Барабанные перепонки больше не лопались от детского плача. От облегчения я даже не заметил, что Ник не вышел вместе с нами, а поехал дальше с Джереми.

– Тебе не кажется, что он ведет себя странно? – спросил я.

– Этот чувак всегда странный. Весь мозг пропил и прокурил, – ответил Мейсон.

– Не, я о Нике.

– Да нет вроде. Только что уроки прогуливает.

Мы пересекли поле, идя плечом к плечу.

«У меня просто разыгралось воображение», – убеждал я себя. Ник нормально себя ведет, а у меня просто паранойя. Если бы он что-то задумал, то обязательно бы нам сказал. Если буду разводить панику на пустом месте, то лишь взбешу Ника и выставлю себя дураком. У меня просто разыгралось воображение.

Однако убедить себя в этом не удалось.

Мы дошли до трибун. Друзья болтали и дурачились, поэтому вскоре я забыл о поездке в машине Джереми. Был обычный день. Очередное второе мая.

Подошел автобус, на котором ездит Валери, и я сразу понял: что-то случилось.

– Смотрите, что эта сучка Брутер сделала с моим плеером, – в бешенстве сказала она, подойдя к нам.

– Ох ты ж, – взглянул я на треснувший экран. – Его можно починить. – А сам подумал: может, я смогу ей его починить и она увидит во мне кого-то больше, чем просто друга? Глупо, я это знал.

Взгляд Валери переместился за мою спину. Она понеслась наверх по трибуне и помахала вернувшейся машине Джереми. Из нее вышел Ник. Холодно кивнув, он направился к нам. Валери сбежала по ступенькам к нему, тут же позабыв обо мне. С чего я взял, что предложение починить ее дурацкий плеер изменит ее отношение ко мне? Как мне могло прийти в голову, что я превзойду Ника Левила? Мне ничего не светит.

К нам подошел мистер Энгерсон:

– Ученики, давайте не будем опаздывать на уроки. Пора идти в класс.

Дьюс встал, за ним – Стейси. Мэйсон позвал Джоуи и тоже свалил. Я остался один внизу у трибуны. Вал с Ником медленно направились к школе. Они шли на несколько шагов впереди меня, и я слышал обрывки их разговора: «ненавижу ее», «я с этим разберусь» и «давай покончим с этим». Я намеренно держался позади них, медленно переставляя ноги. Мне надоело быть третьим лишним. Надоели странное поведение Ника и

преданность Валери человеку, который давно уже был не с нами.

И тогда-то я это увидел.

Порыв ветра приподнял подол куртки Ника – немного, но этого хватило, чтобы взгляду открылся торчащий у него за поясом черный металл.

Я оглянулся, но, видимо, кроме меня этого никто не заметил. Никто ничего не видел. Но я видел, и я точно знал, что это тот самый пистолет, который Джереми вчера спрятал себе под ногу на озере.

Все встало на свои места. Все сложилось – начиная с того, как я нашел у Ника Список ненависти, как я вписал в него имя Криса Саммерса, и заканчивая хищным взглядом Ника. Я знал, что случится, с тех пор как Джереми пригласил навестить его *после* в Уорсо.

«Нужно закупить еды в дорогу. После сегодняшнего буду отсиживаться».

Я знал о предстоящем все это время, но пытался убедить себя, что ошибаюсь.

Но я не ошибался.

Ник Левил собирается устроить в школе стрельбу.

Двенадцатый класс

До выпускного оставалось три дня. Я все еще был отстранен от занятий и большую часть времени сидел, запершись в своей комнате и подумывая о самоубийстве.

Я жалок, да? В ушах так и слышался голос Криса Саммерса: «Перестань вести себя как баба-истеричка. Это же шутка».

Не знаю, если честно, насколько серьезно я помышлял о самоубийстве. Насколько близко я был к тому, чтобы наложить на себя руки. Я чувствовал себя глупо. Казалось, я должен был хотя бы понимать, хочу умереть или нет, но, к сожалению, все было не так просто.

До стрельбы мне по большей части нравилась моя жизнь. У меня были хорошие родители. Классная сестра. Даже Брэндон при желании становился неплохим парнем. Мне нравились мои друзья. Я любил потрясающую девушку, и пусть она не отвечала мне взаимностью, но была рядом – похлопывала меня по колену или плечу, привлекая внимание, или сыпала шуточками на собраниях.

Крис Саммерс с Джейкобом Кинни заставляли меня страдать, и порой мне бывало так плохо, что проведенные в школе часы приносили одни мучения, но я никогда не хотел умереть. Однако после стрельбы я

чувствовал себя никчемным трусом. Полиция искала информацию, а я обладал ею, но слишком боялся ее дать. Валери прошла весь ад вдоль и поперек, чтобы очистить свое имя, а я побоялся выручить ее. Я отчаянно трусил и чувствовал дикую вину за свой страх. Копы разыскивали Джереми Уотсона. Весь город разыскивал Джереми Уотсона. Все нуждались в ответах, которые имелись у него, но никто не мог его найти. А я знал, где он находится. И ничего не сказал.

В итоге от самоубийства меня удержали мысли о газетных заголовках. Я страшился, что обо мне напишут: «Жертва издевательств на почве нетрадиционной сексуальной ориентации повесился в ванной».

Все ведь увидят только одно – нетрадиционную сексуальную ориентацию. В статьях ни слова не будет сказано о Списке ненависти, о Валери, Джереми Уотсоне, о том, что случилось за день до стрельбы, или о тех секретах, которые рвали мое сердце на части. Мама будет плакать и говорить репортерам, что не знала о моей ориентации и что я мог бы во всем ей признаться. Она будет винить себя. Отца будет мучить вопрос, почему я просто... ничего не сказал.

Никто не узнает правды. Да и важна ли уже эта правда?

* * *

Мэйсон пришел ко мне в вечер выпускного бала. От скуки.

– Больше ни за что не пойду на дурацкие танцы, даже если мне заплатят, – сказал он, запустив руку в пакет с попкорном из микроволновки, который уже сто лет валялся у меня на полу. – Видел бы ты, как нелепо выглядел Дьюс в костюме. Он теперь под каблуком у Стейси.

– Валери на танцы пришла? – спросил я, зная, как прозвучит мой вопрос, но уже не волнуясь об этом. Ник умер. Все изменилось. Так какая разница?

– Откуда ж мне знать, блин? – Мэйсон сунул в рот попкорн. – Но Дьюс видел ее на кладбище. На могиле Ника. Страшно злился, что она долго там не появлялась.

– А ему-то какое до этого дело?

– Ну как же. Она ведь виновата. Валери знала о планах Ника. Должна была знать. И ничего не сказала. Она во всем обвинила Ника. По-моему, если ты знаешь, что произойдет что-то плохое, и ничего не говоришь, то также виноват. Все равно что сам на курок нажимал.

У меня упало сердце, во рту пересохло. Я прочистил горло.

– Может, она узнала об этом слишком поздно.

– Сейчас еще не слишком поздно. Она должна сознаться. – Мэйсон скривился и кинул пакет с попкорном обратно на пол. – Гадость какая. Пойдем купим нормальной жратвы.

Но я не мог никуда идти. Кружилась голова, потели ладони. Казалось, меня вот-вот стошнит. Я выпроводил Мейсона, сказав, что меня не выпускают из дома, и остаток вечера просидел на полу спальни с канцелярским ножом в руке, дрожа, плача и бормоча: «Я не могу признаться, не могу рассказать... мне нужно рассказать, но я не могу... мне нужна помощь, я недостаточно сильный, они были правы – я слабый».

Я не хотел умирать. Но и жить так дальше тоже не хотел. Не хотел быть человеком, который знал и ничего не сказал. Не хотел быть человеком с этой... картинкой... в голове – картинкой того, как умирает Крис Саммерс. Не хотел быть человеком, который знает, что Джереми Уотсон – таинственный монстр, которого все вокруг ищут, – скрывается в доме своего двоюродного брата в Уорсо, Миссури. Я не хотел больше встречаться лицом к лицу с Джейкобом Кинни, Дьюсом и даже Валери.

Солнце село, и моя комната погрузилась во тьму, а я все сидел на полу. С подбородка на грудь капали слезы, слюни и сопли. Рука так сильно сжимала нож, что занемели пальцы. Я бесконечно повторял самому себе, как мне жаль, как я зол, все повторял и повторял и повторял...

Таким меня и нашел отец.

– Что за... Дэвид? Что происходит? – Он включил свет, и мы оба заморгали.

В комнате слабо запахло растворителем, и я снова разрыдался.

– Пап... – завыл я, как малыш в машине. *«Заткнись, Дилан, черт тебя подери!»*.

– Господи! – выдохнул отец, бросился ко мне и отобрал нож. Ему пришлось разжимать мои пальцы один за другим – я держал его так долго и так крепко, что они не разгибались. – Ты... Ты... – Он обхватил мое лицо ладонями, развернул к себе и лихорадочно оглядел. – Что случилось?

Папа сел на корточки рядом со мной, схватил за плечи и встряхнул.

– Скажи что-нибудь!

И я сказал.

Наконец-то сказал.

Одиннадцатый класс

204. Все они. ВСЕ!!! ОНИ!!!

204. Все они. ВСЕ!!! ОНИ!!!

204. Все они. ВСЕ!!! ОНИ!!!

Когда я услышал, что Ник со всем разберется, у меня внутри все перевернулось. Ник с Валери вошли в школу, а я побежал за мистером Энгерсоном, который всегда, всегда, всегда стоял у автобусной остановки, не давая никому веселиться.

Всегда...

Но не второго мая.

Я обежал всю автобусную петлю в поисках его, заглядывая в открытые автобусные двери и промежутки между автобусами. Он только что торчал где-то тут. А теперь его нигде нет. Миссис Тейт, наш психолог, стояла далеко от меня, у главного входа в школу, и на секунду я замер, отчетливо слыша тиканье невидимых часов. Мне нужно было принять решение, и быстро – до того как выйдет время.

Я был на полпути между Тейт и входными дверями. Мог либо перехватить ее и что-нибудь сказать, либо войти в школу, попытаться найти Ника и остановить его сам. Я сделал неправильный выбор.

У миссис Тейт была портативная рация. Как и у мистера Энгерсона, и у офицера Белкина – нашего школьного охранника. Тейт могла связаться по рации с Белкиным. Он мог добраться до Ника прежде, чем случилось непоправимое. А мог и не добраться. Я этого уже никогда не узнаю, потому что решил не обращаться к миссис Тейт.

Я решил войти в школу. И найти Ника.

В коридорах, как обычно, было полно народу, ребята неохотно расходились по классам. Никто не спешил, потому как никто не жаждал идти на уроки. Наступил май. Всем плевать на опоздания.

Я пробился, протолкался, протиснулся сквозь толпу школьников, слыша за спиной недовольные и раздраженные восклицания. Мне было не до них.

Первый выстрел прозвучал, как только я зашел в столовую. Несколько человек испуганно вскрикнули, но больше никто никак не отреагировал, словно все посчитали происходящее шуткой. Я знал, что это не шутка, но очень хотел верить в обратное. Поверх голов я видел какую-то сумятицу у стены. В середине столовой мелькнула черная куртка Ника, затем раздался крик:

– Господи! Кто-нибудь! Помогите!

Я бы узнал этот голос где угодно.

– Валери! – бросился я вперед.

Я пытался добраться до нее, но стоило мне начать двигаться, как раздался еще один выстрел и до людей наконец-то дошло, что кто-то устроил настоящую перестрелку. Повсюду кричали и визжали, переворачивались столы. Толпа тащила меня за собой назад. Я тщетно пытался пробиться сквозь нее. Чем дальше я продвигался в столовую, тем сильнее толпа увлакивала меня назад, к выходу. Мне наступали на ноги, пихали локтями, затем кто-то сильно ударил меня по голове и я упал.

Упав, я тут же встал на четвереньки и попытался подняться. Толпа неслась прямо по мне, давя мне ногами ступни и руки. Мне дали по носу коленом, и перед глазами вспыхнул свет, а по губам потекла кровь. Все так напирали друг на друга, что невозможно было двигаться, невозможно было подняться.

На мгновение меня охватил ужас. Послышались новые выстрелы и крики. И с каждым выстрелом на меня неслась новая волна людей, спотыкающихся о мои ноги, отдавливающих мне лодыжки. Я свалился на пол и стонал от боли каждый раз, когда на меня наступали. В голове пронеслось: в новостях меня упомянут как ребенка, которого затоптали до смерти.

А потом я увидел руку прямо у себя перед лицом, протянутую ко мне сквозь тьму.

– Вставай! – услышал я.

Подняв взгляд, увидел стоящего надо мной Криса Саммерса.

– Вставай! Нужно убираться отсюда! – он нетерпеливо потряс рукой.

Происходящее не укладывалось у меня в голове. Крис Саммерс хотел мне помочь! Я ухватился за его руку, и он вздернул меня на ноги. На Саммерсе лица не было, глаза лихорадочно поблескивали, он действовал на одном лишь адреналине.

– Он стреляет! Беги! – закричал он и толкнул меня в плечо к выходу.

Но я оцепенело стоял, смотря на то, как Саммерс поворачивает обратно. Как он опускается на колени и затаскивает под перевернутый стол, в безопасность, окровавленную девушку. Как он направляет другую девушку к двери, толкая ее в толпу.

А потом он свалился на пол. Он истекал кровью. И в нескольких футах от него стоял Ник, вытянув вперед руку с пистолетом.

Ник вскинул голову и наши глаза встретились. Его губы дрогнули и едва заметно изогнулись в легкой усмешке. Он выглядел напуганным, но в то же время гордым собой. И в это мгновение, когда мы смотрели друг на друга, я почувствовал, прочитал его мысли: *«Это дело наших рук»*. Потому что не только он вписал имя Криса в Список ненависти. Я тоже был

виноват.

Я повернулся и побежал. Сбивая с ног тех, кто до этого сбивал меня. Не заботясь о том, что они падают, что я причиняю им боль и что оставляю их позади. Мне хотелось только одного – выбраться из столовой, убраться отсюда подальше. Я не от Ника убегал. Ник бы мне не навредил.

Я убегал от Криса и всей этой крови.

Я убегал от своей вины.

«Никогда! – пообещал я себе. – Никогда об этом не заговорю. Никогда ничего не скажу».

Двенадцатый класс

Я поговорил с Валери на выпускном, сразу после церемонии. Она сидела на трибунах одна. Кисточки ее лежащей на коленях шапочки развевались на ветру, точно флаг. Вал смотрела на футбольное поле, спрятав ладони в складках мантии. Солнечный свет придавал ей мягкость. Сияние. Нежность.

Эту Валери я больше не знал, и это было печально, потому что в глубине души я по-прежнему чувствовал связь с ней. В глубине души я знал, как тяжело ей пришлось в этом году, как много она боролась за себя, за Ника. Закончить «Гарвин» стоило Валери огромной смелости, и когда она, отвоевав свое место в нашем классе, стояла с гордо поднятой головой перед всеми этими людьми, которые обвиняли ее в стрельбе, в моем сердце шевельнулась былая любовь к ней.

Я заставил отца пообещать мне, что он никому ничего не расскажет, пока я сам не признаюсь во всем Валери. Из-за меня она целый год несла на своих плечах тяжесть вины. Я позволил всем считать ее монстром, который знал о планах Ника, но никому о них не сказал. А монстром была не она. Это был я. Самое меньшее, что я мог сделать для нее, – рассказать ей правду.

– Привет, – сел я рядом с ней. – Поздравляю.

– Спасибо, – ответила она, не отводя глаз от поля. – И я тебя поздравляю.

– Наш выпускной не особо похож на праздник, правда?

Ветер снова подхватил кисточки на шапочке и взметнул их к щеке Вал.

– Да уж. Как думаешь, мы когда-нибудь сможем снова испытывать радость?

Я поскреб носком туфли по гравию, чувствуя себя глупо в мантии. Было ощущение, будто я вырядился в платье. Если бы Крис Саммерс

выпускался вместе с нами, то точно обозвал бы ее платьем, лишь бы надо мной постебаться.

– Не знаю.

– А знаешь, что забавно? – спросила Вал, наконец оторвав взгляд от поля и переведя его на свои руки. – Я всегда думала, что Ник хочет закончить школу. Но на самом деле он ведь никогда ни говорил о будущем. Может, стоило видеть в этом знак.

– Не мучай себя этим, Вал, – попросил я, положив ладонь ей на спину.

– Ничего не могу с собой поделать. Никак не могу перестать думать о том, что упустила из виду. Я была так слепа. Клянусь, я не знала об этом, Дэвид. Ты же веришь мне?

Я уронил руку на спинку сиденья и сделал глубокий вдох.

– Я знал.

– О чем ты? – покосилась на меня Вал.

– Я знал. Видел все знаки. Видел зачеркнутые в Списке ненависти имена, видел Ника и Джереми с пистолетом на озере за день до стрельбы. Видел пистолет под курткой Ника перед стрельбой. Я все видел, но не хотел в это верить. Не хотел втянуть его в неприятности или... сам не знаю. Все, что я знаю – я предвидел случившееся и пытался перехватить Ника, но опоздал. Я должен был рассказать кому-нибудь обо всем за день до стрельбы, но не рассказал. Тебя во многом обвиняли, а виноват был я. Не ты, а я.

Валери медленно покачала головой, словно не веря в услышанное.

– Почему ты не сказал об этом мне? – прошептала она.

– Потому что я... – По спине пробежал холодок страха. – Потому что я трус и дерьмовый друг. – Голос стал сдавленным от слез. Я сделал несколько глубоких вдохов и прижал кончик языка к небу, сдерживая рыдания. – Мне очень жаль. Прости.

Валери поднялась и застыла, видимо, не зная, что делать.

– Тебе жаль, – повторила она.

Я кивнул, не смея поднять на нее глаз.

– Не могу поверить... Не могу поверить в то, что ты все это время молчал.

– Знаю.

Она постояла так еще пару минут, пока до нас не долетели голоса людей, совершающих праздничный обход кампуса. Я поспешно вытер щеки и встал рядом с Валери.

– Думаю, я знаю, где сейчас Джереми. Во всяком случае, знаю, куда он отправился после стрельбы. Я сообщу об этом полиции. Просто хотел

сначала рассказать тебе.

– О господи! – закричала Вал, взмахнув руками. – Ты все это время знал, где находится Джереми? Меня с этим доставали копы, а ты позволил всем думать, что я... Боже, Дэвид! Я думала, мы были друзьями.

– Прости. – Я стоял, глядя ей в лицо, не вытирая своих слез. – Если ты меня ненавидишь, я тебя не виню.

Валери задержала дыхание и закрыла глаза, потом вздохнула и ее плечи поникли.

– Я не ненавижу тебя, – тихо произнесла она. – Хватит с меня ненависти.

Она снова села на скамейку, и я опустился рядом. Наши плечи соприкасались, но, казалось, нас с ней разделяют миллионы миль. Какая бы связь между нами ни была, она оборвалась.

– Он был неправ, считая, что они – ошибка природы, – заметил я.

– Кто?

– Ник. По его мнению, такие люди, как Саммерс, генетически ущербны. Они – ошибка природы, которую можно стереть. Но он ошибался, потому что даже после стрельбы остались люди, ненавидящие друг друга и... – Перед глазами встала протянутая рука Криса Саммерса. – Иногда эти люди бывают хорошими. Они просто обычные люди. Как мы. Вот и все. Ник ошибался. Сводить счеты с ними было бесполезно. Это ничего не изменило.

– Нет. Это изменило все, – ответила Валери. – Только не так, как он того ожидал.

Мы смотрели на футбольное поле, солнце поднималось все выше, наши головы под шапочками нагрелись. Мы больше ни слова не произнесли. В конце концов Валери поднялась и ушла к школе, оставив меня одного на трибуне.

Это был последний раз, когда я ее видел.

* * *

Несколько дней спустя мы с отцом пошли в полицию. Я рассказал обо всем, что мне было известно, и Брэндон помог нам заполнить некоторые бланки. Он клялся, что Джереми с Ником никогда не говорили о своих планах с ним, но ни капли не удивился, узнав, что Джереми был замешан в стрельбе.

– Этот чувак – псих, – сказал брат. – Гребаный параноик. У него дома

какого только оружия нет. А тот паренек – Ник – бегал за ним, как собачонка. Я должен был догадаться, что ничего путного из этого не выйдет. Но Джереми никогда мне ничего такого не говорил. Если бы сказал, я бы ему сразу в табло прописал.

После оформления всех бумаг в полиции я оцепенело сел на заднее сиденье папиной машины. Казалось, на меня в любую секунду обрушится мир. И меня страшно пугало незнание того, в какой момент это произойдет. Я видел, как общество относилось к Валери, считая ее виновной. То, через что ей пришлось пройти, наверное, не сравнится с тем, что придется испытать мне, когда правда выйдет наружу. Буду ли я таким же сильным, как Валери? Не уверен.

– Все закончилось, – сказал папа и завел двигатель.

Я фыркнул. Он же не вправду так думает?

– Пора забыть о случившемся и жить дальше, – продолжил он. – Всем. Похоже, все так и сделали.

Я пытался дозвониться до Валери из полицейского участка, сказать ей, что дело сделано, умолять ее меня простить. В глубине души я все еще надеялся залатать трещину между нами. Возможно, со временем мы могли бы начать отношения с чистого листа. Она бы увидела, какой я заботливый. Как сильно я отличаюсь от Ника. Но ее мобильный был отключен.

Стейси поступила в университет на северо-западе Миссури и уедет туда в конце лета. Дьюс устроился рабочим на стройку на юге, куда отправился на следующий же день после выпускного. Я не был свидетелем их разрыва, но, по словам Мэйсона, он вышел эпичным и Дьюс со Стейси орали как ненормальные.

Мэйсон каждую свободную секунду проводил с девушкой, которую встретил на вечеринке в честь выпускного. Бриджет сняла квартиру в центре города, а Джоуи, обкурившийся в хлам и даже не объявившийся на выпускном, был задержан с огромным количеством дури и отправлен в лечебницу. Куда подевались все остальные? Кто знает. Да и кому было до этого дело? Мне лично – никакого.

Все что меня заботило – мое собственное будущее. Меня приняли в местный колледж. Учеба меня не вдохновляла, но я не знал, что еще делать со своей жизнью, поэтому решил учиться. Я не знал, какую специализацию выбрать, и остановился пока на курсе психологии. Кто-то сказал мне однажды, что люди, изучающие психологию, могут разобраться в самих себе и понять, что с ними не так. Может, я смогу понять, что меня делало такой легкой мишенью. Хотя, наверное, мне уже известен ответ на этот вопрос. Легкие мишени молчат. Легкие мишени не сдают обидчиков.

Я сидел на заднем сиденье папиной машины, глядя на полицейский участок, и не мог даже думать о колледже, психологии, налаживании своей жизни. Я думал лишь о той единственной вещи, в которой еще не признался. И умолчал о ней, боясь не общественного мнения, а мнения отца обо мне как о человеке.

– Я вписал имя Криса Саммерса в Список, – сказал я. – Ник уже и так это сделал, но я вписал его еще раз. А теперь Саммерс мертв и я не знаю, этого ли я хотел... то есть я уверен, что хотел не этого... но я все равно чувствую себя ответственным, потому что, внося Саммерса в Список, ненавидел его всей душой. Боже, я так его ненавидел. Черт! – двинул я кулаком по приборной панели.

Папа повернул ключ зажигания, уронил ладонь на колено.

– Ты же не знал, что Ник собирается его застрелить, – произнес он.

– Но я знал, что это – Список ненависти.

– А Крис Саммерс знал, что нападать на тебя в раздевалке – плохо. Я уверен, если бы можно было все вернуть вспять, все бы повели себя иначе.

Я моргнул. Так ли это? Для меня – так. И для Валери тоже. И, возможно, для Джессики, учитывая то, как после стрельбы она сблизилась с Вал. Может, именно поэтому Крис Саммерс помог мне? Он попытался взять назад все свои поступки, повести себя иначе? И когда я ухватился за его руку и позволил помочь мне, я принял это? Мне этого никогда не узнать.

– Теперь уже слишком поздно, – отозвался я.

Папа повернулся, посмотрел мне в глаза и сказал:

– Все закончилось, Дэвид. Все закончилось. Теперь все будет налаживаться. Ты должен в это верить. Оставь этот кошмар позади и поверь в лучшее будущее.

Я снова фыркнул, но в душе чуточку поверил ему. Возможно, я смогу оставить прошлое позади и поверить в лучшее будущее. Нужно только уцепиться за эту мысль. Пока и этого будет достаточно.

«ГАРВИН-КАУНТИ САН-ТРИБЮН»

11 мая 2009 года репортер Анджела Дэш

Задержан подозреваемый в школьной стрельбе, скрывавшийся в загородном доме в Уорсо

Сегодня был арестован подозреваемый в стрельбе, произошедшей в 2008 году в школе «Гарвин». Он был взят под стражу полицией и выведен

из дома в наручниках. Полицейские, обнаружившие двадцатидвухлетнего Джереми Уотсона, говорят, что нашли его убежище по наводке бывшего ученика школы «Гарвин». Информатор сам присутствовал 2 мая 2008 года при беспорядочной стрельбе, устроенной его другом.

По словам полицейских, Уотсон скрывался в загородном доме своего родственника со дня стрельбы. На месте его ареста найдено различное оружие, включая патроны того же калибра, которыми стрелял Ник Левил.

Джесек Энгерсон, директор школы «Гарвин», сказал:

– Это тот кусочек пазла, которого нам всем не хватало. Нас мучили вопросы «почему?» и «как?». Этот молодой человек даст нам на них ответы. Надеюсь, теперь, когда он за решеткой, все будут спать спокойнее. Я уж точно буду спать спокойнее. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы он заплатил за свое участие в этой трагедии. И возможно, если он расскажет нам, что вызвало срыв Ника Левила в тот день, мы сможем предотвратить подобное в будущем.

– Когда Джереми откроет всю правду, некоторые люди пожалеют о том, через что заставили пройти мою семью, – сказала Дженни Лефтман, мама Валери Лефтман – бывшей подозреваемой в стрельбе. – Однако просить прощения будет поздно. Прожитого не вернешь, сколько бы они не извинялись.

Валери Лефтман никак не прокомментировала случившееся.

Благодарность

Прежде всего я хочу выразить глубокую благодарность Кори Дейо за подаренный мне шанс, за ее дружбу и наставничество, за смелость, которую она вселяла в меня, побуждая снова и снова стучать пальцами по клавиатуре, и за то, что она всегда была моим самым ярим «болельщиком».

Безмерно благодарю Т. С. Фергюсона за его веру в мою историю, за обучение меня писательскому ремеслу, за терпеливые ответы на безумное количество вопросов и за привитое мне умение копать глубже, чем я от себя ожидала.

Благодарю всех сотрудников издательства «Little, Brown», которые работали над этой книгой, в особенности Дженнифер Хант, Альвину Линг и Мелани Сандерс. Отдельное спасибо Дэйву Каплану за потрясающую обложку.

Спасибо моим друзьям-писателям Шерил О’Донован, Лаури Фабрицио, Нэнси Писториус и моим девчонкам из «Café Scribe» – Дэни, Джуди, Серене и Сьюзи – за дружеское плечо в минуты сомнений и всяких «я не могу...»

Спасибо моей маме Бонни МакМуллен. Она не просто говорила, а ежедневно доказывала мне, что в жизни возможно абсолютно все.

Спасибо моему папе Томасу Горману. Над какой бы историей я ни работала, он всегда говорит всем, что она самая лучшая из всех.

Я также благодарна своим отчиму и мачехе – Биллу МакМуллену и Шерри Горман. Моим названным «папочке» и «мамочке» – Деннису и Глории Хей, а также «сестричке» Соне Джексон, которые десятилетия назад предсказали, что этот день настанет.

Спасибо моему мужу Скотту. Не выразить словами, как благодарна я за твою несокрушимую веру в меня, поддержку и любовь. И спасибо моим детям – Пейдж, Уэстону и Рэнду – за их терпение и вдохновение. Я с оптимизмом смотрю в любое будущее с вами тремя у руля.

И наконец, я от всей души благодарю того, кто дергает «там» за ниточки. Подозреваю, Джек, что это ты. За мной большущий должок!

Примечания

Слова из песни «If Everyone Cared» канадской рок-группы Nickelback.
Здесь и далее прим. переводчика.

Flogging Molly – ирландско-американская группа, исполняющая кельтский панк.

Отсылка к фильму «Тельма и Луиза», в котором девушки решают покончить с собой, сорвавшись на машине в пропасть.

«Give Peace a Chance» – песня Джона Леннона.

В организации скаутов для девочек есть несколько уровней. Один из них – брауни, для девочек, учащихся во втором и третьем классе.

Опра Уинфри – американская телеведущая, актриса, продюсер.

Цитата из «Гамлета, принца датского» Уильяма Шекспира в переводе М. Лозинского.

Рэйчел Рэй – телеведущая, знаменитый шеф-повар.

«Закон и порядок» – американский полицейский и юридический телесериал.

«Цыпленок Цыпа» – полнометражный мультфильм студии «Disney».

Гомер Симпсон – главный герой мультсериала «Симпсоны».

Капсула времени – контейнер, в который помещается послание для будущих поколений.

По-английски «камень», «горная порода» – rock. Героиня решила, что rock museum – это музей рок-музыкантов.

Дэвид Майкл Леттерман – американский комик, ведущий программы «Вечернее шоу с Дэвидом Леттерманом».

«Эмбер алерт» – система экстренного поиска похищенных или пропавших детей, действует в США и Канаде.

«Дар страха. Как распознавать опасность и правильно на нее реагировать» – книга американского автора Гэвина де Беккера.

Брат Тук – монах из народных баллад про Робин Гуда.

Пи-Ви – главный персонаж американского кинофильма «Большое приключение Пи-Ви» и одноименного телешоу. Взрослый мужчина с по-детски наивным взглядом на жизнь.